

ПОВЕЛИТЕЛЬ ТЕНЕЙ

ТОМ 1

Илья Модус

Люди, эльфы, гномы...

Величественные горы, полноводные реки, цветастые луга и восхитительной красоты замки

Таков он — далекий, но прекрасный мир Аурхейм.

Здесь добрые герои всегда побеждают негодяев.

Но не стоит верить легендам.

Истории пишут исключительно победители.

А кто победил — тот и добро.

Не верьте в сказочность Аурхейма.

Иначе вас прирежут в ближайшей подворотне.

Просто потому, что кто-то это может сделать.

И ему за это ничего не будет.

А в остальном — добро пожаловать в Аурхейм.

У нас для вас есть прекрасная история борьбы Добра со Злом.

Но есть нюанс... Зло — это вы.

И с сегодняшнего дня мы за вами охотимся.

Пролог

Предрассветный туман стелился одеялом по чаще, обволакивая едва различимой пеленой поляну на опушке прекрасного леса.

Капли прошедшего ночью дождя уже играли робкими огнями в лучах просыпающегося дневного светила, намекая обитателям на то, что вот-вот день вступит в свои права и туман исчезнет, обнажив всем, кто в состоянии увидеть, то, что происходит в высокой траве на опушке Великого леса.

Угольно-черный ворон сидел на одной из ветвей, бусинками глаз наблюдая за тем, как в белоснежной мгле мелькает неясный силуэт.

Действия, укрытые до поры до времени за природной пеленой, сопровождались легким позвякиванием металла, утробным рычанием и чавкающими звуками, порой переходящими в ворчание, сменяющееся истощными криками и звуками ударов.

Вековые деревья могучими стволами и непроницаемыми кронами окружали этот участок непроходимой чащи.

Подобно отлично выдрессированным охранникам, они, не шелохнувшись, наблюдали за тем, как тает туман, приоткрывая завесу тайны того, что происходило на поляне.

Кровь и тела — вот что открылось ворону, как только туман рассеялся в лучах могучего рассвета.

Десятки трупов, утыканных толстыми арбалетными стрелами, изрубленных мечами и топорами, небрежно лежали на поляне, устремив свои угасшие взоры к небу.

Их прекрасные лица, словно вылепленные из самого лучшего фарфора, были забрызганы кровью, но от этого не становились отвратительными.

Их длинные белоснежные волосы, подобно части растворившегося тумана, укрывали траву, словно пытались хоть немного прикрыть лужи крови и части порубленных тел, словно дети леса стыдились того, что произошло на этой поляне сегодня ночью.

Даже мертвыми, эльфы были прекрасны.

Но парочка гоблинов, трусливых падальщиков, не интересовались красотой.

Их не волновали ни искусно выполненные латы, пробитые арбалетными болтами, или проломленные могучими боевыми топорами.

Гоблинов не интересовали тончайшие ткани, из которых была выполнена одежда погибших.

Падальщиков даже не привлекали разоренные сундуки и кофры эльфов, разбросанные по всей поляне.

Гоблины с наслаждением пировали мертвечиной, время от времени сражаясь за наиболее аппетитные куски плоти эльфов.

Или же, добывая сильными и точными ударами тех из них, кто не имел совести умереть до прибытия трупоедов.

Такое мясо может еще подождать — гоблины не любят свежую добычу. Мясо эльфа должно быть холодным, а кровь — уже начать сворачиваться. Так вкуснее всего.

Придется ждать, пока некоторые тела, пережившие эту ночь, остынут.

Но ждать недолго — к тому времени как холодные эльфы буду обглоданы так, что их белоснежные кости начнут сверкать на солнце почище их блестящих лат, остынут и добытые воительницы.

И пир продолжится.

Они столь увлеклись этим процессом, что даже не заметили, как за их спинами, всего в нескольких метрах от перевернутой и практически сгоревшей повозки воздух стал рябить подобно воде, в которую крестьянский мальчишка бросил камень.

Оба трупоеда отвлеклись от своего занятия лишь тогда, когда грохот прокатился по опушке леса и на окровавленную поляну ступила высокая фигура в черных одеждах.

Один из гоблинов, смакуя белоснежный пальчик одной из эльфийских воительниц, увидев незваного гостя, толкнул собрата уродливой рукой, привлекая внимание того к непрошенному гостю.

Парочка трупоедов наблюдала за тем, как неизвестный, скрывающий свое лицо под капюшоном черной накидки, потянул носом воздух.

Маленькие глазки парочки внимательно оценивали пришельца.

Они не горели желанием сражаться с человеком в черном. Да, на нем не было доспеха или другой защиты.

Фактически он был облачен лишь в черную рубаху, да такие же черные штаны. Добротные черные сапоги сделали шаг в сторону ближайшего трупа, присел и принялся разглядывать убитую.

— Эльфы, значит, — негромко произнес пришелец, выдавая в себе особь мужского пола. — Плохо дело.

На мгновение он повернулся в сторону гоблинов, позволив им заметить темную щетину на его подбородке.

А затем он отвел взгляд, не придав им значения и принялся обшаривать тело убитой.

Куцых мозгов парочки хватило, чтобы понять кто перед ними.

Человек.

Его волосы черны, как одежда, а у эльфов они всегда белоснежно-молочного цвета. Да и растительность на лице у длинноухих отсутствует.

Гному намного ниже этого гостя, а и бороды столь объемны, что их можно было бы спутать с гривами лошадей.

Но, что делает человек здесь, на границе территории эльфов, где их не видели уже...

Гоблины не ориентировались во времени, а потому не могли понять сенсационности происходящего.

Гораздо больше их привлекало то, что человек принялся раздевать труп, снимая с убитой эльфийки ножны для ее великолепного блестящего в солнечном свете клинка.

Трупоедам это не понравилось.

Своим маленьким мозгом они не могли придумать другой причины нахождения здесь живого и разумного существа, кроме как то, что он намеревался отнять у них часть добычи. И намеревался пожрать тело, обустроивая свой обед, лишая его одежды.

Ну да, старейшина в роду говаривал, что люди туповаты и не разрывают добычу, потому что они еще и слабы, и их когти на подобное не способны. Люди очищают мясо от шкуры, прежде чем начать его пожирать.

Гоблины голодали много дней, прежде чем увидели кружащего над поляной черного ворона и прибыли сюда, следуя древним поверьям о том, что эти птицы держатся вблизи хорошего мяса.

Как раз к тому времени, когда закованные в блестяшки, как и их жертвы, убийцы прекрасных эльфийских воительниц, покидали место расправы, увозя с собой павших

соратников и трофеи.

И они намеревались пировать здесь до тех пор, пока есть мясо на костях. Даже когда запах трупных разложений стал бы вызывать рвотные позывы у чистюль, вроде людей или эльфов. Гоблинам наплевать на то. Что мясо протухло и от него смердит. Они ничуть не лучше гниющей мертвечины.

И вкусного мяса убитых эльфийских женщин здесь хватит исключительно на двоих.

Пришельцу здесь не место.

Подобрав свои дубины, получившиеся из увесистых ломанных сучьев, найденных по дороге сюда, трупоеды заверещали, в надежде спугнуть чужака.

Человек оторвал свой взор от эльфийского клинка, переливающегося в лучах дневного светила, и посмотрел на трупоедов.

Из-под его черного капюшона засветились два светло-зеленых глаза.

Гоблины не знали что сие означает, поэтому решили напасть.

Человек ведь слаб.

— Тупые животные, — брезгливо произнес мужчина, вытянув вперед левую руку.

На пальце сверкнул перстень с зеленым изумрудом.

Но беспомощно погас.

Как и свечение в глазах наглого человека, пришедшего за эльфийским мясом!

Гоблины обрадовались, понимая, что в нее можно воткнуть свои гнилые зубы, обломать их и бежать, просто подождав, пока конкурент издохнет.

Нужно еще всего десяток метров пробежать.

— Да ты издеваешься, — зло проговорил человек. — Не работает?! Ладно, решим этот конфликт старой доброй резней.

Человек без страха сделал шаг вперед, перехватив меч двумя руками.

Глупое создание.

Эльфы сражаются одной рукой.

По первым же взмахам блестящего клинка, сторонний наблюдатель мог бы понять, что человек совершенно не умеет владеть мечом.

Но и трупоеды не являлись гениями сражений.

Один из них успел нанести вскользь удар дубиной по ноге человека, но лишь надорвал ему одежду.

Вскоре разрубленные тела обоих гоблинов остались на залитой эльфийской кровью опушке Великого леса.

Черный как ночь ворон сидел на ветвях и наблюдал за тем, как человек в черном обыскивает тела мертвых эльфиек, собирает их оружие.

Ворон не одобрял и не осуждал мародерства.

За свою жизнь ворон видал и не такое.

Ворон дождался, когда человек завершит свою работу и скроется в чаще леса, унося понравившиеся ему вещи.

Черная птица знала, что человек в черной одежде, идя по проторенной убийцами эльфов дороге, выйдет на Большой Тракт, откуда сможет добраться до любой части континента.

Птица поднялась в воздух, надеясь выследить человека, но уже через несколько минут потеряла его, не в силах разглядеть в густых кронах деревьев.

Спускаться ниже ворон не собирался.

В отличие от беспечного путника, тот, кто контролировал ворона, прекрасно знал, что в одиночку в Великом лесу не выжить.

Можно не беспокоиться о случайном свидетеле.

Да и к тому же, вскоре патрули эльфов найдут тела и пойдут по следу за тем, кого сочтут убийцей.

Дело сделано, пора возвращаться.

Впереди у того, кто контролировал птицу, много дел.

Глава 1

Насколько хватало глаз, улицы Обители Королей до отказа забиты толпами и телегами.

От пестрых красок нарядов, по-западному чопорных, или по-восточному откровенных, рябило в глазах.

Гомон толпы, в которой сотни, даже тысячи живых существ вели неспешные разговоры, смешивался со скрипами телег и цокотом копыт всадников.

Несмотря на то, что турнир состоится еще не скоро, со всех концов Аурхейма в столицу уже стекались те, кто намеревался неплохо заработать на визите представителей благородных Домов.

Состоятельные торговцы, держатели борделей, мастеровые и ремесленники редких специальностей... Все они, а также сотни других, наполняли город, вливаясь в него полноводной рекой через главные ворота.

Преодолев массивные каменные стены, которые никогда не сдавались, устояв даже под натисками южных орд, словно волнорезы, разделяли толпу на тоненькие ручейки.

Те, кто уже не первый раз посещали столицу, двигались к знакомым местам, норовя урвать местечко в постоянных дворах получше. Ведь те, кто придут последними, будут довольствоваться либо гостевыми домиками, которые им втридорога сдадут ушлые горожане, либо будут вынуждены разбить лагерь за пределами города, рискуя стать ночью добычей оголтелой и безумной толпы из Квартала Нищих.

Бриз, потянувший со стороны восточной оконечности залива, на высоком берегу которого первые поселенцы основали Обитель Королей, вдохнул в духоту немного прохлады...

Принеся с собой запах соленого моря, крики прибрежных птиц, скрипы снастей и вонь тухнувших рыбьих потрохов, ветер с моря в очередной раз подтвердил свою репутацию среди горожан.

Освежает, но порой заставляет проблеваться.

Особенно в деньки, подобные этому.

Полуденное солнце припекало спину так, словно пыталось сравниться с кузнечным горнилом и расплавить доспехи.

А ведь это лишь начало лета.

Через месяц в такое время дня жара будет стоять такая, что в порту рыба начнет тухнуть раньше, чем ее сгрузят с кораблей и довезут до разделочных прилавков.

Духота заставляла население Обители Королей потеть так интенсивно, что кисловатый запах, разносимый духотой, смешивался с обилием ароматов, берущих свое начало в Торговых рядах.

Тошнотворный смрад столицы доводил до исступления, словно подговаривая жителей вывернуть наизнанку желудки, чтобы превратить раскисшие после недавних дождей земляные дороги Квартала Нищих в полноводные реки испражнений.

Под копытами коня чавкала грязь, напополам замешанная с фекалиями и прелым сеном.

Тот, кого редко увидишь в Квартале Нищих, неспешно двигался по центру грязной улочки, сохраняя невозмутимое выражение лица.

На самом деле Белого Клинка воротило от всей той грязи и нечистот, сквозь которые

ему приходилось пробираться, чтобы исполнить поручение.

Сын благородного Дома, оставивший родовые земли, привилегии и богатство ради службы королю, чувствовал себя так, словно ему вновь, как в далекой юности, пришлось наведаться в отдаленную деревню крестьян, чтобы наблюдать, как отец вершит суд над теми, кто задержал выплату оброка.

Такие же грязные лачуги, покосившиеся со временем, мерзкие рожи простолюдинов, завистливо взирающих на его белоснежного скакуна и сверкающие на солнце латы.

Визжащие свиньи, матерная брань, доносящаяся из приоткрытой разошедшейся двери очередной хибары...

Давно уже было нужно сжечь весь Квартал Нищих!

Этот гнойник, много лет назад образовался в восточной части столичного города под великолепными и могучими стенами, опоясывающими дома зажиточных горожан. И с тех пор он является головной болью для городской стражи, которая, вот смех, побаивается сюда даже заглядывать, чтобы призвать к порядку наглецов, подрезающих кошельки на Торговых рядах.

Словно этого было мало, среди этих нищенских трущоб повадились искать приключения на свои благородные задницы, отпрыски Домов, которые так или иначе появлялись в столице.

Парочку — брата и сестру из Дома Отелл, что с Запада, обнаружили с пару лет назад в каком-то притоне, обслуживающих главарей местных воришек и грабителей.

Старый Отелл сперва топал ногами и грозился привести под стены Обители Королей войско, чтобы отомстить за поруганную честь своих отпрысков.

Потом заглох, когда выживающему из ума старику объяснили, что лучшим для него будет заткнуться и не отсвечивать, пока молва не разошлась по всему Аурхейму.

Отелл послушался совета, быстренько утащил своих отпрысков, познавших все прелести жизни в столице в родовое гнездо.

С тех пор они не появлялись в Обители Королей.

А вот сальные рассказы о том, как хороши благородные детки, воспитанные на Западе, как обходительны и услужливы, все равно поползли.

Старик Отелл что-то пытался требовать от короля, снова грозился, снова обещал, снова умолял, но был послан с советом заткнуться и принять жизнь такой, какая она есть.

Поговаривали, что мальчишка не выдержал позора и бежал за море, а девка, родив ублюдка, покончила с собой.

Следом преставился и старый Отелл. Говорят, на склоне лет аллергия на мех зверолодов появилась. Судя по тому, сколько ее нашли на его ложе и во всех нескромных местах, умер он счастливым.

Его младший брат, возглавивший Дом, человек умный, умеет заткнуться в нужный момент.

Чего ж ты хочешь, если кичишься высокими нравами своей семьи, а каждый первый мужик из Квартала Нищих знает, что твой приплод фору даст шлюхам из южных степей. А те дикие кобылки, с ними мало кто сравнится.

Не зря в прошлом армии Домов так любили резать степняков, а женщины считались одной из ценных наград.

Впрочем, кого интересует давнешнее?

Сейчас степняки не угрожают никому, погрязнув в своих собственных разборках. Ханы

с азартом и энтузиазмом режут друг дружке глотки в попытке объединиться.

Да только черта с два у них получится.

Никто им этого уже не позволит.

Краскон медленно пробирался сквозь толпу нищеты, порой жалея, что никто из них не покажет на свет нож или какой-нибудь захудалый кинжал.

Ох, тогда можно было бы сделать этот день куда как приятнее, заставив его играть новыми красками.

Проредив ленивую бедноту, что прет навстречу, ради того, чтобы оказаться в первых рядах у Храма Милосердного, где по обычаю будут раздавать бесплатный хлеб, Белый Клинок мог ускорить свое путешествие в разы.

Безусловно ему бы никто не предъявил претензии за подобные действия — королевские гвардейцы вне обвинений кого-либо. Если только они не исходят от самого короля. Но тому плевать на чернь.

Он терпит их лишь потому, что эти отбросы под рукой, когда следует привлечь дешевую рабочую силу для мощения дорог, заготовки древесины и прочей черновой работы, на которую прежде сгоняли окрестных крестьян, но эти неблагодарные ротозеи только в земле и умели копаться, да брюхатить селянок, бесконтрольно размножаясь.

Да и повеселиться можно было бы...

Его невозмутимый взгляд блуждал из стороны в сторону, сохраняя безразличие.

Среди этих людей не было того, кто мог бы разгадать тайну такого поведения королевского гвардейца. Иначе бы к этому высокому, крепко сбитому мужчине средних лет, чья великолепная черная шевелюра подернулась прядями седины, у местных главарей возникли бы вопросы.

Настолько много, что он мог бы затупить меч, отбиваясь от них.

Чернь на дух не переносит стукачей, работающих в Квартале Нищих.

Особенно, если они работают на кого-то вроде Королевской Гвардии.

Наконец, его цепкий взгляд нашел то, что нужно.

Невзрачный человечек, полощущий ноги в грязной луже от налипших на них комьев...

Ну, пусть это будет раскисшая земля.

Стукач примостился на краешке прогнившего крыльца какого-то отвратного постоянного двора, который плох настолько, что того и гляди, на голову рухнет.

Белый Клинок направил своего боевого скакуна в сторону перевязи, рядом с которой и плескался в луже нищий.

Легко спешившись, гвардеец невозмутимо спешил в чавкающую грязь, обволакивающую сапоги по самую щиколотку.

Привязав поводья, мужчина направился напрямик к лестнице, что скрипнула под его весом так пронзительно жалобно, будто была свиньей, которую он только что заколол.

— Эй, ты, — низким хриплым басом обратился он к своему осведомителю, словно только сейчас увидел существо, находящееся в метре от него. — Подойди, чернь.

Гвардеец сосредоточенно очищал сапоги от грязи о кромку степеней, дожидаясь, когда окликнутый приблизится.

— Да, господин, я тут, — подобострастно пролепетал человечек, в ту же секунду оказавшись рядом, бросившись в грязь на колени. — Чем я, такой недостойный, могу вам помочь?

— За конем присмотри, — приказал Краскон, завязав поводья о хлипкие перила. —

Случится чего — твоя голова сегодня же на пике окажется, понял?

— Д-да, господин, — заикаясь, пролепетал нищий, не поднимая глаз. — Сир Краскон, тот, кого вы ищите в третьем номере.

Последнюю фразу он добавил так, что сам гвардеец едва ее расслышал.

Но этого было достаточно, чтобы Белый Клинок знал куда ему направиться дальше.

На нижнем этаже постоянного двора хозяин расположил захудалую таверну, где чернь ютилась за замызганными столиками.

Хохотали одетые в грязные платья доступные девки, гремели голоса выпивох.

Ничто это не заставляло сира Краскона обращать свое высокое внимание.

Он двигался сквозь расступающуюся толпу, мгновенно затихшую, подобно кораблю, что рассекает морскую гладь.

Пусть каждый из них своими маслянистыми глазками оценивал стоимость того, что видел на вошедшем господине, от того, чтобы броситься на него и прирезать тупыми ножами, которые чернь имела обыкновение носить при себе, их останавливал вид белоснежных ножен и искусно сработанной рукояти клинка, что рассекает плоть одним прикосновением.

Эльфийская сталь, которой вооружены все без исключения Белые Клинки, редкость в этом уголке Аурхейма. Но не настолько, чтобы самые безмозглые из населяющих Квартал Нищих тварей не знали какая судьба их ждет, попробуй только хоть кто-то из них сказать что-то против действий королевского гвардейца, исполняющего свой долг.

А на посту такие как Краскон всегда готовы продемонстрировать качество своего оружия.

Хозяин этого притона, сопроводив Белого Клинка своими поросычьими глазками, предпочел вернуться к разносу дрянной стряпни сразу же, как только мужчина подошел к закутку, откуда открывался путь наверх.

За спиной гвардейца снова ожили посетители таверны.

Скрипучие ступени привели его на второй этаж, где за глухими дверями можно было расслышать характерные звуки.

Краскон безошибочно нашел нужную ему дверь, распахнув ее ударом ноги.

С хрустом сломался ветхий засов, пригодный лишь на растопку в холода, он с грохотом рухнул на дощатый пол.

Комнатка, чуть менее грязная, чем все это заведение, была так же темна, сколь и отвратна.

Дешевая кровать, поверх которой брошен поистаскавшийся тюфяк, набитый соломой.

Ни малейшего намека на постельное белье, разбросанная по полу одежда — весьма недурственное платье с глубоким вырезом, но подозрительно малой длины, да штаны с курткой тонкой выделки.

И если первое принадлежало явно женщине, то второе — тому самому мужчине, которого искал гвардеец.

Судя по тому, кого гвардеец различал в тусклом пламени свечи лишенной окон комнатки, хозяева одежды находились тут же.

Парочка, иступленно отдаваясь зову плоти, даже не попыталась обратить на него внимание.

Краскон кашлянул, обозначив свое присутствие.

Мужчина, чьи голые ягодицы продолжили двигаться в соответствии с ранее избранным

тактом, полюббернулся.

На благородном лице появилась презрительная ухмылка.

— А, это ты, — произнес он, возвращаясь к своему занятию. — Пошел вон.

— Меня послал король, — напомнил сир Краскон имя того единственного человека, что имел право отдать ему приказ.

— Хочешь, и я тебя тоже пошлю? — поинтересовался мужчина.

— Вы должны были вернуться три дня назад, — сказал Белый Клинок. — Король ждет отчета.

— Подождет, — мужчина стал двигаться быстрее.

— Принц Воль де Мар, мой долг...

— Принц?! — раздался приглушенный испуганный голосок с той части кровати, где по идее должна была находиться голова женщины. — Ты принц де Мар?! Тот самый?!

Наследник короля выругался, когда из-под него вырвалась тонкая фигурка, обладающая соблазнительными изгибами...

И весьма примечательной внешностью, заключающейся в наличии пушистого черного хвостика и стоящих ушек с черными кисточками, выступающими прямоком из копны смолисто-темных волос.

Ну да, зверолоудка.

Притом — явно малого возраста, хотя этих ошибок природы лишь в Пекле различат.

Девчонка, подхватив свое платье, шмыгнула мимо фигуры королевского гвардейца, сторонясь его, словно прокаженного.

— Ты скотина, — произнес раздраженный принц, подхватив брюки и принявшись одеваться. — Знаешь же, как эти чертовки меня не любят!

— Не стоило светиться во время погромов в зверолоудском квартале, — резонно возразил сир Краскон.

— И пропустить все веселье? — расхохотался принц. — Да ты, должно быть, шутишь.

— В любом случае, нам пора возвращаться в Высокий Замок, — категорично заявил гвардеец.

— Как будто там будут рады моему появлению, — не скрывая своего скепсиса произнес Воль, надевая рубаху, которую достал из рукава куртки.

— Королю не терпится услышать детали вашего путешествия, — понизив голос поведал Белый Клинок.

Принц окончательно потерял веселье.

— Ему точно не понравится, что я расскажу.

Глава 2

Тех, кто впервые оказывался в недрах Крепости — резиденции правителя и его приближенных в Обители Королей — этот великолепный замок, возвышающийся над городом, портом и местными окрестностями, производил неизгладимое впечатление.

Ровные, геометрически правильные линии прослеживались буквально во всем.

В ровных стенах и башнях, имеющих в своем основании правильные квадраты.

В прямых залах и переходах, которые казались словно прорубленными внутри скального утеса, на вершине которого и стояла Крепость.

В прямоугольных двориках внутри многочисленных этажей резиденции, балконах, оконных и дверных проемах.

Даже колонны — и те состояли из блоков, которые за столетия, прошедшие с момента их выкладки, не стерлись ни на миллиметр.

Ни трещинки, ни деформации, ни перекоса...

Хоть бы раз с них осыпалась каменная крошка!

Кто-то поговаривал, что Крепость построили сами боги, даровавшие Первому Королю власть над народами.

Кто-то (конечно же шепотом) утверждал, что постройки не поддаются воздействию времени из-за того, что правящий король или кто-то из его сановников приносит ежедневные кровавые жертвы, подпитывая древнюю магию, руны которой сохраняют это место.

Злословы кивали в сторону Квартала Нищих и туманно намекали, что пропадающие там люди являются подтверждением теории о запретной магии. Но сейчас таких слухов более не ходит — по крайней мере на улицах такого не услышишь.

Никто не хочет, чтобы городская стража уволокла его на центральную площадь и вырезала поганый язык на глазах тысяч людей.

И нелюдей — в толпе порой можно встретить даже высокомерных эльфов или ворчливых гномов. Конечно же, это все частные лица — обе расы (собственно, как и многие другие) давно уже прекратили все официальные сношения с миром людей.

Ну или, по крайней мере, с Обителью Королей.

Истина, которую Первосвященник каждое утро вбивал в головы людей в молитвенном зале Крепости, а его помощники проделывали ту же самую работу по всему королевству, заключалась в простом, но обличенном в замысловатые слова, посыле.

Не ваше собачье дело.

На самом деле все просто.

И в то же время сложно.

Как и почему Крепость стоит именно здесь, на Непрístupном Утесе, с незапамятных времен и не изменилась ни на кроху, по сравнению с ее описаниями и зарисовками в летописях и исторических трудах священников, не знает никто.

Это данность, что неизменна.

А потому, кем бы вы ни были, благородным или же простой чернью, торговцем, или кузнецом, не суйте свой нос туда, куда не следует.

Все, что вам нужно знать — вам скажут священники на утреннем поклонении. Не сказали? Значит вам это не нужно.

Воль успел заскочить к себе в покои и переодеться.

Можно заглядывать в дешевые бордели в дорожной одежде, пропахшей солью, ветрами и заморскими пряностями, но на встречу с королем явиться в подобных одеждах — оскорбительно.

Даже несмотря на то, что король — твой отец.

Особенно, потому что король — твой отец.

Смыв с себя запах запретных развлечений и зверолодскую шерсть, принц де Мар, в сопровождении самого мерзкого, но в то же время самого полезного из Белых Клинков, в полном молчании шел сквозь залы Крепости.

В детстве ему казалось, что им нет конца.

В пять лет он боялся этих нескончаемых комнат.

В десять вбил себе в голову мысль о том, что должен побывать в каждой из них.

В пятнадцать, натолкнувшись на милую служанку в одной из кладовых, нашел более приятный способ времяпрепровождения.

И, надо сказать, за минувшие десять лет ни капли не пожалел, что сменил увлечения.

Как говорил Первосвященник, что с юных лет обучал его грамоте и наукам: «Можно вырастить из мальчика мужа, но в муже всегда останется мальчик».

И что этим хотел сказать религиозный муж, старый пердун объяснить не потрудился. Ни тогда, ни сейчас.

Впрочем, плевать.

Они пересекли просторную площадку, плитка которой, колонны и даже барельефы на балконах были выполнены древними мастерами в стиле Учения Семерых.

Воль ненавидел это место.

Открытое свету и небу, оно в детстве становилось местом, где Первосвященник обучал его и сестру, передавая накопленные Орденом Семерых знания, необходимые королевским отпрыскам для того, чтобы соответствовать тому статусу, который для них уготован по праву рождения.

Это было большой ошибкой со стороны отца.

Но цену этому просчету заплатил отнюдь не он.

Куда бы ни направлялись обитатели Крепости, их постоянным спутником являлась узорчатая мозаика половых плит.

И бесконечные массивные колонны.

В коридорах их высота достигала трех-пяти метров, а вот в парадных и банкетных залах они уходили на головокружительную высоту.

Многие представители благородных Домов, после посещения Крепости, по секрету делились меж собой ощущениями мрачности и давящего присутствия, которые на них сваливались при нахождении в резиденции королей.

Ох, сколько же слухов появилось на свет от таких вот сплетников.

Строгость и практичность Крепости не могли скрыть ни развешанные на стенах гобелены, ни многочисленные разноцветные флаги, украшающие коридоры, ни изысканные ткани, которыми одно время пытались драпировать холодные стены...

Леденящий душу холод никогда не покидал стен Крепости.

Даже горячие источники, из которых брали свое начало трубы, пронизывающие стены и перекрытия, не согревали это место.

Впрочем, несмотря ни на что, Волю Крепость нравилась.

Здесь не было душно летом, а зимой...

Зимой он предпочитал отбывать подальше отсюда, чтобы не проживать в этом склепе.

Но чем дальше принц продвигался по коридорам Крепости, тем больше копилось в нем негодование.

Повсюду были люди в белых одеяниях с изображением золотистой пятиконечной звезды на накидках и массивных цепях, что священники Ордена Семерых носили на шеях.

Они неспешно передвигались, чинно кланяясь принцу и Белому Клинку... Казалось, никто никому не спешит, но все каким-то неведомым образом заняты делом.

Каким — непонятно.

— Не многовато ли здесь священников? — негромко спросил принц де Мар, обращаясь к сиру Краксону.

— Больше, чем во время вашего отъезда, — подтвердил гвардеец.

— Прошло не так уж много времени, а Первосвященник решил устроить в Крепости свою резиденцию? — плохо скрывая свое раздражение к главе Ордена Семерых, процедил принц.

При других обстоятельствах, произнеси это кто-то другой, это проявление эмоций могло бы стоить плетей. Благородные, конечно, могли преподнести оскорбленному лицу весомый подарок и тем самым загладить свою вину.

Наследному же принцу, первенцу и продолжателю королевского рода, прощалось многое.

Первосвященник, какой бы он жалкой, лицемерной, мерзкой и двуличной тварью не был, опасался перечить королю в принципиальных для последнего вопросах.

Поэтому, хоть не раз и доносил отцу о выходках и высказываниях сына, дальше туманных намеков: «Поведение сие неподобающее для венценосной особы», речь не заходила.

Воль подозревал, что старик точно знает, что после подобных разговоров король устраивает сыну хорошую головомойку, старательно, последовательно и бесцеремонно выбивая из наследника бунтарский дух.

И не сомневался, что для Первосвященника подобные процессы являлись своеобразной компенсацией за все нападки в сторону Ордена и непосредственно самого старого маразматика.

— Король поведает вам обо всем, если сочтет нужным, — буркнул Краксон, невозмутимо продолжая двигаться вперед.

Расспрашивать его бесполезно.

Белые Клинки подчиняются исключительно королю, верны только ему и никогда, ни при каких обстоятельствах не сделают что-то, с чем правитель не был бы согласен.

По крайней мере это говорится в их Клятве.

А на деле же...

Краксон, похоже, единственный, кто следует писанным правилам.

Он, конечно, тот еще фрукт, но по крайней мере, Воль не стал бы ждать от него удара в спину.

Остальные Белые Клинки у него уважения не вызывали.

Фактически ему было на них плевать, и они отвечали ему взаимностью.

Еще в мальчишеском возрасте, когда отец, не опускаясь до столь низкого действия, как порка наследника, отправлял заниматься этим Белых Клинков, лишь Краксон выполнял

приказанное так, как этого требовал король.

Он не улыбался, не читал нотации, не вразумлял — просто перекидывал через лавку и внедрял в голову наследника ответственность за свои поступки через задницу.

Остальные же...

Им явно доставляло удовольствие превращать зад и спину мальчишки в кровавые полосы и наблюдать, как маги исцеляют брненное тело под вопли и слезы маленького принца.

Собственно, они этого и не скрывали.

Выходцы из благородных Домов, они, вполне возможно, в тайне надеялись на то, что Воль преставится во время порки, что заставит короля прекратить свое одиночество и найти новую жену взамен давно почившей матери.

Наследный род не должен прерываться — никогда и ни при каких обстоятельствах.

А, кто будет той самой, что выносит наследника — не столь уж и важно.

В конце концов его мать тоже была простой благородной дамой с Запада.

Гвардеец привел его к тяжелым, роскошно инкрустированным благородными металлами и драгоценными камнями двустворчатым дверям.

На них изображалась незамысловатая сценка, демонстрирующая царящий порядок. Безликая невыразительная толпа, словно океан, разбивающаяся о подножье Гранитного Трона, на котором сидела величественная фигура, олицетворяющая короля, правителя людей. Повелитель и защитник, властитель дум, тел и всего, что он пожелает среди смертных.

А на второй половине двери располагались Семеро — божества Аурхейма, что протягивали людскому королю корону с семью лучами.

Символ его власти в этом мире, дарованный богами.

Первосвященник как-то пытался втолковать молодому принцу, что Семеро, как дали эту власть, так могут ее и забрать, если сочтут короля недостойным.

Если это и так, то можно сделать вывод, что Семеро не так уж и сильно отличаются от людей. Ведь не отбирают же они корону после всего того, что сотворили те, кто ее носил.

Они достигали пяти метров в высоту и были настолько тяжелыми, что отворить их могли лишь четыре человека — по два на каждую из створок.

Как ни приятно было сегодня избежать встречи с ухмыляющимися рожами находящихся на этом посту Белых Клинков, то, что двери в тронный зал отворяли солдаты городской стражи, озадачивало.

— Что здесь происходит?! — прошипел Воль, смотря в спину Краксона.

Городская стража — это, пусть и слуги государя, следящие за правопорядком в Обители королей и ближайшей округе, до того, как Воль отправился в путешествие через Штормовое море, в Крепость их не пускали.

Резиденцию короля охраняли гвардейцы.

Их было более чем достаточно для того, чтобы выполнять все те функции, какие на них возлагались короной. За исключением личных поручений короля и его сопровождения, куда бы он ни отправился, Белые Клинки торчали на постах в различных концах Крепости, а также стерегли главный вход в тронный зал.

Но сейчас их здесь нет.

И это очень плохой звоночек.

Как и огромное количество священников в резиденции.

Что-то происходит.

Тронный зал, как любой уголок Крепости, имел все тот же угловатый геометрически выверенный дизайн, мрачность, которую не могли развеять десятки магических светильников и сотни масляных ламп, развешанных вдоль стен, каждой грани колонн и массивные люстры, натянутые под потолком первого яруса с помощью крепких канатов.

Высота куполообразного потолка терялась в темноте, и казалось, будто массивные колонны уходят прямиком в крошечную черноту. Потребовалось бы истратить на освещение огромное количество золотых, чтобы закупить магических светильников и сделать потолок различимым.

Но открывающийся вид на простую белую известку не стоил того, чтобы тратить на его освещение столько усилий и денег.

В длину тронный зал достигал полусотни метров и требовалось некоторое время, чтобы его пересечь.

К тому времени, как Воль, печатая каждый шаг и наслаждаясь эхом собственных шагов, приблизился к ступенчатому постаменту, массивные двери с грохотом закрылись.

— Мой король, — Воль, подойдя к первой из ступеней, потупил взгляд в пол, после чего, дождавшись, когда два белых Меча отойдут немного в стороны, опустил перед отцом на одно колено.

— Наконец-то ты соизволил вернуться, — в голосе короля звучало недовольство. Впрочем, ничего нового. — Встань и объяснись со мной!

Принц послушался и когда он посмотрел на отца, то отметил, насколько сильно тот улыбнулся.

Несмотря на седину, король был еще физически крепок, по-мужски привлекателен.

На его лице не было видно морщин, а сейчас лишь слепой их не заметит.

Невозможно пропустить складку меж бровями, возникшую, когда король нахмурил брови.

Как и у всех в роду де Мар, у правителя волевой раздвоенный подбородок, массивная челюсть. Сломанный в сражении нос, который он еще в юности отказался исправлять с помощью магии. Он оставил увечье в память о сражении, которое едва не проиграл из-за собственной надменности и пренебрежения к поверженному хану степняков.

Облаченный в дорогой, но в то же время простой придворный костюм, отец смотрел на него явно неодобрительно.

Что ж, имеет право.

— Ты настолько не уважаешь меня, что вместо того, чтобы сразу после того, как твои ноги коснулись родной земли, отправиться с докладом ко мне, ты направился в Нищий Квартал, чтобы трахать звероловских шлюх?! — гаркнул король.

— Потому что твоими стараниями все нечеловеческие бордели запрещены в городе, — без тени страха произнес Воль. — А сношать даже самых лучших из девок, которых днем ранее приходят твои советники, министры или священники, мне отвратно. Не хочу подцепить какой-нибудь дряни после святых отцов, что отдерут их в зады...

— Однажды твой гнилой язык вырежут на центральной площади Обители Королей! — отец в гневе ударил по полированному гранитному подлокотнику и низкий звук растекся по тронному залу.

На непосвященных это явно могло бы оказать неподдельное впечатление — довольно непросто извлечь из этого камня хоть какой-то звук.

Наследный принц же прекрасно знал о той уловке, которую применяет его отец.

Скрытый каменный наруч, что прячется в просторных рукавах его рубахи.

И никакой магии.

— В таком случае у наших земель будет молчаливый король, — пожал плечами Воль.

— Однажды твои речи приведут к тому, что ты перестанешь быть наследным принцем, — угрожающим тоном пообещал ему отец. — Мальчишка, который до сих пор не знает куда пристроить ту штуку, которой его по ошибке наделила природа! Лучше бы...

Ярость мгновенно вспыхнула внутри принца.

О, он совершенно отчетливо понимал, что сейчас будет сказано.

— Ну же, — видя, что отец замолчал, Воль не смог сдержаться. — Скажи это, отец. Напомни мне еще раз, что твоя дочь была умнее меня и ей следовало родиться мужчиной и править вместо меня.

— Так оно и есть, — правитель даже не пытался скрыть своего отвращения к сыну. — Анжелика была бы прекрасным королем! Образована, начитана, думающая головой, а не тем, что ты носишь в штанах! И магом она была куда как лучшим, нежели ты!

— Какая жалость, что ты не можешь вот так просто взять и избавиться от меня, да, отец? — издевательски усмехнулся Воль, возвращая родителю его же собственное оскорбление.

Оба прекрасно знали во что обходится короне выходки наследника.

Резня в квартале звероловов, который теперь отдан нищим, как справедливая месть за смерть сестры, убитой одним из этих недоносков, едва не закончилась для него параличом. Убийца, которого принц выследил, сразился с ним, победил и практически освежевал, оказался магом, который вышиб из него дух каким-то заклятьем, едва не искалечив на всю оставшуюся жизнь.

Он полгода провел на излечении в Храме Милосердного, прежде чем снова научился ходить и сражаться.

И пусть его маготки были выжжены, и он более не мог сотворить даже простенькое пламя, его ненависть к этим ошибкам природы, не прошла.

Но мстил он уже совершенно иным способом.

Так же, как и продолжал поиски убийцы.

Отец и сын мерили друг друга тяжелыми взглядами.

Оба понимали, что сколько бы ни вел себя вызывающе Воль, король ни при каких обстоятельствах не избавится от наследника.

— Однажды ты переполнишь чашу моего терпения, — пообещал король.

Воль хотел было ответить что-то резкое, но, встретившись глазами с сиром Краксоном, промолчал.

Старый вояка беззаветно предан королю, равно как и испытывает практически отеческую симпатию к принцу.

Негоже подрывать его доверие и заставлять делать выбор между долгом и собственными убеждениями.

Не время.

Пока еще нет.

— Как прошло твое путешествие? — отец тоже решил не нагнетать обстановку, сменив тему разговора.

Лишний раз доказывая, что он может говорить что угодно, но никогда не поставит свои

эмоции и желания главное дел короны.

— Неважно, — ответил Воль. — Гномы отказали в новом займе. Они требуют выплат старых долгов и процентов по ним. Недвусмысленно намекнули на то, что золото необходимо возвращать. Наемники требуют предоплату — и весьма солидную. Обещаниям никто более не верит — с нашей-то репутацией.

— Которую обеспечил нам ты, — обвиняюще ткнул в сына король. — Я предупреждал тебя, что резня зверолодов выйдет нам боком!

— Ну да, ты бы предпочел молча стерпеть убийство дочери и позволить зверолодам и дальше без проблем проживать на наших территориях, — раздраженно произнес принц. — А затем бы они объединились брачным союзом со степняками и у наших южных границ стояла бы армия в полсотни тысяч кочевников, а по всему королевству жили бы зверолоды, искусные лжецы, шпионы и убийцы. Все благородные Дома вырезали бы во мгновение ока, и, пока мы соображали бы что делать, степняки встали бы у стен Обители Королей, а потом...

— Хватит! — негромко, но грозно произнес правитель. — Я слышал это оправдание не раз и не два! Твоя нетерпимость к другим расам делает из королевства изгоев...

— Лучше жить изгоями, чем позволять всяким ошибкам природы блуждать по нашим землям и брюхатить наших женщин, плодя на свет уродов и ублюдков, — Воль едва сдержался от того, чтобы не плюнуть на пол от отвращения. — Девятый король поступил неосмотрительно, разрешив этим приживалам жить на нашей земле...

— Не тебе осуждать своего предка, — предупреждаяще заявил отец. — Он был мудрее тебя стократно! И дальновиднее!

— Позволил беженцам расселиться по королевству, не позволив эльфам вырезать их всех до одного, — бросил принц. — И что в итоге? Они были нашими слугами, а теперь — такие же жители, как и все. Весь Запад уже смешался с этими отродьями! У этого звероеба Отелла вторая жена была с хвостом! И оба ублюдка — тоже! А дальше что? Сегодня трахаем зверолодок, завтра у нас дети с хвостами и шерстью вместо волос? А послезавтра что? Начнем сношаться с конями, как это делают степняки? Или поклоняться деревьям, как длинноухие? Долгих тебе лет жизни, отец, чтобы ты мог насладиться зрелищем того, как эти мерзости ассимилируют нас, а затем разорвут страну на части!

— Не напоминай об Отеллах, — король сжал кулаки так, что сквозь пальцы проявились язычки пламени. — Ты знаешь на что мне пришлось пойти, чтобы усмирить Запад после того, что ты сотворил с его детьми!

Правитель, может быть уже и не молод, да и здоровье начинает подкачивать, но огненную бурю он еще устроить может.

Давай, старик, только этого представления и не хватает.

— И ни о чем не жалею, — спокойно произнес Воль. — Пушистые ублюдки не станут моими подданными. Тебе, может быть, и плевать, но не мне. Я — король людей, а не отбросов с хвостами, длинными ушами или пушистыми бородами.

— Вот как? — спросил король. — И это мне говорит тот, кто при каждом удобном случае сбегает в Квартал Нищих и возится в грязи. Если слухи не лгут, но сир Краксон вытащил тебя из низкосортного борделя, когда ты покрывал зверолодку!

— Не путайте развлечения с продолжением рода, дорогой отец, — посоветовал наследный принц. — Зверолоды, и прочее отребье — не более чем ошибки природы, которые, если хотят жить, то должны служить нам, а не заниматься торговлей или чем-

нибудь другим, чем могли бы заниматься люди. Оглянитесь вокруг, отец! На Западе вот-вот зверолоды станут благородными, на Востоке эльфы все больше наглеют, за Штормовым морем гномы уже отстроили целую империю! Живут ли зверолоды среди гномов? Или эльфов? Нет, эта раса никому не нужна. Прохвостов гонят отовсюду, потому что они как гниющая рана — поражают здоровый организм. Вплетаясь все глубже в государство, они хотят ассимилировать его.

— Не преувеличивай исходящую от них опасность, — скривился правитель.

— Девятый король тоже так говорил, если верить летописям, — заявил Воль. — И Десятому пришлось организовывать очищающие походы, чтобы вырезать это скотство...

— Недальновидный мальчишка! — покачал головой король. По его поведению было видно, что он взял себя в руки и гнев на принца намеренно гасил внутри. — Я думал, что путешествие пойдет тебе на пользу. Что ты выбросишь дурь из своей головы, но вижу лишь то, что ты стал еще более упрямым, чем прежде. Ты даже не в силах просчитать свои действия наперед. Ты презираешь другие расы, кичишься именами Королей прошлого. Но давай-ка я освежу твою память. Ты ненавидишь зверолодов, но именно они показали нашим предкам что такое магия. Ты воротишь нос от эльфов, но мы бряцаем выкованным ими оружием, — король указал на сира Краксона. — Сколько, по твоему, весил бы его доспех, если бы не был сделан эльфами древности, когда мы жили с ними со всеми в мире? Сколько полезного мы узнали от них, всего лишь отдав им чашу на восточном побережье, этот их разлюбимый Великий лес? Целительство — то, о чем мы даже не мечтали! Гномы обучили нас строить осадные машины и показали как разрабатывать рудные залежи под скалами!

— Мы все это умели и до того, как Пятнадцатый король решил поиграть в дружбу, — произнес Воль, меж тем смерив взглядом сира Краксона.

Что есть, то есть — не будь у гвардейцев эльфийского оружия и доспехов, то кто знает блистали бы Белые Клинки своими сияющими латами, тонкими как ткань, но крепкими как лучшаяковка?

— И следующие четырнадцать королей только и делали, что вели себя так же, как и ты, — укоризненно произнес Тридцатый король. — Ни о чем не заботясь, ни о чем не переживая. И времена изобилия прошли. Наши земли истощаются, и нам нужны были эльфы, чтобы эффективнее восстановить плодородие почв. Наши замки обветшали, и нет лучших зодчих, кроме гномов, чтобы восстановить их. Наши лазутчики хороши, но кто кроме зверолодов пролезет в любую оконную раму? За столько веков мы так и не научились делать все так же великолепно, как и они — те, кого ты презираешь. Наша магия совершенна, и этого достаточно, чтобы удержать их от необдуманных шагов. Времена распрей прошли — настало время объединяться. Я потратил три года, пока ты шлялся по морям, чтобы наладить мир...

Воль стоял, не дрогнув лицом.

Что ж, это было ожидаемо.

— Ты заключил с ними союз, — негромко констатировал он.

— Ты отсутствовал слишком долго и не знаешь, что есть опасность, гораздо страшнее той, которую ты себе представил, — произнес король.

— Что может быть страшнее превращения людей в ублюдков, зачатых уродами вроде зверолодов или эльфов? — усмехнулся Воль.

Если папаша считает, будто его сын настолько недалковиден и глуп, не осведомлен и

лишен малейшего понимания того, что происходит в его королевстве, то придется его вскоре удивить.

Разговор как раз к тому и идет, хватило бы только сил...

— На Большой турнир съедутся не только представители благородных Домов, — произнес Тридцатый король рода де Мар. — Прибудут делегации от эльфов — как от темных, так и от светлых. Будут представители нескольких заокеанских королевств и представители анклава звероловов из западной провинции. Гномы, судя по всему, могут и проигнорировать приглашение, но, думаю, все не упустят своего шанса — как минимум, чтобы напомнить нам о долге... Мне удалось достичь договоренностей о том, чтобы к нам прибыли наследники этих народов. Для сплочения будущего союза. Быть может он не пригодится нам сейчас, но вам — вполне вероятно, что да.

— Ты собираешь их не просто так. — заметил Воль.

Что-то папаша явно задумал.

И это отнюдь не особо связано с его закулисными играми на востоке — он бы знал об этом наверняка, и предотвратил бы...

Здесь что-то другое.

Что-то гораздо более серьезное.

Вполне возможно, что это повредит дальнейшим планам.

— Именно так, — объявил Тридцатый король. — С севера доходят дурные вести.

Наследный принц почувствовал себя неуютно...

Север, конечно, севером, но дурные вести там могут быть в одном месте...

— Гиблые Земли? — уточнил принц, понимая, что другого ответа быть не может.

Отец утвердительно кивнул.

— В гарнизонах сообщают о том, что нежити стало больше. Они начали проявлять агрессию больше обычного. Разведчики, которым повезло вернуться живыми из рейдов, сообщают, что над Дуар Мар'Туном зажглись зеленые огни. Думаю, раз ты так филигранно бросаешься именами королей прошлого, то должен был хотя бы немного понимать, что это значит.

Наследный принц, стараясь не выдать своего волнения, утверждающе кивнул.

Да, он понимал.

И вероятнее всего даже знал причину этого явления.

— Именно поэтому я хочу, чтобы ты оставил свои детские шалости и идеи о чистоте людской расы, перед напастью более страшной, чем ты себе представляешь, — понизил голос король, словно опасался, что его может кто-то услышать. — Нам нужны все бойцы, каких мы только можем собрать. Я не верю, что Дуар Мар'Тун пробудился столько тысячелетий спустя случайно. Нет, все повторяется, как это было до Первого короля. И раз ты теперь не способен к магии, то, я должен... Мой долг перед всеми подданными...

— Не спеши, отец, — хрустнул шейей, разминая ее Воль. — У меня для тебя есть приятная новость. Мое путешествие не было столь безрезультатным, как ты мог подумать...

— Вот даже как? — казалось, сообщив сыну все то, что накипело, король отпустил старые обиды и подозрения и в нем проснулось что-то... Правильное. — И что же ты хочешь мне поведать?

— Нет, отец, говорить я не буду, — усмехнулся Воль, разводя руки в стороны. — лучше я тебе это покажу.

Спустя секунду обескураженный отец наблюдал за тем, как в ладонях сына

самопроизвольно образуются огромные языки пламени.

Глава 3

Странный это лес.

Однотипные, словно нарисованные деревья, слишком толстые, чтобы их мог обхватить один человек.

Высокие стройные стволы, которые на уровне метров двадцати-тридцати переходили в крепкие, но короткие ветви, усеянные средних размеров листьями.

Крона не раскидистая, примерно конической формы.

Ветви растут горизонтально или с лёгким наклоном вниз.

Кора очень толстая — это я проверил, срезав мечом небольшой участок, в отчаянной попытке обнаружить для себя хоть немного воды.

Сравнительно мягкая, волокнистая, красно-коричневого цвета сразу после её снятия, она потемнела практически мгновенно.

В зарослях небольших кустарников с широкими клиновидными листьями, я мог наблюдать крепкие корни, выбившиеся из-под земли и расходящиеся во все стороны.

Ахтунг, комрады! От сих и до конца цикла, в тексте будут использоваться картинки, найденные в свободном доступе в сети. Думаю, будет лишним указывать на то, что я не имею на них никаких прав и ни на что не претендую. Их авторы большие молодцы и по возможности я буду указывать их в ссылках. Подобный способ иллюстраций происходит по причине того, что сам я криворук и от художника во мне только слово "худ". Но, все желающие нарисовать что-то по данному циклу, смело могут скидывать картинки мне в личку — в ближайшее время организуем конкурс живописи читателей.

Небольшие и кривоватые деревца в этом лесу по большей части исключение, чем правило.

Отпахав немалое расстояние — до боли в мышцах ног — по лесу, понял самую главную странность этого места.

Здесь не слышно птиц.

И на глаза не попалась ни одна зверушка.

Словно здесь и вовсе не водится ничего, кроме деревьев.

Что это могло значить — пока не представляю.

Но после увиденного на поляне, после следов коней в мягкой после дождей почве, ясно одно — кто-то в этом практически «картинном» лесу не любит эльфов.

Тем правильнее я посчитал свое решение скрыться от парившего в воздухе ворона, наблюдавшего за поеданием трупов, под деревьями, благо черная одежда помогла слиться с темной стороной деревьев.

И продолжил путь.

Один, посреди странного неживого леса, идущий по следам (которые вскоре и потерял) тех, кто либо прикончил эльфиек и явно ограбил, либо просто ограбил, при этом скрылся.

В любом случае это были явно не те два горемыки, любители тухленького и холодного эльфийского мяса.

Напиться древесным соком, к слову, мне не пришлось.

Мало того, что последний обладал хоть и чудесным запахом, но больше походил на смолу, чем на привычную жидкость, так еще и практически мертвая тишина позволила мне расслышать тихий плеск воды.

Тем самым случай позволил мне избежать незапланированной дегустации и смерти от жажды.

Пришлось отпахать несколько сотен метров в сторону источника звука, чтобы отыскать небольшую протоку, больше похожую на крохотную речушку.

В которой интенсивно струилась кристально чистая вода, сквозь которую можно было разглядеть каменистое дно и небольших рыбешек.

Вопрос голода пока что не стоял, но в лесу без животных, это крайне плохой знак.

Сколько там человек может прожить без еды? Дней пять-семь?

А сколько без воды?

В разы меньше.

Но и возможности набрать ее у меня тоже не имелось — нет ни кружки, ни фляжки, ни простой бутылки.

Следовательно, ручеек должен куда-то впадать — озерцо, река, пруд — мне стодится любое место.

Ну не выливается же вода просто на землю.

Должен быть водоем покрупнее.

Обязан быть.

Тем более, что по моим подсчетам, он явно бежит по небольшому склону. Возможно даже берет начало в горах, далекие заснеженные вершины которых я видел сквозь небольшие пятна чистого пространства меж крон.

Следовательно, немного знаний из школьного курса географии, физики (если она тут подчиняется тем же законам), то спускаясь с возвышенности вода обязательно должна где-то найти либо углубление, либо равнину, где и будет накапливаться. Далее уже возможны варианты с тем, что будет с этой накопленной жидкостью — образуется ли река, будет ли озеро...

Ну, это если следовать логике.

И, если продолжать применять имеющиеся у меня знания, то у крупных водоемов или на берегу рек должны находиться мало-мальские поселения. Ведь вода — источник жизни,

рыбы, место для стирки. Так или иначе, но должны быть поселенцы.

Иначе я просто сдохну.

В негостеприимность этого мира и мою собственную неготовность к длительному выживанию в таких реалиях, я поверил сразу же, как только портал перенес меня на поле давнего боя.

Великолепное начало.

Которое мгновенно раскрыло сразу несколько особенностей, которые, мне вообще не понравились.

Пожиратели трупов.

Отсутствие магии...

Эльфы...

Ненавижу эльфов.

Тот, кто мародерствовал на поле боя, забрал едва ли не все, что могло быть полезным. Остались лишь считанные единицы предметов, да жалкие крохи еды, похожие на нежнейший, пахнущий ароматными травами, чуть солоноватый лаваш, да и к тому же завернутые в большие листья.

Странные, на самом деле, грабители.

Если эльфиек убили ради их скарба, то почему оставили несколько мечей и лук с тетивой? Стрел в колчане, конечно, не было, поэтому их я набрал из тел мертвых девушек с длинноватыми ушными раковинками и почему-то не тошнотворным запахом разложения.

Ни ноток парного мяса, ни запахов гниющих внутренностей... Лишь аромат цветов и дерева.

Нет, дамочки явно не одушевленные растения — кровь у них есть. Она жидкая, красная, но не было запаха железа, характерного для человеческой крови.

И мясо тоже есть — уродцы его с наслаждением с костей сгрызали. Кстати говоря, любители мертвечины тоже странные... Хрупкие. Даже норовящим вырваться из рук мечом я сумел с ними справиться без особых проблем.

Впрочем, тут даже не мое умение фехтовать помогло, а запредельная острота меча. Может быть у коротышек проблемы с крепостью скелетов, но клинок явно легко режет кости.

Или же мне посчастливилось попасть меж позвонками. Если они, конечно, у этих ребят есть.

Но, вернемся к трупам.

Мертвецов как следует не обыскали — у парочки я нашел несколько блестящих монет. Серебристые на вид, с изображением какого-то их видного деятеля с одной стороны и могучим деревом — с другой.

Никаких надписей, никаких цифр.

Можно было бы предположить, что чеканка монет не вышла на такой уровень, но опять же — это не более чем несостоятельное предположение. Дерево и лицо выполнены достаточно искусно. Да и сам кругляш диаметром сантиметров пять, с ребристой окантовкой.

Нет, все у этих ребят нормально с чеканкой.

Скорее всего просто нет необходимости в указании номинала и дополнительных пояснений.

Коней, вероятно всего так же забрали нападавшие — судя по наличию вещмешков (или

их подобия), убитые явно находились в пути длительное время. Конечно, следы коней могли принадлежать и тем, кто убил эльфов, но не передвигались же последние исключительно пешком?!

Возможно это был патруль, возможно... Да все, что угодно возможно ожидать от этих остроухих ублюдков!

А раз нашлись те, кто смогли их прикончить, да так, что не осталось следов магии, то вторые ребята еще более опасны.

И следы наверняка пропали не просто так — их специально скрыли. Магией или же ручным способом — не знаю. Но, предполагаю, что все же...

Да я мог все, что угодно предположить — яснее от этого не становится.

Это другой мир.

Судя по тому, что не сработало кольцо — у меня еще и проблемы с магией. Хотя, впрочем, могло быть и так, что резервы кольца и мои собственные, просто иссякли за время перехода.

Нет ощущения силы внутри меня — сколько не пытался обратиться к внутренним резервам, ничего не получалось. Там просто пустота.

Либо я высосал все до дна, либо все куда как хуже.

Есть большое подозрение, что закрытие портала меня просто отрезало от источника магии и теперь мне нужно разобраться как ее вернуть.

Или найти нужный мне источник этом мире. Вот только сомневаюсь, что в этом мире мне любезно ответят на вопрос: «А где у вас тут загробным миром пахнет? Мне подзарядиться».

Страннее всего то, что портал открывал не я. И магия, что расходовалась на это дело, так же не моя. Тогда почему я лишен ее?

Одни загадки, никаких ответов.

Ясно только одно: если я когда-нибудь встречу с людьми, эльфами или еще кем-то в этом мире, то придется сильно постараться, чтобы виртуозно солгать и не рассказать о себе и своем прошлом ничего. От душещипательных историй о том, кто я такой, откуда пришел, каковы мои цели — лучше отказаться.

Если записи верны, то в этом местечке мне «рады» так же сильно, как и в прошлом.

То есть никак.

Но на матушке-Земле я хотя бы мог использовать магию, чтобы отбиться, а здесь... Буду надеяться на то, что переход просто высосал из меня все запасы магии и, как это бывает, со временем она восполнится. Но без связи с могущественным источником, или накопителем под рукой — дело это долгое и неблагодарное.

Но грустнее всего, если маготки выгорели к чертям.

Вот тогда я вообще безобиднее котенка!

Потому что без магии я простой человек.

И при том не шибко способный к фехтованию с текущими мечами — а раз в ходу клинки, то это основное оружие ближнего боя.

Защиты у меня тоже нет — доспехи эльфиек как следует побиты и повреждены, чтобы ими воспользоваться. С грехом напополам я кое-как раздобыл себе пару подходящих наплечников, сняв с довольно крепкой мертвой воительницы, да поножи прибрал. Остальные элементы на трупах либо необратимо повреждены, либо украдены мародерами.

Либо же, как мне представляется, даже в магическом средневековье однотипные

доспехи не изготавливаются в промышленных масштабах. В пользу этого говорят разные внешние виды мечей. Не, они явно одного вида, одного размера, но форма клинков, украшение рукоятей, гард, даже форма дола — и та различна.

Маловероятно, что это простое «табельное» оружие, которое выдают воинам на время службы. Впрочем, хватит уже домыслов, без каких-либо фактов — вероятностей, которые могут тут быть, достаточно.

Впрочем, даже те элементы защиты, что я прибрал к рукам, имеют несколько повреждений — возможно их потому и не взяли с собой. Но подумалось, что защита, пусть и с парой сквозных зарубок, все же лучше, чем ничего.

Жаль лишь то, что нет полного доспеха — все пробиты, деформированы.

Кольчуги или кольчужные элементы, у кого они есть, изорваны, словно их как бумагу порвали.

Вместе с едой и тетивой лука, самим луком и запасным мечом, различной мелочью, собранной с трупов, все это складировано в вещмешок, который тащу с собой.

Благо вес не такой уж и большой — я бы даже сказал смехотворный.

Килограмма три, может быть, пять. Это мне особенно нравится в предметах, собранных с трупов. Они невероятно легкие.

Те же мечи весят, по моим прикидкам, килограмма два от силы.

Оба.

Если б еще рукоять не выскальзывала, словно ее кто-то смазал маслом, было бы вообще хорошо. Некоторый опыт фехтования у меня имеется — притом довольно удачный. Но оружие было в разы тяжелее этого. Возможно, стоит потренироваться и все будет хорошо.

Если же не смогу решить проблему рукоятей, то от клинков в бою толку чуть.

У мечей непривычная хватка, гладкая рукоять, ладонь скользит от пота. Махая найденным оружием, отбиваясь от уродцев, я едва сам себя не зарезал — именно по причине того, что у клинков толком нет веса, а рукоять так и норовит выскользнуть из рук. Во время срезания коры меч снова попытался меня прикончить — слишком хорошо режет. Но, в конце концов, может он и зачарованный, может он и заточен как хирургический скальпель, но должны же быть законы физики? Эдак его можно в землю воткнуть и ждать, пока с другой стороны шара вылезет.

Конечно, если этот мир — шар.

Ладно, с клинками чуть позже разберемся. Тем более, что вариант: обмотать рукоять тканью — тоже не сработал. Похоже действует какая-то защита, возможно даже магическая. Потому что ткань так же пропиталась этим «маслом». Буквально за секунды.

И это мне подсказало одну идею, которую реализовал уже намного позже, готовясь к ночлегу.

А лук...

Ладно, допустим я в курсе, чисто теоретически, как следует снаряжать лук. Согнуть плечо так, чтобы тетива смогла закрепиться на шейке плеча.

Проблема в том, что это добро нужно для начала согнуть.

У меня не получилось даже на пару сантиметров.

Не знаю какие хитрые травы те мертвецы с поляны пили, ели или курили, но для человека моей, отнюдь не слабой комплекции, это невозможно.

Хотя, казалось бы — обычный деревянный лук, никаких тебе блоков. Вполне возможно, что изготовлен из того же самого дерева, которое в этом лесу попадает на каждом шагу.

Но изготавливали его с явной любовью к процессу — рукоять настолько удобная, что буквально вырастает в ладонь.

Ни малейшей зазубринки, ни намек на покрытие или что-то подобное — дерево, из которого изготовлено это орудие, отполировано. И, судя по ощущениям — это точно не абразив применялся. Никаких шероховатостей...

Либо магия, либо мастер-перфекционист.

И опять же — причина может быть любой.

Абсолютно.

Судя по тому, что солнце уже не стоит над головой, а светит в ту сторону, в которую я двигаюсь, путь проходит примерно на местный запад.

Учитывая, что понятия не имею сколько блуждал по лесу, но светило в зените видел, вечер.

Тени длиннее, все такое.

Пора бы подумать и о ночлеге.

Вот только сомневаюсь, что мне будет приятно заночевать в лесу.

Без костра, без возможности отогнать возможных ночных хищников, которые наверняка должны быть в лесу...

Здесь-то мне и пригодилась промасленная тряпка, ставшая прекрасным розжигом для относительно сухих веток.

Извлечение искр при помощи клинка и нескольких найденных на берегу ручейка булыжников, заняло у меня весьма продолжительное время.

Пришлось сменить несколько булыжников, прежде чем мне попался тот, который выдавал при ударе искру.

Дополнительным познавательным элементом послужило и то, что против камня эльфийский клинок оказался не столь могуч, как против плоти — камень он не резал, лишь порой высекал искры.

Крошечное пламя появилось спустя несколько часов попыток и уже в глубокой темноте.

Промасленная тряпка вспыхнула довольно скоро, жарко, разогнав темноту на несколько минут красно-оранжевым пламенем.

А затем так же легко прогорела, так и не воспламенив оказавшиеся недостаточно сухими найденные мной ветви.

— Легко здесь точно не будет, — проворчал я, оставив все попытки обзавестись огнем для ночевки.

Посетовав еще какое-то время, промаявшись с другими промасленными кусками, и окончательно разочаровавшись в этой идее, к чертовой матери бросил попытки, когда понял, что сжег едва ли не треть своего плаща.

Попытка добыть огонь трением с использованием прямой ветки, тетивы и прочих вариантов этого процесса, тоже успехов не имели — дерево недостаточно просохло.

Здесь нужен либо магический огонь, либо что-то хорошо воспламеняющееся и долго горящее. Масло для этого не подходило — оно выгорало, а ветки сухие, на мой взгляд ветки заниматься не хотели.

Разочарованный отсутствием удовлетворившего бы меня результата, остался на берегу ручья в полной тишине, темноте.

Идти в темноте туда, не зная куда в странном лесу, довольно глупо — если здесь есть ночные хищники, то движение явно привлечет больше их внимания, чем его отсутствие.

Не говоря уже о том, что ночью можно напороться на какую-нибудь ловушку, упасть в яму или невесть еще что в том же духе.

Кроме того, не стоит забывать и о том, что от меня исходит определенный запах, который хищники тоже могут учуять. Обессиленного они меня догонят и растерзают — и эльфийские ковырялки не помогут.

Запахнувшись в плащ, чтобы не замерзнуть, просидел так до рассвета, порой забываясь беспокойным сном.

Похоже этот лес однозначно мертв, раз к новому дню меня никто даже не попытался сожрать.

Станный мир.

Неудивительно, что его бросили.

Королевский Совет возник в незапамятные времена еще при Пятнадцатом короле.

Миролюбивый, предпочитающий слово огню и мечу, этот представитель Дома Де Мар вошел в историю как противоречивая натура.

Злопыхатели говорили о нем с неприязнью.

Заявляя, что именно его стремление к ведению переговоров, взамен силы оружия и пламени в решении вопросов государственной важности, они приводили в качестве полных антиподов Пятнадцатого короля четырнадцать его предшественников, которые правили единолично и были достаточно мудры для того, чтобы не тратить свое время на то, чтобы прислушиваться ко мнению аристократии.

Которая, как известно с давних времен, желает лишь одного — еще больше власти, чем есть у них сейчас.

И добиваются этого любыми путями.

Так не должно быть — и это ключевой аргумент, что льется из уст тех, что поносят Королевский Совет за сам факт его существования.

Когда стража распахнула перед Водем тяжелые двери, ведущие в залу, в которой проходило собрание Королевского Совета, он с первых же секунд понял, что происходит нечто из ряда вон выходящее.

Первое и главное — в помещении, не считая охрану, находилось сразу семь мужчин, включая теперь и самого наследного принца.

Четверо министров — представителей знатных домов, которые так или иначе приближены к короне настолько, чтобы взять в свои загрebuщие и не всегда чистые руки рутинные обязанности в одной из областей власти, пока король занят более важными делами.

Сам Тридцатый король, сидящий с лицом великомученика во главе длинного деревянного стола.

С выражением глубокой скорби и скуки он взирал на стоящего напротив него высокого ладного мужчину, отличающегося от всех остальных неестественно белоснежными волосами.

— ... такой союз обеспечит процветание нашим народам на долгие годы и, вероятнее всего, века, — обходя стол и сидящих за ним мужчин, Воль бросил взгляд на говорившего.

Его опасения подтвердились.

Это чертов дроу — темный эльф, забери Преисподняя его душу вместе со всем народом.

— Посол Нуада, — мягко обратился к эльфу человек, сидящий на месте премьер-министра. — Мы, конечно, не меньше вашего обеспокоены исчезновением принцессы светлых эльфов, но...

Этот мужчина Волю не был знаком.

Но одного взгляда на этого мужчину средних лет с холодными серыми глазами было достаточно, чтобы понять — тот, кого отец посадил по правую руку от себя не является человеком мягким.

Он говорил неспешно, вежливо и можно даже сказать, что был образцом дипломатического этикета.

Но в его глазах — сталь.

Это матерый зверь, который голыми руками готов прикончить любого, кто окажется настолько глуп, чтобы стать поперек воли короны.

Подобное следует запомнить.

Принц, не обращая внимания на удивленные и явно испуганные глаза прочих министров, с небрежностью подтащил к столу массивное кресло, намеренно волоча его по каменному полу и раздражая скрипом оббитых металлом ножек.

Эльф — образец едва сдерживаемого благоразумия — стоял, молча (впрочем, как и все присутствующие) наблюдая за тем, как наследник трона уселся по левую руку от отца.

Министр торговли и финансов, а также обряженный в неизменную рясу королевский священник благоразумно сдвинули свои стулья влево, освободив принцу место за столом.

Отец посмотрел на него с подозрением и заинтересованностью.

Что ж, его можно понять — до своего путешествия наследный принц больше времени тратил на развлечения и делам государственным уделял крайне скудное время.

Король немало лет пытался выбить из головы наследника дурь, но, в конце концов, махнул на единственного сына рукой, решив, что тот однажды образумится и поймет в чем его долг.

Впрочем, Воль прекрасно знал, что папаша делал это не от большой любви к сыну.

Воль был ему безразличен ровно до тех пор, пока король считал, будто сможет произвести на свет еще потомство.

За пару лет до того как принц отправился к чужим берегам, лекари вынесли неутешительный вердикт.

Больше ни один ребенок не выйдет из его чресел.

И пока единственный сын слонялся по чужим странам с «очень важной миссией», папашины шпионы по всему континенту искали бастардов, которых правитель мог наплодить за свою юность.

Потому отец и готов сейчас унижаться, терпеть выходки своего единственного ребенка — никого его шпионы не нашли.

И это ставило королевскую власть в не очень приятную позу.

— Посол, — отец нарушил молчание, обратившись к дроу. — Мы со всем вниманием выслушали вас и несомненно будем иметь в виду все сказанное вами от имени вашего короля...

— Значит я могу сообщить на Теневые Острова о вашей согласии? — тут же высказался посол.

«Хваткий ублюдок», — оценил слова гостя Воль де Март.

— Сказанное Его Величеством лишь указывает на то, что Тридцатый король и его советники рассмотрят предложение дроу, — отрезал премьер-министр. — Не ищите тайный смысл там, где его нет.

— Когда мне ожидать положительного ответа? — продолжал гнуть свою линию темнокожий белобрысый ублюдок.

— Ответ короны вы получите тогда, когда он будет готов, — заявил премьер-министр звенящим от нетерпения голосом. — Никто не обещает вам, что он будет положительным.

— Но и про отрицательный никто не говорит, — неожиданно заявил король.

Воль бросил на отца косой взгляд и увидел, что тот крайне пристально смотрит на своего наследника.

Кажется теперь становится понятно, куда клонит старик.

Что ж, это он удачно заглянул в это змеиное гнездо.

Будет над чем подумать на досуге.

Дроу тоже, вне всякого сомнения, понял намек.

Он пристально и крайне неодобрительно посмотрел на Воля.

Но, столкнувшись с венценосным наследником взглядами, уступил, еще больше раздражая принца.

— Принцесса Сифраль прибудет в Обитель Королей довольно скоро, — поджав губы, заявил он. — Мне хотелось бы получить ответ заблаговременно.

— Вы получите его тогда, когда он будет! — повысил голос премьер-министр. — Не переходите границы дозволенного, посол Нанц! Это вам не Теневые Острова! Это королевство людей!

Посол, чуть подавшись вперед, едва заметно поклонился, после чего, еще раз посмотрев на наследника, развернулся и отправился прочь из залы Королевского Совета.

Когда тяжелые двери сомкнулись, отсекая присутствующих мужчин от представителя расы дроу, первым молчание нарушил министр торговли.

— Молодой посол все пытается сделать с наскока, — низким грудным тоном произнес толстяк. — Он еще научится...

— Это дроу, лорд Карлиш, — напомнил говорившему премьер-министр. — Они агрессивны, напористы и все пытаются выбраться со своих мерзких угодий на континент.

— Похоже, что они отчаялись, раз пошли на такое, — заявил сидящий справа от премьер-министра невысокий мужчина с простоватыми чертами лица. — Дроу известны своим непочтением к другим расам. И кровосмешение для них...

— Лорд Кер, — голос Тридцатого Короля звенел от злости. — Сейчас не время и не место обсуждать подобное!

Воль мысленно заплодировал своему родителю.

Ну надо же...

Как трепетно он пытается свести все к тому, чтобы обсудить подобный вопрос наедине.

Очевидно демонстрация в Тронном Зале его впечатлила настолько, что он решил договориться с наследником, а не ставить его перед фактом.

— Его Величество прав, — скрипуче произнес премьер-министр, посмотрев на Воля. — Мой принц, королевство безмерно счастливо, что ваше путешествие закончилось.

— Кто бы сомневался, — хмыкнул принц. — Вижу не все в этой комнате рады этому факту на деле, лорд... Как вас там?

— Лорд Тристан, — натянуто улыбнувшись, произнес приближенный короля, одним своим взглядом давая понять наследнику, что тот вовсе не ошибся в своих умозаключениях.

Премьер-министр его презирает.

Да и все остальные — тоже.

Что ж, скоро им придется понять, что их времена уходят в историю.

Окончательно и бесповоротно.

— Напротив, Воль, — произнес отец. — Все рады твоему возвращению. Но никто, даже я, не ожидал, что ты решишь посетить Королевский Совет.

— А почему бы и нет? — равнодушно пожал плечами Воль. — Вы, дорогой отец, годами наставляли меня на путь истинный. Я был молод, глуп, заносчив. Но путешествие изменило меня, — он филигранно положил на стол свои руки ладонями вверх и усилием воли зажег на них небольшие язычки пламени.

От него не укрылось замешательство, которое поразило каждого из присутствующих министров.

Даже лорда Тристана.

Но Воль все же уловил, что лорд Кер действует весьма наигранно.

Мог ли он знать заблаговременно о том, что наследник восстановил свои способности к магии?

Да, мог.

Что-то подсказывало принцу, что Кер — никто иной, как министр, ответственный за шпионов королевства людей.

Впрочем, должность его явно звучала иначе.

Преыдуший лорд, занимавшийся подобным, носил титул министра Королевского двора.

Этот — вероятно тоже.

Нет ничего проще — быть поверенным в делах Крепости и использовать слуг в качестве осведомителей.

— Ваше Высочество, — залепетал толстяк из министерства торговли. — Не иначе как чудо! Ваша магия! Она восстановилась!

— Семеро милосердны и благосклонны к королевской семье! — старческим скрипучим тоном произнес четвертый из членов Королевского Совета.

Воль почувствовал, как от отвращения содержимое его желудка просится наружу, а рука как-то сама дернулась, желая испепелить маразматика.

Королевский священник — представитель церкви Семерых, который всегда находится при дворе ради удовлетворения потребностей трона в толковании знаков богов, дачи разъяснений в вопросах религии.

Так же он и его свора носителей ряс отвечали за воспитание королевских отпрысков и детей влиятельных домов, воспитывающихся в Крепости.

Бесхребетные прихлебатели и лизоблюды, которые всеми силами старались урвать как можно больше власти.

Из поколения в поколение они пичкали королевских детей рассказами о милосердии и величии богов, о знаниях и магии, которая дарована ими для избранных...

Но когда доходило до реальной помощи, Первосвященник и его лизоблюды в рясах отчего-то оказывались бессильны.

То, что со времен Пятнадцатого короля эти слизни вновь оказались в Королевском Совете говорило лишь о том, что отец сдал намного сильнее, чем ему казалось ранее.

— Хвала Семерым за это, — наигранно воздал хвалу богам Воль, едва сдерживая себя от того, чтобы рассмеяться шарлатану в лицо.

Ну да, конечно... Семеро вернули ему магию.

Конечно же они.

Спасти мать они не смогли, а вот маголки вернули.

Чудеса избирательности!

— Это чудесный знак, Ваше Величество! — продолжал королевский священник. — Я немедленно распоряжусь о том, чтобы в Храме Семерых вознесли богам благодарственные дары и хвалебные песни во время праздничной службы по случаю исцеления принца Воля!

Жаль, что на сборы Королевского Совета нельзя проносить оружие.

С каким бы удовольствием наследник вскрыл этого обрюзгшего старика в рясе,

наслаждаясь его криками.

Очень хотелось посмотреть спасут ли его боги или прозвучит традиционное: «На все воля Семерых!».

— Конечно, лорд Миналь, — со всей серьезностью в голосе произнес Тридцатый король. — Это следует сделать. Но не раньше, чем я объявлю о возвращении и исцелении Воля на ежегодном турнире знати.

Ну надо же...

Королевскому священнику даровали титул лорда.

Все интереснее и интереснее становится с каждой минутой.

— И, надо полагать, Ваше Высочество, — с легким прищуром произнес лорд Тристан, — подтвердите права принца на престол?

Ох, каков же лис...

— Разумеется, — не изменившись в лице согласился отец. — Боги даровали мне наследника. И они же вернули ему магию, избавив от детских мыслей. Кому, как не моему сыну наследовать после меня трон и права на королевство? Так что предлагаю перейти к делам государственным.

Да, в самом деле.

Так уж вышло, что некому.

Но папочка, ты пытался до последнего.

Вон, даже эльфийку вытянул из Великого Леса.

Знать бы еще что ты обещал этим остроухим.

— Так понимаю, — снова подал свой елейный голос, который бы больше подошел женщине, чем мужчине, министр финансов, — предложение дроу мы всерьез рассматривать не собираемся?

— А вы так печетесь о том, что отказав им, в ответ получите запрет на стоянку наших кораблей на Теневых Островах? — усмехнулся Тридцатый король.

— Теневые Острова — это удобные гавани для наших кораблей, — спохватился толстяк.

По его забегающим глазкам стало понятно, что его преследует отнюдь не забота о том, что в гаванях Теневых Островов торговые суда могут переждать штормы и починиться перед финальным рывком до портов королевства людей.

Скорее всего министр торговли и финансов имеет с дроу какие-то личные делишки.

Не будет лишним предположить, что именно он подсказал послу дроу о возможности аудиенции у Тридцатого короля по столь важному вопросу.

Да еще при Королевском Совете.

Да еще с такими «аргументами».

— Дуар Мар'Тун, — произнес Воль, обрывая потоки шуток и колкостей, которыми обменивались премьер-министр и лорд Карлиш.

— Ваше Высочество интересуется Гиблыми Землями? — спросил лорд Кер спокойным, даже кажущимся равнодушным тоном.

И это в то время, как король и премьер-министр сдвинули брови и обмениваются осторожными взглядами.

Министр торговли и финансов таращит свои пороссячи глазки, а его второй подбородок трясется, словно обритая зверолодка, идущая по доске в северных широтах.

Королевский священник так и вовсе делает вид, будто его интересует только лишь медальон своей религии, запутавшийся в поседевшей бороде.

— Как мне сказал отец, над Дуар Мар'Туном зажглись зеленые огни, — смакуя момент, произнес Воль. — Никому не стоит напоминать что это значит?

— Семеро защитят нас от демонов, — слегка раскачиваясь, произнес хорошо известную мантру королевский священник.

Да, как и предполагалось, духовник короля бесполезен.

— Пока нет достоверных подтверждений, что это так, — заявил премьер-министр. — Мы выслали отряды для того, чтобы они проникли глубже в Гиблые Земли. То, что огонь появился — это непроверенная информация.

Вот даже как.

Интересно получается.

— Значит кто-то из Королевского Совета потчует моего отца слухами вместо истины? — Воль сделал так, чтобы пламя в его руках превратилось в два столпа, едва не достающих до потолка.

А затем сжал руки в кулаки и что есть силы ударил ими по столу.

Своего он добился.

Лорд Кер и лод Тристан смотрели на него с интересом и подозрением.

Отец — неодобрительно.

Лорд Карлиш явно обмочился, а Лорд Миналь испортил воздух.

— Демонстрацией своей силы ты займешься в Бастионе, сын, — отчеканил отец, сообразив, что следует призвать наследника к ответу. — На Королевском Совете это излишне.

— Как прикажете, отец, — Воль скользнул взглядом по премьер-министру и министру Королевского двора.

Теперь ясно на ком держится этот абсурдный орган власти.

— Но, думаю мое желание как наследника и члена Королевского Совета, тоже следует уважать, — ядовито произнес он, улыбнувшись сидящим напротив него Керу и Тристану. — Из уст верноподданных короны должна звучать только истина, а не домыслы и слухи.

— Дуар Мар'Тун — это не та область политики, которой можно пренебречь до тех пор, пока все не прояснится, — заявил лорд Тристан. — Гарнизоны сообщили, что нежить стала вести себя агрессивнее.

— «Первый знак вы получите, когда мертвецы начнут в стаи собираться», — нараспев произнес лорд Миналь, смотря куда-то под стол.

Наверное на напряженную им лужу.

— Исчезновение принцессы светлых эльфов — тоже тревожная новость, — заявил лорд Кер.

Ну еще бы.

Увидев, что из путешествия вернулся не повеса, а наследник, вы забегаете еще быстрее, в надежде разобраться что же у вас там произошло.

Благо, что подручные есть не только у вас, а проверенные слухи всегда можно купить за звонкую монету.

— Я не до конца понимаю что нас связывает с эльфами, — произнес Воль, — но видится мне, что слухи об огнях над Дуар Мар'Туном и исчезновение принцессы произошли недавно.

— Практически одновременно, — сказал отец, поглаживая подбородок и с нескрываемой заинтересованностью смотря на сына.

— Поправьте меня, но как дроу узнали о последнем? — спросил Воль. — Насколько я понял, речь этого дерзкого посла шла о династическом союзе их королевства с нашим. Конечно, мне не расскажут о том, о чем вы говорили до моего появления...

Лорды молчали, как будто воды набрали в рот.

Отец сразу заелозил на стуле, демонстрируя свою неловкость.

— Думаю, — медленно, не сводя с Тридцатого короля взгляда, произнес лорд Кер, — об этом вам расскажет Его Величество.

— Если на то будет его воля, — заявил Воль, отмечая, что отец с явным облегчением вздохнул.

Как же просто...

— Но — продолжал наследник, — мне одному кажется слишком подозрительным то, что все эти новости происходят в один момент? Огни над Дуар Мар'Туном, слухи про нежить, что собирается в Гиблых Землях, пропажа принцессы одних эльфов и назойливый посол, что добивается аудиенции у Тридцатого короля прямо во время заседания Королевского Совета и предлагает подложить под венценосную особу свою принцессу...

— В словах молодого принца есть мысли, над которыми следует крепко подумать, — неожиданно заявил королевский священник. — Семеро даруют случайности, но не столь явные...

— То есть богословы хотят обвинить дроу в том, что они в очередной раз работают грязно? — хмыкнул лорд Тристан.

— Не думаю, что дорогой лорд Карлиш именно это имел в виду, — дипломатично произнес лорд Кер. — Но я согласен с тем, что Совету необходимо как следует расследовать происходящее.

— Мы уже этим заняты, лорд Кер, — вздохнул глава королевского Дома. — Вам ли не знать?!

— Думается мне, если сказки про зеленые огоньки в Гиблых Землях и собирающуюся нежить не подтвердятся, то можно будет сделать вывод, что дроу решили обыграть светлых эльфов и заключить кровный союз с нами, устранив их принцессу, — предложил версию Воль.

— Подобные рассуждения могут привести к неблагоприятным последствиям, мой принц, — произнес премьер-министр. — Особенно, если не будет никаких доказательств причастности дроу к пропаже эльфийской принцессы.

— Так разберитесь с этим, — посоветовал Воль, посмотрев на отца. — Я понимаю желание моего венценосного родителя сблизиться со светлыми эльфами. И понимаю, что пропажа принцессы на нашей земле — это практически крест на союзе с ними...

— Никто не говорил, что принцесса пропала на территории королевства людей, — заметил лорд Кер.

— Тогда почему вы вообще обсуждаете это с таким видом, будто все пропало и вот-вот остроухие легионы с боевыми кличами выползут из своего Великого Леса и пойдут на нас войной? — удивился Воль.

Министр Королевского Двора выразительно посмотрел на венценосного родителя принца.

Понятно.

Это тоже следует обсудить в узком кругу.

Нежить, эльфы, дроу, зеленые огни, возвещающие о восстановлении власти

Практиков...

Десятки вопросов без ответов и интриги у каждого первого на уме.

Улыбка на губах, кинжал за спиной.

Как же приятно вернуться домой.

Ночевки в этом странном лесу без зверей и насекомых, которые против моих ожиданий заканчивались отсутствием проблем как таковых, уже практически укоренили в моем бессознательном мысль о том, что путешествие сквозь это местечко закончится благополучно.

Боль в животе и последовавшая за этим боль в правой части лица, пробудившие меня ото сна, дали подсказку, что уж слишком я размечтался.

Ох, неспроста мне так легко засыпалось в этом месте.

И не просто так клонило в сон изо дня в день...

Мелодичный, но резкий звук вторгся в мои уши одновременно с еще одним ударом, от которого на щеке появилось ощущение вязкой теплоты.

Те, кто переживал рассечение кожи во время драки, поймут о чем я пытаюсь изъясниться.

В следующее мгновение после того, как я открыл глаза, сверкающий кулак нанес мне еще один удар в живот, от чего я рухнул на землю.

Отметив для себя, что оказывается меня подняли на ноги, пока я спал.

На губах появился солоноватый привкус.

А уже через мгновение мне едва удалось защититься руками от пинка ногой по лицу.

Повреждений от чужой ноги удалось избежать, а вот опрокидывания на землю — нет.

Я почувствовал, как меня подняли за руки, словно мешок с тряпьем и наградили затрещиной.

Это помогло окончательно прийти в себя — даже круги перед глазами перестали гоняться за полупрозрачными мушками.

И наконец-то я понял, что нахожусь в окружении незнакомцев.

Впрочем, по легким зеленоватым оттенкам их накидок, фигурным лукам, белоснежным волосам, словно они искупались в белилах и бледноватому оттенку кожи я понял, что встретился с сородичами тех, кого несколько дней назад обыскивал на поляне с гномами, любящими эльфятину.

И этой пятерке длинноухих явно не понравилось то, что они обнаружили у меня при себе.

Двое держали меня за руки, не давая даже пошевелиться, один копался в моих нехитрых пожитках, раскладывая на траве то, что он нашел и коротко комментируя обнаруженное тому остроухому, который стоял передо мной и смотрел так, будто я надругался над его родней в особо изошренной форме.

Пятый член их отряда «лесников» стоял рядом с большим деревом, у ствола которого я разбил лагерь в этот раз.

И с крайней неприязнью больших голубых глаз смотрел на меня.

Или смотрела — кто ж их поймет, этих андрогинных ублюдков.

Физиологию рассмотреть не удавалось — все как один с ног до головы укутаны в светло-зеленые плащи с капюшонами, из-под которых видно только часть лица и длинные прямые волосы.

На руках у того, кто стоит передо мной замечаю нечто, похожее на утяжеленные металлом кожаные перчатки.

С каплями крови.

— Значит это ты мой «будильник», — я облизнул кровь на разбитых губах, смотря остроухому прямо в глаза.

Ему это не понравилось.

Он что-то сказал мне нараспев.

Мелодичный язык, конечно, но для меня — отвратителен.

Эльфы о чем-то переговаривались друг с другом, пока копавшийся в моих вещах не высказался довольно длинно, резко и явно неодобрительно.

При этом тыча пальцами на мои трофеи.

Ну, ясно.

Ребята явно интересуются откуда я взял все это добро.

Как же им объяснить, когда все тело отлежал на сырой земле, а от их способа пробуждения у меня мягко говоря все побаливает.

Я на мгновение закрыл глаза, прислушиваясь к своей боли, в надежде, что все со мной хорошо и не придется переживать из-за внутреннего кровотечения...

В этот момент мою руку вывернули под неестественным углом, тыча в лицо кольцом.

Что ж, и в этом мире остроухие знают про то, как сделать человеку больно.

— И чего? — хмыкнул я, понимая, что ситуация не в мою пользу. — Черепов никогда не видели? Или серебра?

Ну, хоть умру красиво, с гордо поднятой головой.

Унижаться перед ублюдками я не собирался.

Пусть они и заполучат кольцо (предварительно прикончив меня), портал им все равно не открыть, потому что...

Гравировка с черепом по центру светилась едва заметным зеленым оттенком, намекающим на то, что я все же ошибся.

Покалывание в теле стало все сильнее, превращаясь в исключительно навязчивый лейтмотив.

Пульсирующий.

Слабый.

Далекий.

Но знакомый.

— Да ладно? — усмехнулся я, закрыв глаза и обращаясь к маготокам. — Месяц в вашем болоте и уже нашел источник?

Немного, но пойдет.

Конечно, если вложиться в один удар.

Если эти ушастые хоть немного похожи на тех, с кем я имел дело в своем мире, то выйдет лишь жалкая пародия на заклинание.

Но зато умру не в застенках.

Меня ударили по лицу, намереваясь сбить концентрацию.

Магов среди них я не ощущал, когда обратился к Первозданной.

Магия откликнулась на мой призыв, обращаясь в одно из немногочисленных известных мне заклинаний, подходящих для подобных ситуаций.

Эльфы явно почувствовали опасность.

Значит просто опытные вояки.

Тем проще.

Все равно они опоздали.

Когда я открыл глаза, то увидел, что тот, кто копался в моих вещах уже гремит кандалами из ненавистного металла.

— Поздно, ублюдки, — улыбнулся я, позволяя заклинанию вырваться наружу зеленым океаном энергии.

А потом моих обидчиков просто разорвало на куски.

Первое, на что обратила внимание Лаурель, когда распахнула глаза — это кроны вековых деревьев Вечного Леса.

Каждый листок — произведение искусства.

Он идеален в своей красоте, симметрии пропорций и исполнению.

И сейчас она видела их, устилающих ее тело, лежащее у ствола одного из деревьев.

Пятнистые темные листья плотно прижимались к веточке, которая покоилась на ее груди.

Тонкие ответвления усохли и поникли, из поврежденной коры сочилась смола.

Желтые листья деформированы, местами обезображены, словно поражены неизвестной болезнью.

Мало что могло принести столько боли вечно зеленым растениям.

Она скосила глаза в сторону, и едва удержалась от крика.

Ствол стоящего рядом дерева был черен, словно какой-то вандал пытался сжечь его, но бросил свою кощунственную работу на половине пути.

Подобно слезам, из него стекали тонкие, искрящиеся в лучах солнечного света капли смолы.

Листва с этого дерева тоже приобрела осенние краски и устилала пожухлый травяной ковер на полянке, где группа эльфийских рейнджеров приняла бой с чудовищем в человеческом облике.

Лаурель вернулась взглядом к дереву, у которого лежала и поняла, что оно тоже умирает.

Как и все те вековые посадки, что располагались поблизости от места страшного сражения.

Дитя леса могло почувствовать эту, буквально физическую боль священной для каждого светлого эльфа жизненной формы, дара природы.

Эльф обратила внимание на запах, похожий на запах разложения чего-то и без того мерзкого.

И ей не составило труда, чтобы понять природу этого запаха.

Пусть листва с погибающих деревьев прикрола побоище, но она видела потемневшие кровавые брызги и фарш, что недавно еще был ее боевыми товарищами-рейнджерами.

Пытаясь подавить гнетущее отчаяние и привести мысли в порядок, она снова посмотрела на пораженный символ природы светлых эльфов.

Впечатление было такое, будто еще немного — и дерево протяжно застонет на сыром утреннем ветру.

Дерево погибало, пожираемое магией, что умерла тысячи лет назад в Гиблых Землях в стенах Дуар Мар'Туна.

По крайней мере так ей говорили родители и те немногочисленные эльфы, что принимали участие в Последней Войне.

А сейчас она своими глазами видела, что они ошибались.

И ей нужно найти в себе силы, чтобы подняться и вернуться на заставу, сообщить обо всем старшим.

Зло вернулось в Аурхейм, чтобы...

Лаурель закричала.

Ее тренированное десятки лет тело выгнулось дугой от боли и холодного всепожирающего чувства близкой смерти, окатившего ее с ног до головы в считанные мгновения.

Девушка заозиралась по сторонам.

Причину своих страшных ощущений она увидела подле дерева, у которого лежала.

— Ну, теперь понятно почему в лесу нет животных, — произнесло чудовище в облике человека, небрежно бросив на желтоватую траву мягкое ведро, которое он явно нашел в ее дорожной сумке. — Если вы все орете так, когда с вас смывают грязь, то я б тоже предпочел убраться подальше от контуженных на всю голову остроухих.

— Ч-что? — только и смогла выдать Лаурель, чувствуя, как ее пробирает озноб, а тело начинает дрожать от холода.

Странно, что она не могла уловить магию, которой это чудовище пользуется, чтобы запугать ее сейчас.

Пусть темная магия и не изучалась давно, но магическое воздействие не скрыть, так что...

— Глухая что ли? — поинтересовался человек, скидывая с себя капюшон. — Или водичка излишне холодная попалась?

— В-водичка? — как замороженная повторила Лаурель.

— Глухая, тупая, еще и эльф, — вздохнул молодой мужчина, по внешнему виду которого сложно было сказать, что этот монстр во мгновение ока уничтожил весь ее отряд силой мысли. — Что ж, исключение, подтверждающее правило — с женщинами мне не везет. А остроухих нужно кончать сразу. Так что, — чудовище в человеческом облике похлопало ее по щеке рукой, — радуйся, дурочка, что у меня много вопросов. И нужен источник информации.

Лаурель заозиралась по сторонам в поисках оружия.

Она не успела нацеливать это чудовище стрелами, так хотя бы есть возможность убить его клинком.

— Кинжал на поясе, — ткнул пальцем в сторону ее бедер мужчина, совершенно глупо подставляясь спиной.

Да!

Он просто повернулся и пошел в сторону побережья реки, совсем не заботясь о том, что...

В пекло рассуждения!

Лаурель выхватила кинжал из ножен и бросилась вслед за чудовищем, намереваясь убить его, пусть и не в благородном бою лицом к лицу, но исполнить свой долг как рейнджера.

Она обязана уничтожить любого, кто посмеет осквернить Великий Лес!

Двумя быстрыми размашистыми шагами она оказалась за спиной чудовища, присевшего у небольшого костерка, на котором висел небольшой блестящий котелок.

Один взмах и чудовище будет повержено...

— Ножик дай, а то порежешься, — чудовище не глядя подняло руку над головой, словно ожидало, что она добровольно отдаст единственное имеющееся у нее оружие.

«Хочешь мой кинжал?» — возликовала Лаурель, опуская руку с оружием. — «Сейчас получишь его в темечко!»

Эльфийская сталь с певучим звуком опустилась вниз, извернувшись в ее кисти...

И рукоять легла в ладонь чудовища.

— Спасибо, — так же, не смотря на нее, ответило чудовище, перевернув кинжал в руке и разрезав им тончайшую лепешку из эльфийского хлеба.

Опять же — явно из ее дорожной сумки.

Лучница с остекленевшими глазами смотрела на свои пустые руки, не в силах понять что она только что сделала.

Почему рукоять в ладони чудовища, а не торчит из его черепа?

Она ведь намеревалась его убить, а не...

Лаурель почувствовала, что ее шею захлестнуло ледяной удавкой.

Лучница попыталась было сорвать с кожи то, что душит ее, но ногти лишь прошлись по ее бархатной коже, оставляя неглубокие раны.

Ничего не было!

Ее шея лишена чего бы то ни было!

И в то же время она не может даже вздохнуть!

Чудовище обернулось, протянув ей половину лепешки и с явным наслаждением вкушая вторую.

— Хреново быть тобой, — пробубнило чудовище, пережевывая нежнейшее, слегка солоноватое тесто. — С виду — фарфоровая куколка, а внутри — то же самое. Ни мозгов, ни богатого внутреннего мира. Да прекрати ты уже хотеть меня убить, а то задохнешься.

Из глаз лились слезы, легкие горели огнем, но Лаурель ничего не могла сделать, чтобы победить ту темную силу, что душила ее.

В глазах начинало темнеть.

В ушах, наоборот, застучали барабаны, что слышат умирающие светлые эльфы.

Древние Боги призывали ее к себе и...

А в следующий момент она почувствовала жгучую боль на лице, и судорожно вздохнула, огласив тишину Великого Леса своими истошными хрипами.

Чудовище стояло напротив нее, филигранно играясь серебряной эльфийской монетой, заставляя ее гулять между пальцами.

— Достаточно? — спросило чудовище, посмотрев на нее неодобрительно, но с насмешкой. — Если есть желание, могу отвесить и вторую пощечину.

Лучница, восстановив дыхание, озлобленно посмотрела на дьявола во плоти.

Первая же ее мысль была связана с тем, чтобы вонзить свои ногти в его лицо, изорвать его на клочки, ослепить, изуродовать, заставить страдать...

Она снова начала задыхаться.

— Да что ж ты будешь делать?! — изрек человек, вновь ударив ее по лицу второй ладонью. — Знаешь, я не осуждаю чужие нравы, но завязывала бы ты с этим мазохизмом. Честно — неприятно бить женщин. Даже эльфов.

Когда она успокоила дыхание во второй раз, то посмотрела на чудовище повнимательнее.

Высок, но ниже обычного эльфа.

Короткие темные волосы.

Недавно срезанная борода.

При этом — убиралась она явно ножом, которым этот человек уж точно владеет плохо.

Об этом свидетельствовали несколько порезов и неровные края некоторых клочков

волос.

Холодные, буквально веющие отрицательными температурами пронзительно синие глаза, правильные черты лица.

И издевательская ухмылка на губах.

Погодите-ка!

Синие!?

Но у чудовищ же зеленые глаза!

Лаурель могла поклясться памятью своих предков, что именно зеленый свет лучился из-под его капюшона, когда...

Когда он уничтожил ее отряд.

— Тебе помочь встать, — он протянул ей руку, прекратив играть с монетой, — или мадам сильная и независимая?

Лаурель отрицательно мотнула головой, отведя взгляд в сторону и сама поднялась на ноги.

— Умничка, — похвалило ее чудовище, вновь протягивая ей половинку лепешки. — На, подкрепись.

С этими словами он буквально насильно всучил ей незамысловатую еду и вернулся к костру.

Он просто сел рядом с ним и протянул вперед к огню свои руки, явно наслаждаясь теплом.

Эльфийская лучница несколько мгновений хлопала глазами, переводя взгляд с чудовища на хлеб в своих руках.

Что происходит?

Почему она еще жива?

Что с ней сделало чудовище в человеческом обличье?

Почему она чувствует боль, задыхается, когда думает о том, чтобы...?

Лучница почувствовала на шее давление, словно кто-то натянул невидимый поводок.

Она провела рукой по шее...

Но лишь для того, чтобы обнаружить прописную истину, которую она уже проверила — магический рабский ошейник, который обладал такими же эффектами, на ней отсутствовал.

Лаурель понимала, что эти вопросы останутся без ответов, если она не задаст их самому чудовищу, сидящему у костра.

Но была и другая причина, по которой ей нужен был огонь, который разводить в лесу эльфы не любили.

У нее начали стучать зубы.

Только сейчас, когда сердцебиение замедлилось, она соотнесла слова чудовища про воду, мягкое ведро и поняла причину, по которой ее одежда прилипла к телу.

И пришла к выводу, что вскочить с пожухлой листвы ее заставила отнюдь не темная магия.

Чудовище вылило на нее ведро воды из реки.

Ледяной воды из реки, берущей начало в верховьях непроходимых гор, возвышающихся над Великим Лесом!

Водой, которой питаются все растения вокруг!

Водой, в которой запрещено находиться, запрещено пить под страхом смерти!

Да что может быть еще более омерзительным, чем то, что делает это существо?!

Сперва расходует драгоценную воду столь безалаберно, словно набрал ее в колодце...
Хотя нет.

Это уже апофеоз его богохульства.

Лучница посмотрела на искаженные скверной вечнозеленые деревья, с которых облетали пожелтевшие листья.

Сперва он перебил рейнджеров и умертвил вековые деревья своей темной магией.
После такого...

Что может быть хуже?

Лесные эльфы убивали и за меньшее.

Девушка, отлепив слипшиеся пряди от лица и машинально расчесав их рукой, чтобы улучшить просушку, медленно подошла и опустилась у костра.

Судя по всему чудовище еще не собиралось убивать ее.

Он сказал, что ему нужна информация.

И нет никаких сомнений в том, как именно он намерен ее получить.

Для этого и оставил в живых ее.

Будет пытаться, будет делать вещи, которые похуже самой смерти...

Но пока что он этого не сделал.

Даже не связал ее, пока она была без сознания.

Не смог?

Или понадеялся на свою темную магию, которую наложил на нее, пока лучница была без сознания?

А в том, что он совершил подобную мерзость никаких сомнений даже быть не может.

Он оставил ее для пыток.

Шок от встречи с чудовищем, о котором не было даже слышно многие столетия, постепенно отходил на задний план.

Даже собственное малодушие отступало.

На первый план вышли ее навыки и подготовка рейнджера.

Раз она еще жива, то надежда не потеряна.

Так что есть время восстановить силы, привести себя в порядок и узнать что он такое и чего хочет.

Впрочем, наверняка то, чего хотели и Практики до него.

— Вот скажи мне, длинноухая, — посмотрел на нее чудовище. — Где в твоём вещмешке мясо?

— Мясо? — удивленно посмотрела на монстра Лаурель.

— Я что непонятно говорю что ли? — нахмурился мужчина. — Вроде же должны понимать друг друга. Эльфятинка, ты понимаешь мои слова?

— Да, — сглотнула ком, вставший в горле, лучница. — Как?

Пронзительный взгляд синих глаз был подобен ударом клинка по спине.

Так делают наставники или опытные бойцы — бьют плашмя, чтобы показать свое превосходство.

Насмешку...

— И что конкретно ты подразумеваешь этим своим «Как»? — с насмешкой спросило чудовище.

— Как получается, что я тебя понимаю, — произнесла Лаурель. — Ты не говоришь на эльфийском языке. А я не знаю человеческих наречий.

— Почему не знаешь? — удивился человек.

— Потому что знать язык грязных животных — это ниже достоинства Древнего народа, — машинально ответила Лаурель.

Ровно то, что слышала от старших.

— Вот даже значит как, — протянул человек. — Как говорил классик: «О, времена, о нравы!» Хотя, чего еще я ожидал от остроухих ублюдков?! Вы еще та блевотина в тарелке с супом.

Почему-то стало невероятно обидно от того, что какой-то человек разговаривает с ней, представительницей одного из Древнейших народов, как с какой-то безродной бродяжкой.

И хуже всего то, что по его тону понятно, что именно так он к ней и относится.

Был бы перед ней простой человек, то в такой ситуации...

Да не было бы подобной ситуации.

Его бы давно ждала смерть.

Как и любого человека, который оказывался в Великом Лесу.

Девушка опустила рядом с костром и прикусила губы.

Весь ее мир, все, чему ее учили, наставляли, все, к чему готовили — все рассыпалось в пыль.

Представитель Древнего народа просто ничего не могла сказать в ответ этому чудовищу.

Просто брякала что-то невпопад, словно у нее половина мозга отсутствует, а вторую сожрали ухвертки.

— Значит ты не знаешь человеческого языка, — задумчиво произнес монстр с синими глазами.

Лаурель утвердительно кивнула.

— Хреново быть тобой, — вздохнул человек. — Да и вообще эльфом хреново быть. Живете сотни лет, а что толку? Была у меня надежда, что вы тут не такие мудаки, как в моем прошлом, но... Выходит колесо событий сделало круг. Все это грустно.

Лучница молча смотрела на костер.

Даже не ощущая исходящего от него тепла.

Словно то, что ее облили слезами Богини лишило представительницу Древнего народа такой возможности.

— Итак, как же я тебя понимаю... Могу припомнить десяток вариантов ответов на этот вопрос, — признался дьявол во плоти, — но все они к нашей ситуации не подходят. Это магия, девушка с луком. Не думаю, что создатели рабского заклинания предполагали, что придется переводить с моего языка на твой и наоборот, но имеем то, что имеем. Из-за твоих стрел у меня не так уж много вариантов было.

Лаурель молча вкушала эльфийских хлеб, ничего не поняв из сказанного женщиной.

А потом, словно встрепенулась.

— Моих стрел? — она посмотрела на чудовище.

— Да, — кивнул человек, тронув себя на правый бок. — Так уж вышло, что ты меня задела. Заклинание поздно отреагировало...

Внутри девушки загорелась надежда.

Да, противостояние с чудовищем для нее казалось лишь ворохом образов, но раз он сам говорит, что она стреляла из лука по нему.

Если она смогла ранить чужака, то яд с наконечника проник в его тело и теперь будет

медленно...

— ... но все же отреагировало и испепелило их до того, как ты превратила меня в подобие ежика, — усмехнулся монстр.

Воодушевление исчезло, как и тепло из ее тела.

В стрельбе из лука она была образцовым воином.

Не так уж много молодых лучников могли с ней сравниться в этом искусстве дальнего убийства.

Но выходит, у нее ничего не вышло.

Да как так-то?!

В сказаниях о давних временах указывалось, что эльфийские воины убивали Практиков с дальних дистанций, пока те были заняты в схватке с другими бойцами Древнего народа!

Неужели этот монстр сильнее, чем враги из легенд?

— Думаю, стоит представиться, не так ли? — задал исключительно риторический вопрос человек. — А то ты ведешь себя так, словно твой мир разбился на куски. И оказалось, что в раю кто-то оставил кучу вонючего дерьма размером с гору.

— Примерно так и получается, — отстраненным тоном произнесла Лаурель, бесстрашно посмотрев чудовищу в глаза. — Не знаю что ты со мной сделал, но я найду способ как освободиться и...

— Убьешь меня? — усмехнулся тот.

— Да, — твердо сказала лучница.

Точнее сказать подумала об этом, намереваясь озвучить свои намерения...

Но горло в очередной раз сжала невидимая удавка.

Лучница вновь схватилась за горло, царапая его в напрасной надежде сорвать или хотя бы зацепить то, что ее душит.

— «Древняя раса», — хмыкнул монстр. — Ну да, как же. Уже б собака Павлова поняла, что стоит тебе подумать о причинении мне вреда, как следует наказание в виде удушения. Не самая эффективная вещь, на самом-то деле. Я бы придумал что-нибудь с ломотой в костях или что-то подобное, более быстродействующее и иммобилизирующее. Но заготовки они такие заготовки...

«Да что ты, мать твою человеческую женщину, несешь?!» — с ужасом подумала Лаурель.

— Расслабься, — слова человека прозвучали как приказ, которому она немедленно подчинилась. — Прекращай думать о деструктивном. Вреда ты мне причинить не можешь, повторю для длинноухих. Лучше подумай о том, что по-настоящему для тебя ценно...

Лаурель изо всех сил старалась, но на ум шло только желание прикончить человека.

— Это ни разу не харассмент, — пробурчал что-то себе под нос человек, приблизившись к ней и снова зарядив пощечину, от которой у нее запылала уже другая часть лица и зазвенело в голове.

Но и удушье сразу же прошло, как она заострила внимание на своей боли, а не на том, чтобы...

Лаурель прервала свою мысль, чтобы не допустить рецидива.

— Всего-то с пятого раза дошло, — хмыкнул человек. — Н-да, подруга, я буду очень надеяться на то, что ты просто в глубоком шоке, что такую сильную и независимую тебя хлещет по мордасам «грязное животное». Потому что если в твоей кукольной головке нет ни грамма мозгов, то я сделал не тот выбор, чтобы «взять языка».

— Кого взять? — дрожащим голосом спросила Лаурель.

— Тебя, — просто ответил мужчина, делая новый укус от лепешки.

Девушка почувствовала, как ее заполняет суеверная ярость.

— Никогда! — выпалила она. — Никогда грязный человек не коснется моих чресел и...

Она замолкла, поняв, что чудовище смотрит на нее ошалевшим немигающим взглядом.

Похоже он впал в какой-то ступор, раз у него аж рот открылся и виднеются непрожеванные куски эльфийского хлеба.

Они смотрели друг на друга несколько секунд, после чего человек, вздрогнув, тряхнул головой, словно желал отогнать наваждение.

— В психушке день открытых дверей какой-то, — пробормотал он еще более непонятные слова. — Подруга, слушай, ты мне и даром не нужна. Точнее нужна, но не в том смысле. Мне твои чресла не сдались!

— А... Я... — Лаурель отчего-то смутилась. — Я подумала...

— Не делай то, что тебе не свойственно, — посоветовал мужчина, без аппетита прожевав и отложив остатки хлеба в сторону. — Сюр какой-то.

— А...? — открыла было рот Лаурель, но замолчала, увидев, что мужчина поднял перед ней ладонь.

Что-то подсказывало ей, что он не хочет сейчас ее слышать.

— Лучше молчи, — выразил свои мысли человек, покачав головой. — Нахрен-нахрен слушать очередные твои рассказы про грязных животных и эльфячьи чресла.

Лучница покорно смолчала.

Несколько минут они так и просидели в тишине, пока человек не произнес:

— Имя-то у тебя есть, чресловещательница?

Лаурель не поняла что значит последнее слово.

Но явно что-то обидное.

— Лаурель, — произнесла она.

— И все? — уточнил монстр.

Который что-то не похож на монстра из эльфийских легенд.

Наверное он какой-то новый вид монстра, который не всегда монстр и...

Дальше у нее не хватало воображения.

Что поделать — она рейнджер, а не старейшина.

— А что должно быть еще? — уточнила девушка.

— Просто «Лаурель»? — уточнил мужчина. — Никаких там «Лаурель Стройная Осина»? Или «Лаурель Грациозный Прутик»?

Представительница Древней расы хлопнула глазами.

Потом еще раз.

Кажется она поняла.

Это не так сложно, как кажется.

— Я не из этих кланов, — призналась она.

— Чего? — округлил глаза мужчина.

— Я не из кланов Стройного Дерева или Грациозного Прутика, — ответила лучница, затаив дыхание.

Невидимый рабский ошейник, или рабское заклинание, о котором говорил человек, молчало.

Интересно...

— Я ж вообще рандомные слова произнес, — пробормотал мужчина, округлив глаза. —

А, выходит, у вас такие кланы есть?

Почему-то ей казалось, что на прямой ответ заклятье сработает.

А что если...?

— У лесного народа много разных кланов, — так же осторожно произнесла она, внутренне приготовившись...

Ничего!

Ее маленькая победа!

— Шизанутые остроухие, — шумно выдохнул человек. — Ладно, допустим. Клан «Лопатный Черенок» тоже есть?

Ну, здесь можно и по-простому.

— Нет, такого клана нет, — ответила Лаурель.

— Странно, я уж думал... — человек не договорил. — Так ты из какого клана?

— Ни из какого, — ответила Лаурель.

Синие глаза человека прищурились.

— И по какой причине?

— Я — рейнджер, — произнесла Лаурель. — Страж и патрульный Великого Леса. Я служу всему лесному народу, а не какому-то клану.

— Ясненько, — задумчиво произнес человек.

Пару мгновений они сидели молча, после чего монстр протянул ей свою правую руку ладонью вперед.

— Глеб.

Лаурель посмотрела на человека.

Потом — на его руку.

Затем — снова ему в глаза.

— На нашем языке это называется «ладонь», — призналась она. — Возможно что-то не так с магией перевода...

Человек несколько секунд молча смотрел на нее.

Так обычно смотрят на умственно неполноценных.

— Одно из двух, — медленно проговорил человек. — Или пощечины были крепкими, или ты никогда не слышала такого имени.

Лаурель поежилась.

— Почему твои родители назвали тебя в честь звука, с которыми клубни вытряхивают из мешка на пол хижины? — спросила она.

Человек ничего не сделал, но его выражение лица стало далеким от доброжелательного.

— По крайней мере меня не назвали в честь старого ржавого японского ведра с болтами, являющегося аналогом «Ниссан Скайлайн» для нищелюбов.

Увидел я, что набралось более 500 лайков к произведению, дай, думаю простимулирую камрадов более активными быть)

Это мой первый оридж, господа)

комментарии принимаются, замечания и указания ошибок — в том числе)

После заседания Королевского Совета вызов к Королю не являлся какой-то неожиданностью.

Воль, имевший в запасе несколько драгоценных дней, которых ему хватило для того, чтобы подготовиться к грядущему разговору с родителем, неспешно двигался по коридорам Крепости, наслаждаясь бодрящей прохладой.

Сопровождающий его Краскон как и всегда сохранял молчание, как и подобает несущему службу Белому Клинку.

Но Воль прекрасно понимал, что никто и никогда не может нести все свои обеты от зари до зари.

Поэтому, как только они завернули в коридор, ведущий вдоль одного из малых внутренних двориков, принц, как бы невзначай кивнул головой.

Белый Клинок — это не просто отменный боец, верой и правдой преданный Королю.

Это еще и человек, имеющий понимание таких простых вещей, как желание принца перекинуться несколькими словами.

— Отец зол? — негромко поинтересовался молодой принц.

— Настолько, что едва не вызвал вас в свои покои сразу же после заседания Королевского Совета, — таким же полупшепотом ответил старый вояка. — Премьер-министру едва удалось отговорить его.

— Вот даже как? — принц был несказанно удивлен. Вообще-то он считал, что Лорд Тристан, убедившись воочию не только в возвращении принца, но и став свидетелем его поведения, будет нашептывать королю прямо обратное, чтобы как можно быстрее избавиться от наследника при дворе. — И чем же он это мотивировал, а, Краскон?

Белый Клинок не ответил.

Он продолжил идти рядом, делая вид, что никакого вопроса и не прозвучало вовсе.

При других обстоятельствах, с другой категорией вооруженных людей и охраны в Крепости, Воль запросто мог приказать сделать с наглцом все, что ему заблагорассудится — и лишь король обладал властью отменить волеизъявление наследника.

Но в делах, которые касались Белых Клинков все не так, как у обычных рыцарей и придворных.

Белые Клинки — в том числе и носители секретов Короля.

Его посыльные для деликатных поручений. Вроде поисков наследного принца по притонам Обители Королей.

Или доставления тайных посланий.

Или...

Все, что угодно будет Королю.

И сейчас молчание Краскона это не просто прихоть.

Это выполнение обета, данного при заступлении на службу — молчать обо всем, что стало ему известно о делах Короля и Короны.

Особенно, если эта болтовня может причинить вред.

Из чего можно сделать вывод, что слова, которыми Лорд Тристан утихомирил отцовский гнев, имеют прямое отношение к государственным делам.

У принца на уме имелось несколько вариантов, но гадать не хотелось.

Достаточно и того, что скоро отец все выскажет в лицо.

Они уже подходили к проходу в личные покои короля.

На это небольшое путешествие понадобилось не так уж много времени — когда с тобой Белый Клинок, каждый из которых знает Крепость как бы не лучше самого Короля, вереницы коридоров и дворики уже перестают казаться бесконечными и непроходимыми.

Но один Воль справился бы куда как быстрее.

Потому что, в отличие от подручных Короля, он знал куда как больше о Крепости.

В том числе и о том, о чем лучше молчать, чтобы brave паладины, ревнители веры Семерых, в лучших традициях своего братства не сожгли его как еретика.

— Ты верный Клинок, Краскон, — произнес принц, когда они приблизились к тяжелой двери, ведущей непосредственно в залы, которые занимал правящий Король. Один из Белых Клинков, охраняющих вход, при виде приближающегося принца и товарища по оружию, невозмутимо отворил дверь, скрывшись внутри приемной залы. — Я этого не забуду.

— Надеюсь, сир, — так же полупшепотом ответил Клинок.

Что еще больше заинтриговало молодого принца.

С чего бы это верному служаке Краскону говорить такое принцу?

Не связано ли это с тем, что те двое Клинков, которые стояли на охране покоев короля, были Волю незнакомы?

Есть ли связь между намеком старого вояки на то, что принц не обделит его своим вниманием, и вторым часовым Клинком, который встал по центру прохода, ведущего к королю, недвусмысленно преградив дорогу?

Да, вне всякого сомнения, Клинок, и только он, находясь на службе, сообщает королю о том, кто желает посетить его.

Более того — их заранее уведомляют об этом.

И каждого посетителя, к моменту его прибытия, они уже знают поименно — и никогда не ошибаются в представлении знати.

В прошлый раз, явившись на заседание Королевского Совета, молодой принц явно задел Клинков за живое.

А судя по тому, что этих двоих он видел впервые, то немудрено, что и остальные, кроме Краскона, ему незнакомы.

А следовательно — могли затаить обиду.

И пытались проучить принца.

— Принц Воль Де Март к Тридцатому Королю, — громко сообщил Краскон, как только оба гостя замерли перед преградившим путь Клинком.

— О вас уже доложено, — голос охранника звучал молодо, хотя выглядел он даже постарше принца.

А уж его бегающие глазки выдают Клинка.

— Предлагаешь мне, принцу, подождать здесь немного? — елейным голосом поинтересовался Воль, деланно зевнув, демонстрируя, что позерство охранника его ничуть не задевает.

— Таков порядок, — голос у мальчишки чуть задрожал.

Похоже, кто-то из мелких аристократических ублюдков, невесть как просунутый родственниками в Клинки.

И сейчас его умишко разрывался на части, пытаясь сообразить что именно ему делать: продолжать преграждать путь наследному принцу, вызванному к Королю, или же спасовать.

Но в последнем случае не удастся маленькая месть Клинков.

— Меня ждет Король, — напомнил Воль.

На губах у него уже не могла сдержаться улыбка.

За все то время, что он находился в Обители Королей, наследный принц уже понял, что в Крепости царят хитросплетенные интриги.

Так всегда было.

Просто раньше, до своего путешествия, он этого не замечал по причине своей безалаберности.

Но сейчас...

Все заиграло новыми красками.

В его отсутствие интриги явно набрали новые витки и хитросплетения, стремясь как можно сильнее обвить шею Тридцатого Короля подобно смертельным удавкам.

И возвращение принца рушило все расклады участников.

Если раньше он думал, что Клинки в виду своих обетов и клятв перед Коронай, остались безучастны к тайной грызне, как и должны были, то сейчас видел совсем иное.

По собственной воле или по чужому науськиванию, но они решили под пустым предлогом насолить принцу.

Там, откуда он вернулся, это называли «проверкой на тонкую кишку».

Спасуешь — и относиться к тебе будут как к ничего не значащему человечку, которого каждый на то способный может заткнуть за пояс.

Не отступишься — и тебя не будут считать всего лишь расходным материалом.

Воль не сомневался, что кто-то уж точно подсматривает за развернувшимся представлением.

— Мне это известно, Ваше Высочество, — произнес Клинок, нервно поглядывая на спокойно наблюдающего за происходящим Краскона.

Все они — Клинки — равны между собой.

Ни один не может приказать другому — только Лорд-Защитник, командир Белых Клинков.

И, само собой, Король.

Вот только судя по взглядам молодого Клинка, он опасался, что старый вояка Краскон так или иначе захочет вмешаться в происходящее.

Щегольнуть своим авторитетом.

И получается довольно забавная ситуация, когда один Клинок сопровождал наследника на встречу с отцом по воле последнего.

А второй Клинок явно стремится отсрочить это randevu.

Причин могло быть немало, и, скорее всего — намного больше, чем сам принц мог придумать.

Но он подозревал, что без прямого приказа Короля — задержать наследника до того, как что-то в покоях будет улажено — здесь не обошлось.

Или же не Короля?

Последняя мысль появилась в голове наследника сразу после того, как тяжелая дверь,

ведущая в покои, приотворилась, пропуская второго Клинка.

Он, как и тот, что заслонил проход, разошлись в стороны, встав по бокам от распахнутой двери.

Из которой (вот сюрприз?!) как ни в чем не бывало, вышел премьер-министр Лорд Тристан.

— Ваше Величество, — независимым, полным осознания своей власти, голосом поприветствовал наследника ближайший подручный Короля.

— Премьер-министр, — ответил ему с тем же гонором принц.

Кажется он начинал догадываться что именно делал в покоях правителя его распорядитель и ближайший советник.

Да еще и не один.

— Посол Нуада, — не скрывая своей улыбки поприветствовал друу Воль, добавив к своему голосу нотки веселья и легкой издевки.

Молодой представитель темных эльфов взглянул на него как затравленный зверек, обнаруженный на кухне рядом с прогрызенным мешком.

— Ваше Величество, — на его лице появилась натянутая и абсолютно неестественная улыбка.

Оба мужчины поспешили убраться подальше от места встречи с человеком, чья судьба несомненно являлась предметом этой встречи.

— ... могу уже сообщить своему королю? — донесся до Воля голос неумного посла.

— Король ожидает вас, Ваше Величество, — как ни в чем не бывало, произнес тот Клинок, который сообщал о его прибытии родителю.

— Конечно, — ухмыльнулся Воль, оттеснив Клинка и нырнув за тяжелую дверь.

Лаурель посмотрела широко распахнутыми глазами на сидящего перед ней человека.

— Что ты хочешь сделать? — переспросила она.

— Найти источник моей магии, — пояснил монстр со странным именем «Глеб». — Когда я попал сюда благодаря кольцу, — он указал на перстень на своей руке, — то некоторое время был лишен магии. Но проходит несколько дней, и в самый нужный момент, когда ваш отряд нападает на меня — оказывается, что магия, которая мне нужна, к которой меня приучили — в вашем мире есть.

— Гиблые Земли, — прошептала лучница.

— Ну вот, — щелкнул пальцами человек. — Ты даже знаешь где это.

— Только по легендам, — пояснила Лаурель. — Это где-то на севере, за пределами Великого леса...

— А сейчас ты намекаешь на то, что не знаешь туда дороги? — уточнил человек будничным тоном.

И при этом, продолжал упаковывать в дорожный мешок вещи.

— Я никогда не была за пределами Великого Леса, — призналась она.

— Тогда у нас есть много общего, — усмехнулся мужчина. — Значит — ты идешь со мной.

— Я... — эльфийка растерялась. — Я...

Эльфийская лучница Лаурель.

— Давай оправдания ты придумаешь позже? — предложил мужчина. — По дороге к нужному мне месту. Договорились?

— А... Разве тебе нужно мое разрешение? — уточнила Лаурель.

— Нет, Лаврик, — просто ответил мужчина. — Не нужно. Запас моих фокусов заключенных в кольце, ограничен. Да и магия восстанавливается крайне медленно. Но в любом случае, мне необходимо к ее источнику. Хочешь ты этого, или нет — но ты туда идешь. Вместе со мной. Собирайся. А то, чувствуется мне, что к нашему месту привала вскоре могут пожаловать новые парни в зеленых трико с большой нелюбовью к таким как я.

— Я понимаю, — с грустью произнесла лучница, с удивлением подметив тот факт, что ее руки пакуют остатки нехитрых пожитков в ее дорожный мешок. — Я уже смирилась с тем, что буду твоей рабыней до конца своих дней.

Мужчина замер на мгновение, после чего посмотрел на нее.

Когда их взгляды встретились, ей показалось, будто она видит в его взгляде сочувствие.

— Прости, но выбора у меня немного, — в его голосе послышалось... Сожаление? — Стала бы ты мне помогать, если б не рабское заклинание?

— Нет, — призналась она. — Я бы сделала все, чтобы тебя убить. Как мои предки убивали твоих.

— О том и речь, — горько усмехнулся Глеб, завязывая горловину мешка и забрасывая его себе на спину. — Прости, Лаврик, но у меня не так много возможностей, чтобы защитить себя в этом мире. Пока что, во всяком случае. Я тут с гоблинами сражался, так чуть не прирезал себя вашим мечом. Он буквально из рук выскальзывает... Не знаешь почему?

— Знаю, — не желая отвечать, она все равно делала это. — Рукоять выполнена из частей Великого Леса. Дерево отторгает все, что не является эльфийским. Когда мы торговали с людьми, то переделывали свое оружие и доспехи, чтобы они могли их носить. В противном случае сделки бы не вышло.

— Сделки? — заинтересовался мужчина. — Радует одно — тут хотя бы люди есть. Надеюсь среди них меньше моральных уродов, чем среди твоих сородичей. Без обид, Лаврик, но к твоему виду у меня очень большие претензии.

— Что мы тебе сделали? — удивилась Лаурель, все порываясь сделать замечание, что этот грязный свин коверкает ее благозвучное имя.

Но то и дело сжимающийся на шее невидимый ошейник заставлял ее отказаться от проявления эмоций.

— Не ты конкретно, — заявил Глеб. — Но твоя раса... Расскажешь о чем это длинноухие с людьми договаривались, раз вы им свое оружие передали?

Как бы она ни хотела промолчать, слова сами рвались из нее наружу.

— Много лет назад наши предки и старейшины договорились с королем людей, что станем его союзниками и поможем сохранить человеческое королевство единым, если он уступит нам территорию Великого Леса, — произнесла Лаурель, удивляясь тому, что еще помнит то, чему ее обучали, когда она была совсем крохой. — Он уступил.

— А вы что? — уточнил человек.

Как-то уж очень легко относится ко всему происходящему.

Словно во время прошлого разговора он унижал не ее конкретно, а вымещал злобу ко всему народу эльфов.

А сейчас, словно успокоился.

— А мы обманули людей, — спокойно ответила Лаурель. — Передали им немного оружия, после чего наши боги сделали так, чтобы Великий Лес, и все, что находится в нем, стало местом обиталища исключительно для эльфов.

— Каким это образом? — насторожился человек.

— Сильнейшее заклинанье, — Лаурель буквально ненавидела себя за то, что вот так просто рассказывает монстру, врагу, самые сокровенные секреты своего народа. — Все, что не связано кровью с народом эльфов, не имеет к ним отношения — Великий Лес пожирает. Конечно, если рейнджеры не уничтожат нарушителя быстрее, чем магия наших богов, зачаровавших Великий Лес многие столетия назад, иссушит его полностью.

Человек замер, посмотрев на нее.

— Шутишь что ли?

— Нет, — ответила лучница.

— Но... Я же не умер здесь, — напомнил Глеб.

— Да, не умер, — согласилась Лаурель.

— А я — человек, — произнес он.

Лучница поправила свою одежду, после чего встретила взглядом своих голубых, словно горные озера глаз, с морскими пучинами, что были заключены в глазницах монстра, ставшего ее хозяином.

— Теперь я верю, что ты не из нашего мира, — с грустью произнесла она. Такое незнание не мог бы придумать и ребенок. — Иначе бы ты знал, что среди чистокровных людей нет тех, у кого были бы в роду синие глаза.

— Не-не-не, подруга, генетику не нае... — запротестовал Глеб.

— Синие глаза — это наследие эльфийской крови, — сообщила Лаурель. — Не знаю, почему ты ненавидишь наш народ, но ты — его часть.

Если говорить об убранстве личных покоев Тридцатого Короля, то слово «роскошь» тут явно неуместно.

Властный родитель никогда не отличался тягой к драгоценностям, дорогим тканям, изящным драпировкам.

Нет, без сомнения он все это имел, и, как положено по обычаям, даже демонстрировал на официальных приемах.

Но свои залы предпочитал украшать скромно.

Если только дело не касалось реликвий или подарков, которыми обмениваются монаршие особы.

Именно они украшали небольшую гостиную, обставленную с роскошью и помпой, подготовленную для ведения переговоров на высшем уровне.

Изысканно, броско, как и подобает — чтобы впечатляло каждого, кто оказывался сюда допущен.

Но вся соль и комизм ситуации заключались в том, что это — не более чем ширма.

Как и та, что отделяет проход от переговорной в ту часть апартаментов, в которых сейчас находился сам Король.

И добрый десяток слуг, которые помогали правителю, обессиленно разлегшемуся на тахте, избавляться от парадных одежд.

Воль окинул взглядом несколько довольно старых, но все еще приятных взору гобеленов, которые отражали битвы древних эпох.

Отметив, что никто из слуг не обращает на него никакого внимания, мужчина приложил руку к стене рядом с арочным проемом, ведущим в опочивальню Короля.

Когда он убрал кисть, на камне на мгновение вспыхнуло и рассеялось магическое плетение.

Воль продолжал погружаться в привычную для этого места атмосферу.

Посмотрел на резную мебель, которая местами рассохлась от возраста, поскольку заказывал ее то ли Двадцать Девятый, то ли Двадцать Восьмой Король.

А может и того давнее...

Честно говоря, весь блеск и красота этого места давно уже померкли и стерлись до основы.

Равно как и могущество человеческого королевства.

А также и сам Тридцатый Король.

— Ваша Милость, — как и подобает в таких случаях, принц высказал своему отцу положенные знаки внимания и покорности. — Явился сразу же, как только мне сообщили, что вы желаете меня видеть.

Тридцатый Король открыл глаза, словно вынырнул из забытья.

Заметная разница в поведении.

На заседании Королевского Совета он держался образцово, ничто не выдавало наличие хоть малейшего недуга.

Да и тогда, в Тронном Зале, тоже...

А сейчас перед наследным принцем находилась обессиленная развалина, напоминающая те же гобелены.

Все, как и говорилось.

Как предполагалось.

Как ожидалось.

— Оставьте нас, — даже мановение руки, сопровождающее приказ покинуть обитель Короля, вышло слабым.

И жалким.

Когда слуги покинули палаты Короля, Воль позволил себе присесть рядом с отцом, внимательно смотря на него.

В ожидании, когда тот решится заговорить.

— Не ожидал, что твой старик стал таким немощным? — попытался сквозь силу улыбнуться Тридцатый Король.

— Годы берут свое, отец.

— К чертям эти годы, — голос Короля прозвучал так же грозно, как и в молодые годы. — Эта хворь не имеет ничего общего с возрастом. Первосвященник и маги из Башни говорят, что это порча. Сильнейшая из тех, какую они только знают. Как-то даже заикнулись, что она поразила меня из-за того, что я изгнал своего наследника за Штормовое море. Пришлось подрезать кое-кому языки, чтобы не несли оккультную чушь.

Сквозь тонкую рубаху, надетую на Короле, Воль мог заметить, что его тело, те части, что были скрыты под парадными одеждами, покрывают многочисленные перевязки.

Некоторые — уже промокшие от крови.

Отец неплохо еще держался.

— Этот черножопый друу меня в конец измотал, — признался Король. — Как пиявка присосался, и все никак не хотел уходить, пока не прожует каждый кусочек договора... Знаешь, мне так хотелось бы зажарить этого ублюдка своим пламенем, но, боюсь, если я вызову его, сдохну быстрее, чем обещают лекари. Если б не этот черномазый, ты б вообще не увидел, что я так слаб...

Воль усмехнулся.

— Двойные стандарты — это отличительная часть нашего рода, не правда ли, отец? — спросил он. — Я трахаю зверолюдок, но готов их всех перебить. Ты всем рассказываешь про то, что нельзя это отродье трогать, а если бы были силы. Сделал бы черномазого чуть более похожим на уголек...

Король вымучено улыбнулся, негромко засмеявшись.

— Правитель должен уметь играть свою роль, — произнес он. — В твои годы я был так же горяч, как и ты, сынок. Но чем дольше корона давила мне на голову, тем больше понимал, что от этих отродий нам вовек не избавиться.

— Ну почему же, — невинно произнес Воль. — Всегда можно взять за яйца нашего Первосвященника и пообещать ему закрыть глаза на то, что он вытворяет с обитателями Квартала Нищих в конце недели, если он объявит Крестовый поход против...

Лицо Тридцатого Короля помрачнело.

— И думать забудь, — произнес он. — У нас нет сил на подобные войны. Сунемся вырезать их — ослабим границы. Мы и так ослабили за все эти годы. Это уже не королевство, а какой-то огромный табор, в котором каждый бургомистр больше верен не Короне, а ближайшему аристократу.

— А последние закроют глаза на все, что угодно, лишь бы набивать свои карманы, — произнес Воль, демонстрируя отцу свое понимание происходящего в королевстве. — И так уж совершенно случайно вышло, что все эти порождения Гиблых Земель умеют торговать и извлекать прибыль лучше людей...

— Они уже давно не порождения Гиблых Земель, — устало произнес Тридцатый Король. — Сейчас в них человеческого больше, чем в некоторых наших аристократах. Думаю, ты и сам замечал, что зверолюдки не такие уже и пушистые, как описаны в хрониках.

— Местами, — усмехнулся Воль. — Но, думаю, ты позвал меня сюда отнюдь не для того, чтобы поностальгировать, отец?

Король внимательно посмотрел на своего сына.

— На Королевском Совете мне показалось, что ты понял к чему все движется, — пробормотал он.

— Так уж вышло, что мальчик вырос из детских штанишек, — улыбнулся Воль. — Так понимаю, твой недуг связан с тем, почему у меня не появилось братьев и сестер от других твоих избранниц?

— А я-то думал, что сдохну раньше, чем мой сын решит почитать мне нотации об интрижках, — прокряхтел Король.

— Так я и не осуждаю, — пожал плечами Воль.

— В любом случае ты прав, — кашлянул Король. — Это... Нечто вроде проклятья. Наказание за то, что наши предки вели войну в Гиблых Землях. Каждый из нас лишается чего-то важного... Я — здоровья. Ты, как думал, магии... Ты не подумал написать тем лекарям, которые восстановили твои маготки?

— Лекари здесь ни при чем, отец, — заявил Воль. — Возможно, что причиной моего недуга было вовсе не то проклятье, о котором ты говоришь. Так или иначе, но магия просто восстановилась...

— Дерьмо. — в голосе Короля прозвучала досада. — Я-то уж надеялся на излечение...

— Поэтому и договорился с эльфами, что возьмешь их принцессу в жены? — спросил Воль.

Отец бросил на него недоверчивый взгляд.

— Уже нашептали? — явно раздосадованный поинтересовался он. — И кто такой болтун в Крепости? Кому надо вырезать язык, чтобы больше не мог говорить то, чего не следует?

— Не торопись быть таким решительным на расправы, отец, — улыбнулся Воль. — Результат может тебе не понравиться.

— Мне не нравится тон, которым ты это произносишь, — угрожающе произнес отец.

О, да, теперь в нем виден тот самый глава Дома Де Мар, что наводил ужасы в годы своей молодости по всему королевству.

Старый лев, чьи клыки истерлись.

— А мне не нравится, что ты решил женить меня на принцессе дроу, — так же обворожительно улыбаясь, произнес Воль. — Словно я какая-то тупоголовая принцесса, удел которой раздвигать ноги ради вынашивания наследников Дома, да охать и ахать при виде сбитого конника на турнире...

— Нужно подумать о королевстве, — заворчал Король. — Дроу давно уже осточертело сидеть на своих островах. Одно-два поколения и они начнут жрать камни с голода. Ваш союз позволил бы подчинить Короне армию дроу. Усилить Оплот Королей. Может быть не я, но ты или твой сын — уж точно бы смогли прижать к ногтю всех этих распоясавшихся аристократов! С дроу...

— С дроу не договориться, отец, — Воль пододвинул свое кресло так близко, что практически чувствовал зловонный аромат, источаемый гниением тела Короля. — Видишь ли, эти прислужники Практиков, отнюдь не ради интересов людей лезут обратно на континент...

— Что ты говоришь? — нахмурился Король. — Откуда эти сведения?!

— От надежного источника, — заверил Воль, беря слабеющую руку отца в свою и накрывая ее второй. — От того, благодаря кому я точно знаю, что искать принцессу эльфов — бессмысленно.

— Мы пришли к тому же выводу и...

— Отнюдь не к тому же, — заверил наследный принц. — Видишь ли, вы так же слепы, как и глупы... Принцесса уже давно мертва. Как и весь ее эскорт. Перебиты с той же легкостью, как топят потомство блудливой, но породистой суки.

— Кто сказал тебе это? — потребовал отвела Король.

— Тот же, кто зажег огни Дуар Мар'Туна, — поведал Воль.

— Но ты же сам сказал, что... — на лице Короля мелькнуло понимание. — Нет... Не может... Охрана!

Но не успел он повысить голос, как оставленное Водем перед входом плетение сработало.

Арочный и оконные проемы вспыхнули магическими конструкциями, которые блокировали распространение звуков.

— Может, дорогой родитель, — Воль продолжал улыбаться. — Пока ты здесь играл в свои игры с аристократией, искал своих бастардов, чтобы найти замену своему отпрыску, я нашел много интересного за Штормовым Морем. Я видел руины, которые остались от первых империй. Видел чудеса, которые ты себе даже представить не можешь. Видел колдунов, которые только и жаждут того, чтобы пробраться в Гиблые Земли и разыскать все то магическое добро, которое осталось после Практиков. Мы нашли с ними общий язык... И я многому у них научился. Не трать свои последние силы на крики — тебя все равно никто не услышит. Лучше поговори со мной и убедись в том, что твой сын — больше не тот, кем ты меня помнишь.

Воль щелчком пальцев зажег на руке огненный шар.

— Вы убили эльфийскую принцессу, чтобы не допустить нашего союза, — прошептал Король.

— Так уж вышло, что сказки про проклятье, которым якобы наш королевский род «наградили» Практики, это не более чем старая недобрая сказка, — объяснил Воль. — Именно благодаря ей моим друзьям удалось навести подходящую порчу. Которая убьет тебя быстрее, чем дроу получают шанс законно вступить на континент и отправить своих лазутчиков к Гиблым Землям. Подумать только, тысячелетия прошли, а эти верные шавки Практиков до сих пор чувствуют когда загораются огни Дуар Мар'Туна.

— Ты совершаешь большую глупость, — заявил Тридцатый Король. — Ты не представляешь...

— Напротив, — равнодушно произнес Воль. — Прекрасно себе представляю что будет. Ты, как и запланировано — умрешь. Эльфийки с их долголетием и отменным здоровьем, не смогут вырастить тебе наследника полукровки. Аурхейм — мой. И как только власть перейдет ко мне, армии моих союзников высадятся в Обители Королей. И пройдутся огнем по городам и селам, вырезая звероловов, эльфов, гномов, полукровок и прочую нечисть. Ну, конечно, если те не захотят служить нам добровольно.

— Для чего вам это нужно? — ужаснулся Король. — Это же... Резня.

— Да, — легко согласился Воль. — Самая настоящая. Но видишь, в чем проблема возникла. Раньше просто предполагалось прикончить тебя-слабака, и захватить власть. Но стоило мне вернуться в Крепость, как оказывается, Дуар Мар'Тун в самом деле загорелся. И теперь это не иллюзия, не наваждение, которое осуществляли мои союзники. Практики в самом деле вернулись сюда. И, как королю людей, мне не нравится ситуация, при которой эти ублюдки смогут воззвать к своим старым слугам и призвать под свои знамена тысячи

этих тварей, которые должны были служить нам, людям! Победителям Практиков!

— Ты безумен! — шепотом произнес Тридцатый Король. — Ты не мой сын!

— Да, — легко согласился Воль, мысленным усилием превращая оранжево-красное пламя на своей руке в неестественно-зеленое. — Настало время нового правления. Новой власти, старик. И ты в ее концепцию не укладываешься.

Зеленое пламя на мгновение вспыхнуло ярче.

Одновременно с этим кровь хлынула из каждой раны, мгновенно пропитав бинты, сорочку...

— Если веришь в свою религию, отец, — наклонился Воль над ухом короля, изо рта, носа и глаз которого текла кровь, — то наблюдай за тем, как я очищаю Аурхейм от скверны. Здесь будет царство людей. Или вообще ничего не будет.

Он погасил зеленый огонь, сжав пальцы в кулак.

Одновременно с этим рассыпались на искры и пропали магические ограждения.

Воль дождался того момента, когда тело Тридцатого Короля начнет биться в конвульсия, и только после этого, надев на лицо маску испуганного принца, бросился к дверям.

— Помогите! Помогите! Королью стало плохо!

— Как-то... Не впечатляет.

Это лучшее, что я мог придумать после того, как Лаурель объявила, что мы покинули Великий Лес.

Просто небольшая просека, отделяющая одну часть леса от другой.

Уже стоя на той части, которая по словам моей спутницы принадлежала людям, я обернулся, чтобы посмотреть на оставленный за спиной Великий Лес.

Потом снова посмотрел на те заросли, которые нас теперь окружают.

Эльфийская территория чем-то напоминает заповедник, где все расчищено, каждое дерево — красивое и стройное.

А человеческая часть — это привычные взгляду и памяти невысокие (по сравнению с эльфийскими) деревья, растущие как попало, не имеющие никакой грации, усеянные корявыми ветвями и окруженные бурьяном, кустарниками...

— У меня вопрос, — произнес я, обращаясь к эльфийке. — А... Как вы следите за тем, чтобы люди не забирались в ваш Великий Лес?

— Есть граница, — девушка указала на просеку. — Каждый знает, что если он пересечет ее и вступит в Вечный лес, уже не выберется. Великий Лес вытянет из них магию и саму жизнь...

— Угу, — произнес я. — Но что-то мне подсказывает, что те ребята, которые прикончили эльфов на поляне, не особо страшлись вашего леса-сосуна и ушастых рейнджеров.

Лаврик промолчала.

Лишь посмотрела с грустью на высоченные деревья, которые остаются позади нее.

Словно ребенок, который впервые покидает родительский дом в одиночестве и понимает, что в ближайшее время его точно никто не позовет вернуться.

С таким же равнодушием и тоской она приняла как данность тот факт, что отныне перестала быть сама себе хозяйка.

И то, что обращаться к ней я буду не по эльфийскому имени — Лаурель, а по грубовато звучащему прозвищу — Лаврик.

Не то, чтобы мне хотелось как-то унижить длинноухую версию Робина Гуда, но по ее собственному отношению к людям, по рассказам о том, как эльфы относятся к представителям моей расы, мне расхотелось звать ее настоящим именем.

Особенно, если учесть, что мой путь в неизвестность лежал через людские земли.

Где местные жители наверняка кипели любовью к длинноухим с такой же маниакальной «радостью», что и дитя леса — к моим сородичам.

Не знаю, будет ли это большой проблемой, но как-то не хочется встречать в возможные неприятности только из-за того, что со мной путешествует эльф, которого я зову по весьма примечательному имени.

Поэтому прозвище, созвучное с именем, да общение на «ты», как мне кажется, решит несколько проблем.

Если, конечно, никто не будет к нам прислушиваться и пытаться разглядеть во что мы одеты.

Думается мне, что эльфийский военный наряд — весьма нетривиальная вещь, которую

легко отличить от местных одежд.

А уж моя...

Так тем более.

Чего только сапоги на полимерной подошве стоят.

Может быть, конечно, сказки о «большой любви» местных рас друг к другу — это гиперболизация реального положения вещей, но я не хочу рисковать.

Лаврик — боец, как минимум хорошо обращается с луком.

Да и с холодным оружием — тоже.

Мои же знания обращения с тем же самым мечом не особо обширны.

А единственный имеющийся у меня клинок — эльфийской работы.

И он откровенно не желает держаться у меня в руке.

Лаврик сказала, что это по причине того, что я человек, а это оружие имеет рукоять из эльфийской древесины.

Которые вроде бы как несовместимые друг с другом вещи.

Но это ее изъяснение противоречит другому.

Автором которого так же является сама эльфийка.

А именно то, что у меня синие глаза, которые есть только у эльфов.

Собственно, по этой причине я и не умер в Великом Лесу.

Противоречие-с.

Клинок во мне ничего эльфийского не видит и не чувствует.

А вот Лес — да, принял за своего.

Так не бывает.

Но одно можно сказать точно — покинув Великий лес, я словно начал дышать полной грудью.

Словно кто-то убрал груз, сдавливавший до сих пор.

Делиться своими наблюдениями с Лаурель я не спешил.

Как минимум потому, что ей знать это совершенно не обязательно.

Она нужна мне в качестве бойца и, как оказалось, не слишком хорошо ориентирующегося на местности, проводника.

Можно было бы отпустить ее сразу же после того, как мы пересекли границу с Великим Лесом — дальше она не имеет ни возможности общаться с местными, ни уж тем более сориентировать меня на местности.

Но делать этого я, конечно же, не буду.

Она хороший лучник.

А прикрывать мне спину все же нужно.

Пусть хотя бы таким образом.

И что-то мне подсказывает, что стоит ей вернуться к своим, начнется на меня самая настоящая охота.

Как оказывается, эльфы не особо любят таких как я.

И плевать им, что не имею я никакого отношения к прошлым прегрешениям и моя цель лишь восстановить свою магию, да убраться отсюда.

Собственно, как и мне плевать на то, что меня окружают совсем не те эльфы, которые устроили кровавую бойню в моем прошлом мире.

— Мы направляемся в ближайший город или поселок, — объявил я. — Ты знаешь в каком направлении нам двигаться?

Мое изначальное предположение — двигаться вдоль реки и выйти к поселению — Лаврик отвергла.

Объяснив, что река протекает только на территории Великого Леса.

И максимум, куда можно выйти, придерживаясь ее, это к деревне эльфов.

Где-нибудь в глубинах Великого Леса.

Маловероятно, что мне там будут рады.

Особенно, если среди встречающихся будут опытные маги, которые увидят плетение рабского заклинания на шее своей соотечественницы.

— Нужно идти вслед уходящему светилу, — сказала Лаврик, указав рукой в сторону, в которую катилось местное «солнце» после того, как достигло своего зенита. — Как выйдем из леса, пойдем или на север, или на юг — если не увидим поселения в непосредственной близости.

— Почему именно в таких направлениях? — поинтересовался я. — Думается мне, что рейнджеры эльфов должны иметь представление о том, где точно находятся ближайшие поселения людей.

— Это восточные земли людей, — ответила лучница. — На границе леса с их стороны есть несколько десятков небольших деревень и парочка больших городов. На границе я никогда не была, знаю лишь то, что люди здесь когда-то устраивали заставы, которые со временем превратились в деревни. А застава осталась лишь одна — на тракте, но мы далеко от него.

— Подозрительно много ты знаешь для той, которая не выбиралась из леса, — произнес я.

— Я говорю лишь то, что знаю от других эльфов, — ответила Лаврик. — Наши рейнджеры периодически навещают сюда — оттого и знают где и что расположено. Но не распространяются среди молодых эльфов.

О, как.

Оказывается длинноухие выбирают из своего Великого Леса.

И, при том, это не какие-нибудь торговцы или целители.

Рейнджеры.

Сиречь — обученные солдаты.

Чтобы избавиться от отряда таких, мне пришлось применить самое разрушительное и энергоемкое заклинание из тех, что вложены в перстень.

И, к большому сожалению, «Водоворотом клинков подземного мира» мне больше не воспользоваться.

Каждое заклинание, вложенное в перстень, одноразовое.

А значит, что применять их при каждой местечковой проблеме, нерационально — так я вообще останусь без магической защиты.

Тех приемов, которые я успел изучить и освоить, вроде рабского заклинания, прежде чем меня выбросили в этот мир, не хватит на то, чтобы пересечь континент, не влипнув в какую-нибудь «историю».

— И для чего они посещают эти земли? — спросил я.

— Мне неизвестно, — призналась Лаврик. — Я простой лучник. Командиры не рассказывают все, что им известно каждому первому солдату.

Что довольно логично.

Лично у меня есть несколько гипотез относительно того, какие цели преследуют тут

длинноухие разведчики.

Вылавливают перебежчиков или дезертиров.

Собирают информацию от своих осведомителей.

Занимаются контрабандой.

В конце концов может просто навещают сельских жителей.

Здоровья ради.

Все может быть — для того, чтобы отсеять хотя бы одну из этих версий мне нужно побольше узнать об этом мире.

Потому что ни одна из подобных догадок мне не нравится.

Ибо сопряжена с неофициальными действиями эльфов на «чужой земле».

А, на минуточку, по словам Лаурель, эльфы и люди не поддерживают даже «рабочих» отношений.

Даже на уровне пограничников с обеих сторон.

Добрососедскими отношениями прямо пахнет за три версты.

— Тогда нам следует поторопиться, — приказал я. — Не хочу нарваться на ваш блуждающий отряд.

— Всех отозвали в Великий Лес, чтобы прочесывать его в поисках принцессы, — сказала Лаурель, легко перепрыгивая через повалившееся дерево. — Территория огромна...

— Судя по тому с каким азартом вы при встрече со мной начали избиение, убийц вы не нашли.

— Мы были уверены, что это ты, — сказала Лаурель. — У тебя было наше оружие, доспехи телохранителей принцессы... Это не могло быть совпадением.

— Но именно им оно и было, — пояснил я. — Так уж вышло, что из-за телепортации я оказался именно в этом месте. А поскольку никого живого, кроме парочки мелких уродливых созданий на поляне не было, то я взял то, что посчитал нужным.

— Тела гоблинов мы нашли, — заявила эльфийка. — Но зачем тебе потребовались женские доспехи?

Этот вопрос не относится к категории тех, на которые приятно отвечать, гордясь собой.

— У меня вообще никаких не было, — пояснил я. — А брезговать броней с трупа, пусть и женской, не самое разумное...

— Понятно, — эльфийка снова замкнулась в себе.

Некоторое время мы продирались через лес молча.

Я периодически оглядывал наш путь, как делал это в Великом Лесу, чтобы разглядеть какие-нибудь кусочки одежды, крошки или что-то подобное, что могло бы выдать наше направление.

Но все больше убеждался в том, что рабское заклинание действует, и Лаурель не может причинить мне вреда.

Даже таким способом.

К сожалению, в ходе моего обучения подробности о том или ином заклинании можно было узнать лишь одним способом — применив его.

А становиться рабом ради экспериментов в моем окружении никто не стремился.

Честно говоря и к перстню инструкция не самая подробная.

«Это — ключ. В нем есть сила для защиты и возвращения. Найди то, что нужно для победы и возвращайся».

И пинок под зад в портал.

— Ты рассчитываешь получить помощь у сельчан? — нарушила мои короткие воспоминания Лаврик.

— Не совсем.

В каждой приличной деревне должна быть таверна.

А где таверна — там наверняка есть и постоялый двор, где можно отдохнуть, нормально поесть и отоспаться.

Потому как после многодневных путешествий по Великому Лесу, как его называет моя молчаливая спутница, у меня больше нет никакого желания ночевать на практически голой земле.

И питаться осточертевшим эльфийским хлебом.

Который по факту больше похож на какую-то кондитерскую выпечку, чем на подобие полевого рациона.

Сладкий, мягкий, но в то же время обладающий плотной консистенцией и вообще напоминающий нечто среднее между булочкой и оладьями.

И буквально комком падающий в желудок, принося с собой тяжесть переедания.

За неимением лучшего приходилось подкрепляться тем, что было с собой у эльфов.

Но при наличии альтернативы, хотелось бы попробовать от этой жизни что-нибудь получше.

Хотя, маловероятно, что меня в будущем путешествии будут ожидать комфортные условия.

Но как минимум отдохнуть и понять где мы, куда двигаться и что для этого нужно — необходимо.

Примерно такими мыслями был занята моя голова, пока мы двигались сквозь лес.

Вышли из него мы уже ближе к ночи.

И, как ни странно, но именно это обстоятельство позволило рассмотреть в темноте огоньки костров.

— Небольшая деревня, — произнесла Лаурель, прищурившись. — домов на десять-двадцать. Частокол вокруг и подобие защищенных ворот. Правда, они никого не задержат.

Зарубка на память — эльфы видят в темноте.

И очень-очень хорошо.

— Охранники?

— Человек с самодельным копьём, — ответила она. — Спит у костра. Никакой защиты вроде кожаного доспеха или кольчуги. Даже сменщика — и того нет. По-видимому, сторожит кто-то из селян.

По описанию подходит.

Наверное.

Потому как кто ж его знает, как у местных жителей выглядят ополченцы.

Это ж только в фильмах все они рослые и одеты в одинаковые одежды, вооружены «табельными» мечами, щитами и копьями, не говоря уже про однообразные доспехи, кольчуги или что-то там подобное.

На практике же, насколько я помню, в Средневековье с подобным было не так хорошо, как кажется киношникам.

Но и не стоит забывать, что сейчас речь идет о магическом мире, где возможно всякое.

Пример отменной чеканки монет, не уступающей заводскому способу, тому яркий пример.

— Надеюсь те, кто дали тебе магию, чтобы преодолеть барьеры наших богов в Великом Лесу, снабдили еще и человеческими монетами, — как-то невесело прозвучали ее слова.

— Кое-что нашлось на месте убийства вашей принцессы, — сказал я. — И при обыске твоих товарищей.

Девушка, шагающая чуть впереди меня, вздрогнула, остановилась и посмотрела мне прямо в глаза.

— Ты хочешь расплатиться с людьми эльфийскими деньгами? — спросила она таким тоном, будто разговаривает с маленьким ребенком, которому уже не раз было говорено, что пальчики у него такие крохотные отнюдь не для того, чтобы совать их вот в те две дырочки, где живет такая странная сущность под названием «Электричество».

— Деньги эльфов у меня есть, — я отвернул левую половину плаща и показал небольшой кожаный мешочек, найденный у кого-то из убитых эльфов и в который я переложил все найденные монеты. Ровным счетом — сорок серебряных монет. Но с разной чеканкой — двух видов. Да и металл мне показался у этих монет отличающимся друг от друга.

— Нас убьют сразу же, как только ты их покажешь, — заявила она.

— Догадываюсь, — признался я.

Сперва так и планировал — расплатиться эльфийскими деньгами.

Они даже на вид выглядели солидно.

Но после рассказов лучницы понял, что светить эльфийскими монетами в человеческом селении — будет глупо.

Нужна альтернативная валюта.

И, к сожалению, иной, кроме оружия эльфов, у меня не имелось.

Оставалась лишь надежда на то, что мне удастся сторговаться с кем-нибудь, кто выдаст меня местным стражникам.

Или кому похуже.

Вошедшая в таверну парочка Шовелю не понравилась сразу же.

Оба в плащах, с надвинутыми на глаза капюшонами.

Ввалились в харчевню, изрядно заинтересовав деревенских пьяниц своим поведением и немаленькими заплечными рюкзаками нездешней и слишком тонкой работы.

И практически сразу юркнули в самый темный угол, выдавая в себе не местных, которые предпочитают со входа орать свой заказ хозяину заведения.

Даже будучи трезвыми.

Паладин опытным взглядом подметил, что за пришлыми тут же начали наблюдать исподтишка сразу несколько человек.

Которые не пьяны настолько, насколько хотели бы казаться.

Уж паладин бога виноделия разбирается в опьянениях.

В том, что последует дальше, у Фратера Шовеля не оставалось никакого сомнения.

Можно даже сказать, что это стало неизбежным после того, как хозяин таверны, известный в округе делец-хитрец, о чем-то переговорив с прибывшими, которые что-то продемонстрировали ему из своих мешков, довольно быстро засеменял к прилавку.

Но при этом успел переглянуться с одним из тех, кто лишь притворяется напившимся.

Как жаль.

А этот вечер мог быть таким тихим и спокойным.

— ... И встреча в ночи предвещала разбой, Мечи из ножен — и грянул тут бой, — негромко пропел паладин себе под нос, посмотрев в глиняную тарелку и брезгливо отодвинув мизинцем крупно настроганный зеленый лук подальше от тушеных овощей с мясом.

Пройдоха-хозяин все же положил в его блюдо ненавистную зелень.

— Милорд? — так же негромко обратился к нему сидящий напротив Слуга, уже привыкший за годы к привычке своего хозяина напевать время от времени.

— Хозяин трактира задумал недоброе, — зачерпнув прибором тушеные овощи, паладин с подозрением посмотрел на блюдо.

Как-то не хотелось на себе проверять достаточно ли честен хозяин заведения с остальными путниками, посетившими его харчевню.

— Это вы про... — Слуга начал поворачивать голову, явно намереваясь посмотреть на сидящую в дальнем углу парочку, но Фратер опередил его, с шумом двинув вперед полную кружку местного пива, по запаху не отличимого от ослиной мочи.

Жидкость расплескалась по столу и попала на руку Слуги, из-за чего тот прервал свою игру в гляделки.

— Сир? — шепотом спросил он. — Я что-то делаю не так?

— Живешь, — пояснил паладин, поправляя свой грубый плащ, под которым скрывал приличные дорожные одежды. — Не смотри на них.

— Как прикажете, сир, — стушевался Слуга. — А почему?

Вроде бы и умный малый — не только за крепкое телосложение Фратер выкупил юнца из рабства.

Но порой — тугодум-тугодумом.

Хорошо еще воинскую науку постигает хорошо.

Иначе б можно было посчитать его напрасной тратой денег.

— Потому что мы не привлекаем ненужного внимания, — заявил паладин, подтаскивая к себе кружку с пивом. — К тому же я еще не решил.

— Что не решили, милорд?

— Помогать кому-то из них или нет.

Мужчина потянулся вперед через стол, взялся за ручку кружки, поднеся пиво ко рту.

Замер, прокрутив в голове увиденное.

После чего запустил руку под плащ и нащупал болтающуюся на цепи небольшую чашу.

Металл нагрелся.

Бог виноделия предупреждал своего паладина о том, что с пивом не все так гладко, как можно было бы подумать.

И дело тут отнюдь не во вкусе.

Вздыхнув, Фратер поставил кружку на место, бросив взгляд на хозяина таверны, вынырнувшего из дверей кухни и с наигранной улыбкой несущего двум клиентам деревянный поднос с жареным мясом.

А в другой руке проглядывал глиняный кувшин.

С вином.

Которого, если верить словам того же трактирщика, оброненным пару часов назад, у него «и в помине не бывает, ваша милость!».

Сидя спиной к стене, за которой располагалась лестница, ведущая в комнаты на втором этаже, паладин бога виноделия посмотрел на пришедшую парочку, один человек из которой

оживился при виде подноса с едой.

Потом посмотрел на откровенно дремавших за столом человек десять местных селян.

Похоже для них пиво оказалось достаточно крепким.

В отличие от двух-трех человек, с которыми переглядывался трактирщик, возвращаясь к своему прилавку.

— Видит Святая Чаша и божественная амброзия, не я это начал, — тихо произнес паладин.

Проникнуть в деревню оказалось проще простого.

Ну... почти.

Пришлось, правда, понаблюдать за деревушкой по настоянию моей невольной телохранительницы, чтобы удостовериться в том, что никаких патрулей не существует.

На мой взгляд — занятие глупое.

Кто будет патрулировать какую-то деревню?

А с другой стороны, легкомыслие — не самый верный из способов продлить свою жизнь.

Деревня-деревней, но, кто будет тратить кучу времени, денег и дерева для того, чтобы обнести эти постройки частоколом, если это простая деревня, а в ней живут простые крестьяне?

Наверное все же никто.

Поэтому мы какое-то время проторчали под забором.

И, как ни странно, но я был готов расцеловать эльфийку за то, что она предложила сперва затаиться.

Потому что имел возможность услышать несколько обрывков чужой речи с другой стороны.

Правда, она перемежалась со звуками опорожнения нескольких мочевого пузыря, но это не беда.

Главное, что я смог избежать чудовищной ошибки.

Нет, речь незнакомая, но драть ее розгами, магия перстня помогла и здесь.

Небольшой запас послушно откликнулся на мое пожелание, и местный язык стал доступен к пониманию.

Что истощило скудные запасы перстня.

Он снова опустел.

И теперь будет вновь ме-е-е-дленно накачиваться.

А так же, судя по всему, истощило еще одно заклинание.

Не так уж много их осталось в запасе.

Была надежда на то, что здесь говорят хотя бы похоже на мой старый мир, и что не потребуется прибегать к помощи перстня, но...

Не сложилось.

Теперь оставалось надеяться на то, что этот язык здесь широко распространен, а не является диалектом, который не поймут уже через сотню километров от этого местечка.

Ибо это будет самым глупым способом потратить немногочисленные заклинания в перстне.

Когда любители отлить на частокол отошли куда-то в сторону и скрылись за скрипучей дверью большого дома, определенного Лавриком как искомая нами таверна, я шепотом поинтересовался у нее, готова ли она.

Девушка посмотрела на меня с большим удивлением и ответила, что не понимает моего вопроса.

А так же невинно поинтересовалась, почему я говорил, что не знаю местного языка.

Ну что ж... Можно поздравить — я овладел наречием аборигенов как минимум этой

деревни.

Надо занести в резюме.

Не пришлось никого убивать или пытаться, или пригонять стенобитные орудия для осады и штурма.

Прошли мимо спящего «часового».

Лаврик продемонстрировала свою ловкость, отобрав у спящего «стражника» его кривоватое копье, на деле оказавшееся всего лишь заостренной палкой, усеянной сучками.

Поставив очевидный рекорд местного уровня в прыжках с шестом, девушка очутилась на изгороди, которая едва ли превышала высотой полтора человеческих роста. После чего, оседлав частокол, помогла пробраться туда и мне.

Предварительно перекинув и осторожно, чтобы ничего нигде не звякнуло, спустив на землю наши пожитки, перебрался и сам.

Да, пришлось немного попозориться, потому как преодоление деревянных стен с помощью женской руки это не совсем то, в чем я силен.

Признаться, я вообще не уверен в том, что сам по себе в чем-то силен в этом мире.

Нужно приспособливаться.

Собственно, можно было, наверное, и через ворота пройти.

Но для этого потребовалось бы разбудить стражника или докричаться до кого-нибудь за воротами, чтобы отперли.

Нет, не замок.

Судя по всему, ворота тут вообще часть стены.

Их или роняют на землю, или смещают в сторону, потому как нет ни подъемного механизма, ни башенок, ни даже створок.

Возможно работают как-то еще, но моих познаний в средневековье маловато, чтобы так, с ходу, определить.

Предположение, что часть частокола «падает», чтобы открыть проход, у меня возникла потому, что бревен двадцать в частоколе покрыты грязью сверху донизу.

А остальные — нет.

Да и сквозь щели неровных бревен можно было увидеть что эту часть частокола подпирают несколькими бревнами изнутри.

А остальную часть частокола — нет.

Впрочем, это уже не имеет никакого смысла.

Мы — внутри.

И нет, оказывается мочились местные мужики не у местного трактира.

Это просто изба чуть больше остальных, и там идет гулянка, а по доносившимся обрывкам фраз — какое-то семейное торжество.

И да, эта избенка одноэтажная, просто больше по площади чем все остальные домишки.

Честно говоря, я не питал особых надежд на то, что это поселение может меня чем-то впечатлить.

Не после «горячего приема» эльфами, ни после некоторых оговорок Лаврика относительно здешних межнациональных отношений.

Такое ощущение, будто здесь расист на расисте, расизм возведен в культ, а рядом еще парочка таких же расистских государств, позиционируют они себя не расистскими, но среди них больше всего расистов.

В темноте так и не удалось как следует рассмотреть здешние постройки.

Десяток, может быть больше домиков, большинство из которых можно различить разве что по их силуэтам, потому как света практически нигде не увидеть за окнами.

Которые, судя по желтоватым оттенкам и прожилкам в тех местах, где за ними что-то и горело, освещая комнату, явно не из стекла.

В голове шевельнулись воспоминания из школы о том, что в крестьянских домах средневековья (да и в богатых тоже) не то, что стеклом — оконных рам с остеклением не было.

Только щели для поступления воздуха, да чтобы разогнать темноту, да ставни, чтоб не сильно дуло или дождем заливало.

В любом случае, книгами по истории следовало интересоваться раньше почаще и побольше.

И нечего себя оправдывать: «Ну, я же не знал...»

Сараев для скота или хранения инвентаря я не заметил.

Но несколько загонов для свиней (ну, хоть что-то тут не отличается от моего мира хотя бы на вид), построенных рядом с одной из стен частотола, все же сумел заметить.

Да и то — благодаря трем свиным тушам, в которых веса килограмм на двести уж точно будет.

Надеюсь, что это не молочные поросята.

А вот ближе к центру этого крохотного поселения, изрядно прочавкав по грязи и вонючему дерьму, которое явно является подобием улицы локального масштаба, мы и обнаружили то, что искали.

Двухэтажное заведение, построенное так же из дерева.

Рядом к нему, примыкает какой-то сарай, из которого доносится лошадиное ржание.

Вероятно — конюшня.

И я сомневаюсь, что даже у какого-нибудь местного старосты есть двухэтажный домик с конюшней и пара лошадей.

Дороговато это будет для простого крестьянина.

Неподъемно дорого.

Собственно, и двухэтажный дом тоже наверняка недешевое удовольствие.

Даже если он выполнен из дерева, как это.

Нет, не из досок.

И не из брусьев.

Из кругляка, как и все домишки тут.

Вывески, разумеется, нет и в помине.

Кому она сдалась, если тут домов-то наберется меньше, чем у меня пальцев на руках?

Местные и так знают что к чему и где расположено.

Сложно перепутать домишки.

Наверняка трактир построен для проезжающих, гостей, или в качестве места отдыха местным работягам.

Судя по темноте на втором этаже во всех окнах, кроме одного, постояльцев тоже немного.

Или просто экономят на лучинах, или чем тут освещают в ночное время комнаты?

С этим, как и с ворохом всего остального, нужно будет разобраться.

Там тоже шла какая-то попойка, а раз так, то есть большой шанс, что нас пьянчуги не заметят, занятые своими делами.

Первое, что бросилось в глаза — это большое количество вусмерть пьяных и окосевших мужиков.

Глаза от гари нескольких лучин (или тонких свечей?), запаха пота и какой-то кислятины, заслезились.

Я и Лаврик быстро шмыгнули за самый дальний из столиков.

Трактирщик — дородный мужик в засаленной одежде не первой свежести (ага, вот бы его укорять за то, что он белье в стиральной машинке без отбеливателя крутит!?) появился спустя несколько минут.

Молча выслушал мое:

— Трактирщик, нам бы поесть чего на двоих. И где переночевать найти. Издалека мы.

Ничего лучше я не придумал.

Но поговору тех любителей отлить понял, что общаются местные простыми фразами, максимально обиходными словами.

Про синхрофазатрон тут лучше не упоминать.

А то мало ли, прискачет инквизитор на голубом единороге и бесплатно подарит мне косплей Джордано Бруно.

Очень внимательно посмотрел на меня.

Очень так подозрительно.

— И чего? — хмыкнул он. — Мне гадать чего вам надо что ли? Хотите жрать — говорите чего надо, принесу.

Хотелось сказать ему про омаров и камчатского краба, но, предполагаю, что шутку он не оценит.

А скорее всего правильно поймет ее как издевку и появятся проблемы, которые мне не нужны.

— Так и я не знаю, трактирщик, что у тебя есть, а что сожрано, — ответил я, запустив руку к поясу, подняв оттуда мешочек и вынул монетку эльфийской чеканки, передав ее в кулаке, зажатую меж пальцами. — Но, думаю, за это, и кое-что сверху, я и мой друг можем рассчитывать на хороший ужин и комнату?

Да, это слишком большой риск.

Лаурель сказала, что меня за эти монеты убьют.

А еще она сказала, что разведчики эльфов бывают на этих землях.

Возможно у них есть человеческие деньги.

А может и нет.

В любом случае — вариантов у меня немного.

Лицо трактирщика вытянулось, он даже сделал шаг назад, наклонившись так, чтобы посмотреть мне в лицо, скрытое капюшоном.

Лаурель, как и я, поглубже натянули их на голову.

Не надо нас рассматривать.

— Какие-то проблемы, трактирщик? — спросил я.

Крупный мужик, криво усмехнувшись, двумя пальцами забрал у меня монету, прищурившись, посмотрел на нее, даже на зуб попробовал (сам голодный что ли или дефицит железа в организме?), после чего еще раз посмотрел в нашу сторону...

Ох, спасибо тебе родина за плащи из водоотталкивающей ткани хренового качества, сквозь которые можно что-то заметить.

— Издалека значит, — произнес он, что сразу же мне не понравилось. Жадный блеск в

глазах, облизывание губ. Он явно понял что это за монета и ее ценность. Будь это что-то не пользующееся популярностью тут, то он бы так не реагировал. — Бывает, конечно...

Не люблю я, когда человек вот так оценивает слова, словно смакует.

Впрочем, может здесь все такие подозрительные?

Граница с эльфами недалеко.

Мой расчет строился на то, что местные с ними все же имеют какие-то контакты.

Ну приграничье это!

Не может быть тут так все категорично.

Не верю я, что в таком мире не процветает контрабанда в обе стороны.

Если Великий Лес убивает все, в чем нет эльфийской крови, то зачем остроухим вообще рейнджеры?

Не для красоты же.

Значит кого-то ловят.

Вот я точно уверен в том, что в роду у меня эльфов не было и голубые глаза у меня вовсе не из-за любви к лукам и деревьям.

— Мясо есть, — заявил трактирщик. — Тушеное.

Звучит уже неплохо.

— На сухое горло предлагаешь его есть? — спросил я.

Ну не может тут не быть каких-нибудь компотов или чего-то подобного.

Вода, на худой конец.

— Принесу лучшее, что у меня есть, — хмыкнул мужик, собираясь отходить от нашего «столика».

— Комната, — произнес я.

— Чего? — недовольно и так же тихо спросил у меня трактирщик, останавливаясь. — Сейчас его взгляд был похож на пойманного в мышеловку зверька.

— Этого хватит и на оплату комнаты, — произнес я.

Больше наглость, чем уверенность в своих словах.

Раз взял эльфийскую монету, то знает куда ее пристроить и ее ценность.

Скорее всего я дал ему более чем достаточно, чтобы оплатить два обеда и комнату.

А раз ведет себя по-хамски, то чует за собой силу и не боится проблем.

Следовательно, меня тут пытаются облюбить по самые помидоры.

Да уж, «сканать под местного» точно не получилось.

Трактирщик недобро оскалился.

— Дальняя наверху, — сказал он и быстрым шагом направился в сторону своей стойки.

Я посмотрел ему в след и заметил, как он переглядывается с кем-то из посетителей.

Увидел, что у лестницы, ведущей на второй этаж, сидит какой-то местный пижон в темно-бардовом...

Ладно, я не знаю как этот элемент одежды называется.

Камзол, наверное.

Хотя нет, те вроде носили уже во времена парусного флота.

Одним словом, туника до середины бедра, с зауженными на предплечьях рукавами.

И все, кстати, бардового цвета.

Что еще больше отличает его от местных, которые одеты во все серое или темно-серое.

Напротив него — второй мужик, тоже явно побогаче местных пьяниц в старые рубахи одетых.

Как раз в этот момент второй мужик решил обернуться, но первый будто бы случайно толкнул на него кружку и из той расплескалось...

Нет, не синева.

И не по беретам.

Пиво.

На стол.

Нет, ну миры-то и разные, но пенное не распознать нельзя.

Даже в потемках.

Студенчество как-никак за плечами.

Парочка о чем-то зашушукалась между собой, изо всех сил делая вид, что мы им не интересны.

— Эти двое вооружены, — едва слышно произнесла Лаурель. — При себе кинжалы. У господина вероятнее всего меч еще под рукой.

— А еще они нами интересуются, — сказал я. — И трактирщик с кем-то переглядывался.

Со стороны той «сладкой парочки» (нет, серьезно, тот в красном похож на дружинника-алкоголика, а его «напарник» — на молодого монаха) донеслась какая-то нехитрая песенка про разбой, что навеяло еще больше негативных ассоциаций в отношении этих «товарищей».

— Принесут еду, забираем с собой и идем в комнату, — сказал я.

В трактире есть окна.

Да, не такие просторные, как мне хотелось бы, но в случае чего выскочить из них можно будет наружу гораздо проще, чем через упившуюся толпу и двух вооруженных людей.

Кем бы они, мать их за ногу, не были.

Ох, похоже пожалею я о своем решении здесь остановиться.

Из кухни появился трактирщик, неся в руке поднос с крупными кусками толи жаренного, толи тушеного, толи подгоревшего мяса в жиже, от одного вида которой казалось, что ее уже кто-то ел и вернул на блюдо.

Во второй он тащил...

Кувшин.

Натуральный мать его землю, глиняный кувшин.

С запечатым чем-то вроде воска или чего-то похожего, горловиной.

Похоже надо было водичку просить прямо.

Напиваться я тут не особо хочу.

— Как моя бабка готовила, — усмехнулся трактирщик, ставя это блюло-тарелку-поднос на стол.

Чего-то даже отдаленно похожего на приборы из металла — нет, только грубо сделанная деревянная ложка, отполированная сотнями потных рук.

— Заберем с собой в комнату, — произнес я, поднимаясь из-за кривоватого столика и забирая поднос с едой.

Трактирщик удивленно посмотрел на меня и последовавшую за мной Лаурель, но ни слова не сказал.

Даже когда мы прошли к лестнице.

Если сразу не заорал и не стал бить тревогу, значит может чего и получится...

Ладно, я и не ожидал, что внутри будут хоромы.

Забегаловке внизу тоже звезд Мишлен не видать, но им как-то наплевать на это с большой колокольни.

Комнатенка, которую мне выделили, была второй из трех на верхнем этаже.

Никаких замков снаружи, лишь «запорное устройство типа крючок» внутри, да и то не самое надежное на вид.

А уж какая щель между косяком и дверью...

Кровать — не кровать, а какой-то лежак, поверх которого брошен тюфяк, набитый, судя по запаху прелой травы, сеном.

Да и вообще атмосфера в этой низенькой халупе, в которой нужно ходити пригибать голову, чтобы не поправить потолочную балку своим лбом, не из художественных фильмов.

Подозреваю, что и во всем остальном проверку «Ревизорро» эта «гостиница» не пройдет.

Просто две комнаты, связанные между собой дверным проемом и непередаваемым ароматом отходов, плесени и гнили.

Меньшая — глухая, и в ней стоит что-то очень напоминающее деревянное ведро под помой. Но места тут еще много, так что, думаю, сюда могут и ванну притащить и воды наносить, чтобы помыться.

Ну, или в этой таверне специальное обслуживание — просторное помещение для тех, кто хочет «посидеть, подумать».

Страшно представить для чего нужны те пучки сена, набросанные пол сбоку от «гадильника».

Может стоит лопухи попросить?

Потому что если подтираться пучком сена, скорее всего потребуется волшебная сила подорожника.

Проверять не хочется.

И аппетит как-то пропал сразу.

В большой комнате — закрытое ставнями окно.

Тоже на «крючок» закрывающееся. Судя по всему, и он, и «петли» что на двери, что на окне сделаны из очень хреновенького металла.

Странно.

Я, честно сказать, больше ожидал какие-нибудь деревянные засовы.

Металл это же дорого, иначе б у каждого встречно был бы при себе хоть плохонький, но меч.

Или этот трактир настолько крут по местным меркам, раз у него металлические крючки на окнах?

Не знаю.

Одни вопросы, никаких ответов.

И ощущение, что все становится только хуже.

— Да ложись ты уже! — злой на себя, бросил я Лаурель, которая словно решила стать частью интерьерера и молчаливой статуей стояла рядом со входом, пока я осматривался.

Девушка, ни слова не сказав, лишь печально вздохнула, и приняла снимать с себя плащ, сев на «кровать».

Одеяла тут, похоже, тоже не предусмотрены.

Или за отдельную плату?

Деньгами сорить больше не хотелось.

Поэтому я так прикинул, что раз кровать одна, а спать на полу или у отхожего места я не собираюсь, то ночевать нам придется в большой комнате.

На пол я не лягу, а то еще крысы унесут или какие-нибудь местные ниндзя-черепашки придут на разборки со «злом».

Девушку, пусть она и остроухая, тоже на пол как-то неправильно отправлять.

Не потому что мне ее жаль.

Подозреваю что дует тут дай боже, а навряд ли у местных есть лекарства от простуды.

Телохранителя с соплями и бухающего как слон, с перспективами отправиться к своей богине пораньше, чем я достигну своей цели, иметь не хочется.

Вывод один.

Спать будем на кровати вдвоем.

Один плащ под себя, вторым накроемся.

Должно быть тепло — по крайней мере друг от друга...

Так, бл...

— Это что еще за хрень? — опешил я, видя, как эльфийка начала снимать с себя не только доспех с тонкой кольчугой, но и плотную рубашу с подобием корсета, оставшись в такой белоснежной рубашке, что аж в темноте видно.

Да и ладно бы, но штаны куда уже дела?!

— Пользуй мое тело, но моя душа всегда с Богиней, — сквозь щели в оконной раме, ставнями пробивалось достаточно света, чтобы видеть как блестят ее глаза. — Я приму все это достойно...

— Больная что ли на всю голову? — выпалил я. — Оденься нахрен, эксбиционистка ушастая!

— А?! — на лице девушки появилась смесь разочарования, непонимания и явного удивления. — Но...

— Страшно представить как ты отреагируешь на команды «Воздух!», «Газы!» или «Вспышка справа», — хмыкнул я. — А вообще, подруга, давай кое-что проясним. Владеть рабами до сих пор мне не приходилось.

— С трудом верится, — недоверчиво произнесла белокурая разведчица, дерганными движениями возвращая на себя одежду. — Ты ведь самое страшное зло во плоти.

Ну, хоть без кольчуги с доспехами.

А вообще, надо раздобыть спички и проверить, укладывается ли в армейский норматив.

Впрочем, опыт знакомства с ее сородичами подсказывает, что где и когда им нужно, остроухие и в щель пролезут без вазелина.

— Давай сойдемся на том, что я зло в начале своего пути. Так сказать — стажер зла. Подмастерье. Наше начальство не доверяет мучать больше трех народов за выходные, а рабынь выдают только за убийство эльфийских принцесс. Но я ответственно заявляю, что все произошедшее — чистейшее совпадение.

Девушка (да, ей может пара сотен лет, но чего не отнять у ее расы — выглядит она очень свежо) с подозрением посмотрела на меня.

Нет, объяснять я не собираюсь.

Раскрывать что у меня возможностей с гулькин нос осталось, пока я не доберусь до источника магии, тоже вредно для здоровья.

— Ты возжелал меня, — сказала Лаврик таким тоном, будто перед ней помахали деревом из Великого леса, а потом умыкнули и сказали, что вообще-то строить из этого

домик на дереве нельзя. Харам, блять. — А теперь отказываешься...

— Ты себя не переоценивай, — посоветовал я. — То, что у тебя симпатичная мордашка, и блондинистые волосы, фигура точеная, еще не значит, что...

Лаурель, встав, принялась заправлять в свои обтягивающие брюки рубаху.

Превращая ее местами тоже в кое-что обтягивающее.

И смотря на меня так вызывающе, пытливо, оценивающе.

— Завязывай, — что я грудей второго размера не видел? Видел, трогал и много чего другого. — А то пожалуюсь в ваш райлессовет, что ты, представитель богиней избранного народа домогаешься меня, вселенское зло, человека и так далее...

— Ничего подобного, — с возмущением произнесла Лаврик, натягивая на себя куртку, которую носила, судя по всему, под кольчугой. — Я... А почему ты говоришь со мной как с другом?

— Мне с тобой как с табуреткой разговаривать что ли? — спросил я, оглядываясь для демонстрации. — Хм... Табуретки в стоимость не входят, что ли?! Хотя, — я посмотрел на свою телохранительницу, — одно бревно у меня есть...

Девушка непонимающе забегала глазами.

Вот когда отпущу ее, вот прям пояснения дам насчет бревна.

Шутка, конечно, с бо-о-о-ольшой натяжкой, но справедлива ли она или это мое предвзятое мнение, проверять я, конечно же, не буду.

— Так я могу получить ответ на свой вопрос? — спросила Лаврик, приведя себя в порядок.

Она стояла напротив меня.

И честно слово, если б не разница в культурах, я бы, взглянув на нее в этом костюмчике, в потемках, точно назвал ее «Зеленой Стрелой».

Нет, ну похоже на Оливера Квина из «сидабовского» сериала.

Особенно на его первый тематический костюмчик на Лиань-Ю.

— Ты мне не враг, — ответил я. — По крайней мере сейчас. В будущем, когда надобность в тебе отпадет, я развею заклинание и двигай куда хочешь. Так что, в твоих же интересах, чтобы я добрался куда мне нужно как можно быстрее. А ты побежишь к своим богам, старейшинам, главным деревьям и сможешь рассказать где я, что я и насколько большое зло. Даже можете прийти ко мне в гости со всей своей армией. Хотите — даже соседей позовите.

— Ты говоришь правду? — в ее голосе прозвучало удивление.

И подозрение.

И немножко страха.

— Да, — ответил я.

И не солгал же.

Просто когда они доберутся до пункта моего назначения, меня там уже не будет.

Как и источника магии.

Судя по тому насколько «быстро» подзаряжается кольцо, этот источник тут единственный.

А раз так, то именно там находится оружие, которое мне нужно.

Последний шанс.

Во всей смыслах.

— Я тебе не верю, — честность в ответ на честность. — Такие как ты всегда делали

эльфов своими рабами. Пытали, мучали, совращали...

— Да-да-да, — махнул рукой я. Не интересны мне все эти ваши истории. Мне бы быстро добраться куда нужно, а потом прощайте, расисты остроухие. И все прочие. — У нас была не самая лучшая методичка по взаимодействию с общественностью. Но сейчас, когда мы пьем березовый сок и чувствуем единение с матушкой-природой, это делает нас милосерднее.

Плевать какую ересь ей говорить, лишь бы это звучало как нечто обыденное, чтобы создавалось впечатление, что я говорю ей не чепуху, а нечто, что в самом деле имеет логические связи.

Может быть так получится ей задурить голову, чтобы она не сообразила насколько я слабее ее.

Нет, конечно можно и приказать заткнуться, но что-то мне подсказывает, что дело пойдет быстрее, если она хотя бы не будет думать, что я тут за тем, чтобы начать какой-нибудь местный Армагеддон или открыть портал в Преисподнюю, вызвав армию демонов.

Последнее, кстати, было бы неплохо.

Но есть нюанс.

Демоны, которых я знаю, либо уже мертвы, либо скоро таковыми станут.

А остальные с радостью пустят меня самого на фарш или отдадут остроухим и их хозяевам с верхнего этажа.

— Ты можешь говорить что угодно, — заявила Лаурель. — Но ничто не изгладит из памяти эльфов ваши злодеяния. Особенно то, что вы создали дроу...

— Дорогуша, — она вообще лучник-войка, разведчик-кузнечик или на полставки еще и религиозный проповедник? Хотя да, о чем это я. Это ж эльфы. Чем моложе, тем фанатичнее. — Если б я тебе рассказал, что в моей жизни наделали твои остроухие сородичи, то твои беленькие волосюшки, — девушка дернулась как будто я хотел ее ударить, но мои пальцы просто подкинули ее прядь, — приобрели седой оттенок. Поверь на слово — «добро» — это не тот бренд, который хочет блага. Порой ему просто хочется немного повзрывать. И тогда на горизонте появляется много-много больших-пребольших грибов...

— Каких еще грибов? — искренне удивилась Лаврик.

— Ядерных, — вырвалось у меня против воли. — Впрочем, ты все равно не поймешь. Давай просто не будем об этом говорить, а?

Слишком болезненная тема.

Слишком «горячая», чтобы ее обсуждать.

— Ложимся спать, — резко бросил я, указав на топчан. — Завтра с утра отправляемся в дорогу.

— Как вам будет угодно, хозяин, — покорно сказала девушка, вызывая своим поведением еще больше ярости.

И я бы высказал ей немало того, что накопилось, если бы не одно но.

В дверь моей комнаты тихонько постучали.

Глава 9

После того, как первый стук прозвучал, а второй еще только предполагался, Лаврик уже стояла с кинжалом в одной руке, решимостью в глазах и луком — во второй.

В кого она намерена стрелять в комнате два на два метра — для меня загадка побольше чем природа черных дыр.

— Убери оружие, — приказал я. — Прикройся плащом и отойди в тень. Нападай, если будет угроза драки.

— Поняла.

В тени она, конечно, не спрячется.

Но решение принято исходя из других соображений.

Никто не должен понять, что она эльфийка.

Может быть тут и есть у местных контакты с ее народом, но все это лишь предположение.

— Кто? — спросил я через дверь.

— Хозяин, — раздался голос трактирщика.

— И какого хрена ты тут забыл?

— Нужно поговорить, — голос хозяина заведения звучал удивленно и с оттенками злобы.

Он мне стал нравиться еще меньше.

Убедившись, что Лаврик готова к бою (ну хоть лук из положила), я убрал крючок с петли и распахнул дверь.

Довольно проворно для толстяка трактирщик оказался внутри, быстро, но без лишнего скрипа и стука закрыв дверь за собой.

Даже толстенная уродливая свечка (которая довольно ярко горела, надо отдать должное), принесенная им с собой на подставке, и та даже не подумала задрожать под дуновением ветерка с окна.

Лаврика теперь было довольно отчетливо видно, поэтому она, по моему кивку, подошла к кровати с другой стороны.

С той, где стоял ее мешок с вещами.

И к нему же было приторочено ее оружие.

— Показывайте, —дохнул он мне в лицо смесью кислой выпивки, лука и чего-то еще ядреного, отчего глаза едва не заслезились.

— Что мы тебе должны показать? — не понял я.

— То, что вы принесли, — мужчина явно злился и не понимал, почему я не понимаю его с полуслова.

Что-то тут не то...

Я рассеянно посмотрел на торговца.

Он что, обменять мои эльфийские монеты хочет?

Или что?

— «Сверху», — не выдержав произнес трактирщик. — Вы сказали, что за монеты и «кое-что сверху» хотели бы получить комнату. Комната у вас есть. Я хочу видеть эльфийский товар.

Твою мать крестьянку...

Язык мой — враг мой.

Вообще-то я имел ввиду, что приплачу ему монетами, а никакими не эльфийскими товарами.

Мне нечего ему предложить...

Стоп.

Как это нечего?

А мои мародерские трофеи?

— Сейчас, — я подошел к кровати, у которой лежали наши заплечные мешки и вывалил содержимое своего на тюфяк.

В «рюкзаке» Лаврика находится то, что мы не собираемся демонстрировать — оружие, которое оставили для себя.

Довольно громко звякнули слегка побитые жизнью поножи и наплечники, пара кинжалов и пара поясных мешочков, в которых некогда лежал тот самый хлебец эльфийский.

Который сперва казался сладковатым, а потом стал отдавать самым сладким сахаром из всех, что я ей.

Чуть подумав, положил на кровать лук, который подобрал на месте расправы с эльфийской принцессой.

Все, что было собрано с трупов обоих эльфийских отрядов.

И то, что не было распределено между мной и Лаурель.

У нее лук, кинжал, средний меч и длинный меч.

По крайней мере я так для себя охарактеризовал этот наборчик, который был при ней в момент нападения на меня.

Набор клинков Лаурель.

Они отличались от тех, что я нашел на месте расправы с эльфийской принцессой большим единообразием, отсутствием вычурности и простотой.

Примерно так выглядит разница между оружием, созданным для простых вояк и для привилегированных особ.

У меня же...

Насколько я понимаю, эльфийские клинки получше человеческих будут.

Но из-за особенностей «щечек» рукоятей в руке они сидят хуже, чем если бы я куском масла бился.

Но свой меч и кинжал я демонстрировать торгашу не стал.

Только то, что для меня явно лишним будет в походе.

А еще мне нужны деньги.

И понимание финансовой системы этого мира.

Понятное дело, что никакой одежды — она либо повреждена, либо уничтожена в бою.

Куски эльфийской кольчуги тоже бессмысленно с собой тащить.

А вот две пары сапог, снятых с трупов напарников Лаурель, выставить на продажу я не собирался.

Если что-то и помню про пешие походы по пересеченной местности, так это то, что

сапоги приходят в негодность очень быстро.

Пусть и не совсем по размеру — в обоих случаях сапоги были мне и Лаврику большеваты — но это лучше, чем ничего.

— Выбирайте что нравится, — предложил я смотрящему на предметы трактирщику.

На лице последнего ходили желваки, а брови хмурились, словно я ему предложил...

— Что это за барахло? — не выдержав, спросил он, посмотрев на меня ястребиным взором. — Где украшения? Где лечебные травы? Где настойки? Где магически предметы? Вы меня за идиота принимаете, что ли?

Упс.

Столько вопросов.

И в то же время есть ответы.

Во-первых, я прав.

Эльфы занимаются контрабандой.

Во-вторых, я облажался.

То, что мы можем предложить — не соответствует тому ассортименту товаров, которые обычно предлагают местным.

— То, что имеем — то и продаем, — стараясь сохранять спокойствие, ответил я, переглянувшись с Лавриком.

Лучница спокойна, но по заведенным за спину рукам уже догадываюсь, что она готова пустить в ход оружие.

Наверное это правильно, потому как ситуация явно не предполагает мирного разрешения.

— Вы меня за кого принимаете? — шипел трактирщик. — Все это — не новое, бывшее в употреблении!

— Какая разница? — спросил я. — Это эльфийские товары. На них всегда будет спрос.

Раз эльфы и люди не дружат между собой, то значит, что спрос будет на хорошие вещи с обеих сторон.

— Это части женского доспеха, — с яростью прошипел трактирщик, указывая на наплечники и поножи. — И уже побывали в бою. Кто у меня их примет на реализацию? Монашки из Церкви Семерых? Или какая-нибудь аристократка? Может быть странствующие девы-рыцари захотят носить то, что снято с трупов? Или этот лук! На кой хрен его вообще сюда тащить? Кто сможет им пользоваться? Сила натяжения такая, что только какой-нибудь громила решится на подобное! А зачем ему лук, если он орудует мечом? А эти ковырялки? — он ткнул в мечи. — У них рукояти из эльфийского дерева! Да они из рук выскользнут! Я больше кузнецам заплачу за переделку, чем получу прибыли!

Возмущение на грани истерики.

Ладно, с броней я может быть и соглашусь — на ней в самом деле глубокие царапины и места пробоя.

Как-никак, но там явно была резня.

А вот лук и мечи...

— Это эльфийская сталь, — продолжал настаивать я. — В свободном ходу ее нет. Всегда найдется желающий орудовать таким легким клинком...

— Только маловероятно, что у него в кармане будет сотня-другая золотых, — раздраженно произнес торговец, чьи глазки затравленно бегали.

Темнит мужик.

Явно темнит.

Не думаю я, что кузнец откажется от эльфийского металла.

Те же поножи и наплечники всегда можно расплавить — металл это или древесины кусок?

И переплавить на что-то другое.

Да и переделка рукоятей явно не слишком дорогое удовольствие.

О чем я и сказал трактирщику.

Но моего энтузиазма он не разделял.

— Ну уж нет, — прошипел он. — Я-то все сомневался... Не знаю, что вы сделали с моими партнерами, но я уж точно не вляпаюсь в эту историю! Жрите что дал, а потом уходите отсюда. Не хватало мне еще разборок с эльфами!

Прежде чем я сумел что-то сказать в ответ, торгош убрался из моего номера, оставив лишь меня и Лаурель переглядываться друг с другом.

И что это было?

— Плохой человек, — произнесла лучница.

— И, кажется, мы влипли в историю, — припомнив его слова, произнес я. — Давай-ка сматываться отсюда.

В следующий момент с грохотом распахнулась дверь.

На пороге стоял верзила — один из тех, кого мы видели на нижнем этаже, в харчевне.

Рядом с ним — еще один.

Оба — вооружены чем-то, похожим на короткие мечи или тесаки.

— А вот и проблемы, — вздохнул я, смотря на обоих. — Лаврик, разберешься?

— Легко, — ответила та, вынимая из-за спины сразу два кинжала.

Та-а-ак. У нее же один был, нет?

Девушка встала в защитную стойку, готовая к сражению.

Я дипломатично, проформы ради, схватил один из мечей с тюфяка.

Маслянистое дерево предательски заскользило в ладони...

Впрочем, все это ерунда — эльфийка явно справится с обоими играючи.

Если она хоть немного соответствует своим товарищам из отряда, то эти двое уже не жильцы.

Похоже и они это поняли, раз не торопились нападать.

Так мы и стояли друг напротив друга — ухмыляющиеся рожи местных ухарей, и наша парочка.

А затем с хрустом сломалось окно и в помещении появился третий головорез.

Невысокий, жилистый, с короткими клинками в руках, он напал на Лаурель, отвлекая ее на угрозу со своей стороны.

Этот мне совсем не понравился — от него исходили следы магии.

Не «живой», источником которой он являлся бы сам, а чего-то статичного, неподвижного.

Словно у него артефакт или что-то подобное.

Это не хорошо.

И мне резко стало не до шуток.

Потому что оба громилы с тесаками заинтересовались мной.

А рукоять, словно подыгрывала им, стала еще более маслянистой.

Противник явно не новичок.

Лаурель поняла это по тому, как он двигался и насколько быстрые, но в то же экономные удары наносил.

Ночного светила, бьющего в разломанный оконный проем было достаточно, чтобы понять — вооружен он тоже не простыми ножами.

Слишком уж блестел в тусклом свете металл оружия.

Ошибиться тут было невозможно.

В руках у него мифрил, он же известен среди людей, как эльфийская сталь.

Девушка мгновенно сместилась от края кровати к проходу в комнату нужника, чтобы у нее появилось хоть какое-то пространство для маневра.

Сработало.

Лаурель ушла от колотого удара в живот, одновременно с этим нанося удар локтем по руке нападающего, ударяя ее об косяк двери.

Противник даже не отреагировал, и это плохой знак.

Потому как удар по чувствительным частям тела — это всегда больно.

Для всех, кто не укреплен магически или не находится под воздействием укрепляющих эликсиров.

Девушка отклонилась назад, пропуская второй клинок мимо своего лица, не позволяя лишиться себя зрения.

И тут же контратаковала, нанося удар одним кинжалом по атакующей руке, а вторым — в грудь противника.

Первый удар пришелся по предплечью, оставив глубокий порез.

Второй — не достиг цели.

Человек сделал шаг назад, но девушка продолжала атаковать.

Шея горела огнем, словно напоминая о том, что ей нужно уделить внимание другим противникам.

Защищаться на другом направлении.

Но умом она понимала, что те двое — просто громилы.

Местные мужики, которые не обучены бою и берут только за счет своих размеров и количества.

От них ничего не стоит избавиться.

Особенно этому непонятному чудовищу.

Простое заклинание — и даже ей бы не пришлось сражаться.

Но почему-то Практик решил, будто все должно быть именно так.

Она должна сражаться.

Испытывает ее?

Или решил, что расходовать магию на каких-то головорезов непозволительная роскошь?

Сражаться с людьми — ниже его достоинства, или что?

Эльфийские клинки попытались порезать ей ногу, но девушка была к этому готова.

Она отвела правое бедро назад, пропуская один кинжал мимо ее тела, а второй перехватила, поразив колющим ударом противника в руку.

Лезвие вошло в тело неестественно туго, хотя должно было прорезать его как бумагу.

Тело этого человека крепче, чем должно быть.

Ранение дезориентировало противника, заставив его заголосить от боли.

Это небольшое отвлечение дало Лаурель возможность вогнать второй клинок в горло

противника.

Пробив трахею, она с неудовлетворением поняла, что рассечь шею от уха до уха не получится.

Впрочем, ее удовлетворяло и то, что она воткнула клинок меж шейными позвонками противника.

Когда специалист ножевого боя упал на пол комнаты, она, вернув свое оружие, переступила через тело убитого.

Пора вернуться в большую комнату к двум другим противникам и чудовищу, который почему-то до сих пор все не залил своей загробной магией.

И очень сильно удивилась тому, что увидела.

Тот, что вошел в комнату первым, кивнул второму, и уже тот атаковал меня.

Шел он прямо, без намека на грацию движения.

Просто амбал, который очень сильно хочет быстро и без малейших усилий получить то, что хочет.

Тесак в его руке был шире, и короче моего меча.

Но, по крайней мере не пытался выскользнуть из пальцев.

Я словно пытался удержать в руках кусок таящего желе.

Получалось плохо.

Сделав шаг назад, я едва не грохнулся с тюфяка, но вовремя удержал равновесие.

— Брось железку, — хмыкнул второй амбал. — Не то порежу.

— Да кончай ты его, — приказал первый. — Он оружие-то в первый раз держит в руках!

Пока что меня спасало только то, что кровать, на которой лежал тюфяк, слишком велика, чтобы он подошел ко мне вплотную.

Он это тоже понял.

Пока первый сторожил дверь, второй наступил на тюфяк, чтобы подняться на кровать.

И на секунду отвел взгляд от меня, чтобы не промахнуться в потемках.

Шанс, который я не упустил.

Сделав шаг вперед я, уперев руки в гарду меча, вогнал острие клинка между шеей и ключицей.

Спасибо тому, кто ковал этот меч.

Он буквально вошел в противника словно раскаленный нож в кусок сливочного масла.

Второй бугай захрипел, забулькал и ничком упал на тюфяк, заливая выложенные для продажи вещи кровью из раны и рта.

Одновременно с этим рукоять выскользнула из моих рук, оставляя оружие в теле ухаря.

— Да ну на...?! — опешил первый, смотря на убитого товарища. — Ты че сделал?! Да я тебя, знаешь что...?!

Амбал замолчал, хлопнув глазами.

В этот момент у него из груди вылез длинный (явно не эльфийский) клинок меча.

С тем же проворством оружие исчезло из тела амбала.

Рослый детина, загораживающий выход из комнаты рухнул сперва на колени, а затем ничком на пол.

Передо мной стоял тот франтоватый мужик, которого я видел в харчевне внизу, деловито вытирая свой меч о рубаху убитого.

Проделал он это мастерски быстро, после чего убрал оружие в ножны на поясе,

галантно снял с головы берет с каким-то птичьим пером и провел им перед собой, чуть наклонившись вперед.

После чего явно наработанным движением вернул берет на голову, слегка заломив его на бок, чтобы перо торчало над его головой, словно одинокая осина на холме.

Он что, мне сейчас поклонился?!

С какого хрена?!

— Не считите за дерзость, что убил этого крестьянского выродка, — голос у него молодой, но не звонкий, то есть передо мной не юноша-акселерат, а половозрелый мужик. — Но честь требует от меня помогать попавшим в беду.

Одетый, почему-то, как средневековый содомит.

Нет, серьезно, кто носит красное?!

Всегда казалось, что такую одежду в средневековье предпочитают в домах, городские жители, но уж точно не мечник.

Вроде же есть дорожная одежда — практичная, немаркая, темных цветов, чтобы не отстирывать грязь, дерьмо и кровь.

— Да я бы и сам справился, — как можно спокойнее сказал я, часто дыша от прилива адреналина.

Не каждый день собственноручно убиваешь стоящего к тебе лицом к лицу человека.

Да, не первая смерть на моей совести, но, как и всегда есть нюансы.

До сих пор это были остроухие.

А их вообще не жаль.

Ни в одном из миров.

— Конечно, — франтоватый тип повернул голову, когда из другой комнаты вышла Лаврик, с кинжалами в обеих руках.

Сперва я не понял что так привлекло внимание «франта».

А потом сообразил.

Девушка без капюшона.

И ее вертикально стоящие ушки прекрасно видны в ночном свете, пробивающемся через развороченное окно.

— О, как, — задумчиво сказал «франт». — Забавно получается. Эльфийская воительница в компании с человеком... Кто вы такие, путники?

Вопрос довольно простой.

А вот тот факт, что человек в красном положил руку на рукоять своего меча не предвещало ничего хорошего.

Ситуация приобретала не самые лучшие перспективы.

Воин-мечник, у которого еще имелся за компанию товарищ, тоже явно не из простых, против меня и эльфийки.

В месте, где нас едва не прикончили.

А внизу, если ничего не изменилось, находится еще с десяток людей в состоянии хорошего такого подпития.

Да и к тому же хозяин этого заведения — не простой человек.

Если я что-то понимаю в происходящем, то держатель трактира явно должен пользоваться авторитетом среди местных.

Ну, и чтобы было совсем весело — мы вообще-то в поселении людей.

На территории, где эльфов вроде бы не любят.

Так что если здесь начнется заваруха со смертоубийством, то...

На Лаврика теперь надежды уже поменьше.

Да, она прикончила любителя забираться на второй этаж через окно, да еще и с ножами.

Но вот эти ее заминки — то лук схвачу, то кинжалы — меня покоробили.

Видел я это сразу, а вот мозги соизволили подкинуть пищу для ума только сейчас.

Когда особо остро встал вопрос — будет ли резня или нет.

— Мне повторить свой вопрос? — негромко поинтересовался «франт», не спуская глаз с Лаврика.

По-видимому ее он счел наиболее опасной из числа стоящей перед ним пары чело...

Пары, состоящей из человека и остроухой.

— Глухих здесь нет, — ответил я.

— Зато есть торговцы эльфийским оружием, — «франт» кивнул в сторону кровати, на которой из-под тела поверженного второго амбала виднелись части некоторых наших «товаров». — Вы знаете, что торговля редкими артефактами на территории Аурхейма преследуется?

Я даже не знаю кто такой Аурхейм, а ты уже о таких частностях...

— Так никто и не торгует, — невинно произнес я, гадая над тем, за коим чертом вообще этот парень, явно доморощенная версия местных любителей красных революционных «шаровар» вообще ведет диалог.

Путем нехитрых измышлений пришел к выводу, что происходящее можно объяснить всего двумя вариантами.

Либо этот парень не из числа тех, кто уполномочен кому-то и что-то предъявлять относительно незаконной торговли и путешествиям в компании эльфийки — иначе бы он уже кликнул людей покрепче и с нами разобрались по всей строгости средневековья.

Либо же он право на подобное имеет, но для начала пытается выгадать что-то для себя.

Может эльфийский меч, а может и эльфийскую лучницу...

— В любом случае, я хочу услышать от вас, благородный тэrr, — он неожиданно повернул голову в мою сторону, — что вы не из числа тех, кто намерен доставлять неприятности людям. В противном случае — моя сабля покинет ножны и сражаться я буду до тех пор, пока есть мясо на костях. Причины, по которым вы занимаетесь тем, чем занимаетесь, меня не интересуют. Хотите путешествовать инкогнито — это ваше право как

благородного.

От прозвучавшего пафоса у меня едва скулы не свело.

Что не так с этим миром?

Первые, кого я встретил, посчитали меня личинкой Дьявола.

Ладно, они не так уж и неправы, но «дьяволить» в этом местечке и мире в целом у меня большого желания нет.

Вторые приняли за контрабандиста-кидалу.

Третий «персонаж» принял меня за благородного... Тэрра.

Надеюсь это не что-то обидное.

А еще я понимаю, что перестаю что-то понимать...

Меня явно принимают не за того, кем я являюсь.

Но, разубеждать я никого не собираюсь.

Однако еще один вопросик (и вместе с ним десяток смежных) у меня накопились.

Судя по всему, этот любитель красных лосин знает о мире побольше, чем Лаврик.

А значит, он может быть ценным источником информации.

И — лучше живым, чем тратить заклинание и допрашивать мертвого.

— Я не имею никаких дурных намерений в отношении людей, проживающих в этом поселении, — даже в свете, который пробивался из разбитого окна было видно, что на лице «франта» появилась недоверчивая ухмылка.

Ах да, у меня тут рядышком два трупа...

Даже три.

Но два — не моя работа.

— Конечно, если они не нападут первыми, — озвучил я оговорку. — На вас это условие тоже распространяется.

— В таком случае, — «франт» убрал руку со своего меча и вроде бы расслабился, — и я не имею к вам каких-то предубеждений, благородный тэрр. Еще раз прошу прощения за то, что убил этого мужлана, — он легонько ткнул ногой пронзенного его мечом несколько минут назад первого громилу. — Надеюсь, вы не в обиде на меня за то, что лишил вас права на месть своими руками?

Твою мать....

О чем ты вообще говоришь?!

Какое право на месть своими руками?!

И какого хрена ты говоришь не «меч», а «сабля»?

— Хорошая у вас рабыня, — произнес «франт», разглядывая Лаврика, которая, словно статуя, стояла рядом с дверью, ведущей в комнату нужника. — Эльфийская лучница... Не расскажете, где можно такую купить? Мой Слуга, пусть и способный, но лишних рабов не бывает...

В процессе своей речи он чуть повернулся и лучи света упали на его левую часть тела.

Продемонстрировав мне наглядно изогнутость клинка его «меча».

Хм...

Ладно, сабля так сабля.

Видно в потемках не заметил.

— Там где взял — других больше нет, — буркнул я в ответ.

И не соврал же.

Других эльфов в том месте, где я сковал Лаврика рабским заклинанием, уже точно нет.

По крайней мере живых.

— О, это грустно, — а судя по голосу «франту» было явно весело. — Впрочем, думаю мы можем поднять себе настроение, благородный тэрр, — да, сука, как же ты уже достал с этим обращением. Бесит, скотина. — Мой Слуга внизу держит хозяина таверны. Думаю, вам есть что с него спросить. Да и мне тоже. Конечно, если вы уступите право мести...

Уж слишком ты учтивый засранец, «франт».

Да и все своим правом мести тыкаешь...

Чую это не просто словарный оборот.

— Посмотрим, — ответил я. — Для начала хотелось бы во всем разобраться с хозяином.

— Как вам будет удобно, — расплылся в улыбке, от которой начинало подташнивать «франт». — Ох, где же мои манеры.

Он филигранно снял свой берет с пером (судя по манерам этого мужика — из задницы страуса явно выдернул. Или павлина. Потому что манеры явно «павлиньи», вычурные. Явно родственник красующейся пташке), помахал им перед собой, слегка поклонившись.

— Фратер Шовель, — явно представился он. — Паладин бога виноделия, волей случая и своего бога оказавшийся в этом уголке Аурхейма ради защиты безвинных и для свершения правосудия над отступниками законов божьих.

Ну твою-то мать...

Пижон, любитель сабель и рабов, еще и слуга какого-то там божка со священной миссией...

Каких еще шизиков мне придется повидать в этом мире?

— Глеб, — как минимум невежливо не представиться.

Хрен его знает что там в голове у этого... индивида.

Вдруг, если ему не ответить на приветствие, он в драку полезет.

Или к богу своему обратится.

Можно было бы, махнуть рукой и забить на всякие там религии, потому как по большей части это все суеверия.

Для обычных людей.

Кому как не мне знать, что это совсем не так.

Но и отчаиваться не стоит.

Уж какого-нибудь языческого божка в бараний рог скрутить я смогу...

Смог бы.

Если б был привязан к источнику своей магии.

Сейчас же пока лучше не ссориться.

И не рассказывать всего тем, кто умеет так эффектно протыкать человеческие тела.

— Просто Глеб? — навязчиво поинтересовался Фратер Шовель, смотря на меня так, будто я ему что-то должен.

— Именно, — ответил я, давая понять, что продолжение разговора в этом ключе мне не интересно.

— Ах, понимаю-понимаю, — неизвестно чему заулыбался «пижон». — Благородный тэрр желает сохранить свое инкогнито. Что ж, будьте спокойны — паладины умеют хранить секреты. Ни одна живая душа не узнает о том, что я видел и слышал. Клянусь Божественной Чашей.

Последнее он произнес с воодушевленным придыханием, словно девственница, которая отдает себя на растерзание кровожадному дракону, лишь бы не сожгли родную хату.

А еще от меня не укрылись две вещи.

Первая — когда он клялся, то схватился за какую-то висюльку на груди.

И в момент произнесения клятвы, я ощутил колебания, характерные для использования магии.

Конечно, можно было бы успокоить себя мыслью о том, что новый мир, законы магии могут быть и другими...

Но хрен там.

Законы магии едины для всего сущего.

Потому что созданы одним существом, которое крайне не любит запариваться в решении частных дел.

А значит колебания — явно свидетельства того, что все не так просто, как могло бы показаться с точки зрения самообмана.

Колебания — свидетельства использования именно божественной магии.

Которая, довольно необычная по своей природе.

Ранее не встречавшаяся, что дает пищу для ума.

Во-первых, религия этого Фратера — явно не выдумка.

То, что я запомнил из уроков по основам магии говорило, что любая материальная вещь — от бинта до ваты, сиречь от камня до целой планеты — может стать артефактом с определенными свойствами.

Лишь бы у создателя артефакта были силы на то, чтобы напитать его своей магией.

Артефакт по своей сути — это «мертвая» магия, как вода в бутылке с закрученной пробкой.

При их использовании колебания в магическом фоне, конечно, происходят, но слабее — чем искуснее тот, кто создал артефакт, тем меньше следов остается от его применения.

Колебания, которые я ощутил посильнее.

На порядок.

А следовательно, «пижон» в красный лосинах, явно обращался не к силе артефакта.

Этот засранец засвидетельствовал свое обещание перед своим алкогольным божком!

А последний ему ответил!

Сука такая.

Мало мне остроухих, так еще, оказывается, здесь и боги местного пантеона существуют.

Ну приехали...

Теперь начинаю понимать насколько глубока кроличья нора.

Если все эти святоши не сильно любят Практиков, то вскоре следует ждать очередь из желающих добраться до моей личности и пожить.

И, если местный пантеон хоть немного похож на тот, что был в моем прошлом мире, на матушке-Земле, то все грустненько.

В лучшем случае — решат договориться.

В худшем — попробуют меня прикончить, пока слаб.

И что-то мне подсказывает, что именно из-за слабости будет выбран второй вариант.

Не было печали, боги накачали.

Если божок этого «пижона» не занят чем-то более важным, то довольно быстро он сообразит с кем сейчас общается его адепт.

Поэтому, не стоит раздувать конфликт на пустом месте.

— Что ж, — произнес я. — Думаю, уважаемый паладин, вы не откажете мне в такой

малости, как остаться наедине со своей... рабыней?

— О, — заулыбался «франт», — конечно-конечно. Я, Слуга и хозяин таверны будем ждать вас внизу. Заодно выбросим из харчевни всех местных пьяниц.

— Буду вам за это премного благодарен.

После этих слов паладин бога виноделия, еще раз поклонившись, вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Отставив нас с Лавриком наедине.

Три трупа в двух комнатах уже явно не в счет идут.

К тому времени как Фратер спустился на первый этаж, все заигрывающие улыбки благожелательности у него уже слетели с лица.

«Будь осторожен со своими новым знакомым, мой паладин», — услышал он в голове голос своего бога. — «Приглядиись к нему. Вотриись в доверие. Слушай и наблюдай».

По пустякам боги не обращаются к своим адептам.

Значит следует непременно прислушаться к божественному посланию.

Обведя взглядом грязные столики, на которых мирно посапывали местные крестьяне, паладин зацепился взглядом за фигуру своего Слуги.

Сбросив плащ, тот, нацепив зачем-то на голову шапелю, стоял напротив хозяина таверны, наведя на него арбалет.

Слуга (картинка взята в свободном доступе).

Сам же толстяк, явно не желающий, чтобы в его теле появились излишки отверстий, дерева и металла, сидел у своего прилавка, беззвучно молясь кому-то из Семерых.

Религия людей этого континента такая невзрачная, крошечная, глупая...

Всего семь богов!

Какая глупость.

Но, чужую религию Фратер предпочитал не оскорблять особо, прекрасно понимая, что как и его бог, Семеро вполне себе реальны.

А сталкивать меж собой божеств из-за поведения адепта одного из них — нет, это недостойно паладина.

Тем более, что бог виноделия сам сказал, что его новый знакомый из второй комнаты наверху, кое-кто особенный.

За которым требуется пригляд.

— Господин, — увидев его, замямлил хозяин таверны. — Прошу, не губите. Я и мои парни вам ничего не сделали.

— Мне — нет, — согласился Шовель. — А вот за разбавление пива и примеси в него всякой дряни, — он указал на спящих крестьян, — руки бы тебе отрубить и язык твой гнилой вырвать. Зачем пытался ограбить благородного тэрра наверху?

— Благородного? — в глазах хозяина появился испуг.

Но лишь на мгновение.

— Да какой он тэрр! — зашипел тот. — Говор не наш. Притащил какие-то эльфийские поделки, хотел меня на преступление толкнуть! Я еще поговору его понял, что не знает он наших порядков. Таверну мою трактиром назвал. Деньги эльфийские при себе. Я хотел разузнать, чай не контрабандист ли он, чтобы потом страже шепнуть коли чего.

— Ну да, ну да, — хмыкнул Фратер. — «Я говорил ей милые слова, но лишь для того, чтоб на сеновал пошла»...

Не то, чтобы песенка подходила к ситуации, но как в такой ситуации не напевать?

Хозяин таверны явно сам не из числа тех, кто чист душой перед богами и перед местными законами.

По совести — не Фратеру его укорять за что-то.

Бог виноделия защитил его от отравы, а вот на тэрра толстяк организовал нападение...

Или этот парень наверху с эльфийским барахлом, все же не благородный?

Паладин немало попутешествовал по Аурхейму и слышал говор разных народов.

Тот, кто представился как «Глеб» (вымышленное явно имя), говорит как северяне...

Ну, почти как они.

Резкий акцент, это да.

Но он владеет рабыней — причем эльфийкой.

А подобное позволяет лишь очень знатным аристократам в королевстве людей.

Не мэррам, низшим из знати.

Ни лэррам, аристократам средней руки.

А вот тэрры, да, достаточно знатны, богаты и влиятельны, чтобы иметь обслугу из числа представителей нечеловеческих рас.

На лорда, высшее представительство человеческой знати, паренек наверху не похож — слишком уж молод для подобного ранга.

Лорды — это аристократы, находящиеся на службе человеческого короля.

Хотя... Если он, например, младший сын какого-то лорда...

Да нет, глупости.

Он в таком случае все равно тэрр.

А если не тэрр?

Да нет, он явно владеет магией.

Божественная Чаша в его присутствии стала неестественно холодной — это показатель близости мага.

Размеров комнаты достаточно для того, чтобы Чаша сработала — в более просторной харчевне это не произошло из-за небольшого радиуса восприятия божественным артефактом.

Значит его новый знакомец явно маг.

А значит — по определению благородный.

У него есть рабыня — эльфийка.

Причем молодая, так как явно малоопытна.

Значит он явно относится к какому-то из родов тэрров.

И бог Фратера явно заинтересовался этим незнакомцем.

Паладин, погладив подбородок, отстраненно отметил, что с утра надо будет сбрить отрастающую щетину.

Он не любил, когда что-то напоминало ему о прошлом.

В том числе и растительность на лице.

— Давай-ка выброси отсюда этих пьяниц, — приказал он Слуге. — А я пока потолкую с нашим толстяком. Если благородный тэрр захочет его казнить за нападение, не хотелось бы упускать шанса узнать где у такого пройдохи, как этот, — он слегка пнул носком сапога жирную ногу торговца, — спрятано самое интересное и ценное.

— Сир, но у меня ничего нет...

— Про вино ты тоже так говорил, — улыбнулся Фратер, «ласково» потрепав того по жирной щеке. — «И ложь твоя дарует лишь страдания. А говорил бы правду — вина б познал вливания»...

Судя по тому как покривился хозяин таверны, он тоже не был в восторге от «умения» паладина петь.

Ну что ж, теперь он точно раскошелится.

После того как шаги «пижона» стихли и деревянная лестница перестала скрипеть, я посмотрел на все еще стоящую без движения Лаурель.

Девушка, словно словив ступор, смотрела на то место, где только что находился этот самый Паладин.

«Нам не страшен паладин,
Много нас, а он один...»

Песенка из моего родного мира была бы, что называется «в цвет», если б не одно «но». Нас ни разу не толпа.

А то, что имеется в наличии, уже вызывает вопросы.

— Ничего сказать не хочешь? — поинтересовался я.

Эльфийка, словно отмерев, посмотрела на меня тем же взглядом, что и тогда, при пробуждении в Великом лесу:

— Это был Паладин Бога Виноделия. Нам нужно уходить, — произнесла она так, словно это все объясняло.

— Для начала ты расскажешь мне причину, по которой ты замешкалась перед боем, — покачал головой я, складывая в вещмешок все наше «добро». — Уж очень хочется, прям невоготу, понять для чего ты схватила разом лук и кинжал. Неудобно же ни разу. Как ты вообще намеревалась стрелы брать из колчана, когда обе руки заняты оружием?

Продать его уже, похоже, не получится.

По крайней мере здесь и сейчас.

— Я... — девушка смутилась. — Я...

— Знала бы ты как мне сейчас хочется срифмовать в лучших традициях поэзии подворотен, — признался я, обернув рукоять клинка полами своего плаща. — Но не буду. А то ты опять раздеваться начнешь, контуженная.

Оружие, которым был убит второй амбал, легко пошло наружу их тела последнего.

Ну... не совсем легко

Получилось вытащить его лишь со второй попытки.

Рукоять из эльфийского дерева практически мгновенно пропитала ткань (непромокаемую вообще-то!) и рука соскользнула.

Пришлось вынимать за гарду.

— Я никогда прежде не сражалась в помещениях, — призналась девушка, убирая свои кинжалы в ножны. — Только в лесу пользовалась луком.

— Удобно сказано, — хмыкнул я. — Значит заклятье не совершенно. Хорошо, от прямого вопроса ты точно не уйдешь. Тебе прежде приходилось вообще стерлять из своего лука по живым существам?

— Да.

— Людей?

— Нет.

От неожиданности я, возвращая меч в ножны, вздрогнул.

Рукоять заскользила, клинок промахнулся и едва не вогнал кончик себе в руку, которой придерживал ножны.

— В кого ж ты стреляла, чудо длинноухое? — спросил я.

Красивы и печальны девичьи глаза эльфийки в свете луны магического мира, когда вопрос ставит ее в тупик.

— В нарушителей, — ответила она.

— И каких рас они были? — спросил я.

— Эльфы, — ответила Лаврик.

— Чудны дела в царстве остроухих, — хмыкнул я. — Так понимаю, рейнджеры у вас существуют не для того, чтобы стеречь границу от нарушений ее со стороны людей?

— Созданы были рейнджеры именно для этого, — возразила девушка. — Просто... С годами люди перестали пытаться к нам забраться...

— А среди вас появились те, кто начал таскаться к людям и приносить им контрабандные товары? — уточнил я.

— Да, — собственно, ответ мне и не требовался.

— Интересно получается, — я собрал наши нехитрые пожитки, обтирая их об одежду амбалов в тех местах, которые оказались залепаны кровью. — Значит люди для вас — грязные животные. Вы их ненавидите и все дела. Но при этом — они к вам не суются. А вот вы к ним — таскаете контрабанду. Да еще и отправляете разведчиков, раз знаете о том как все устроено в приграничных районах. Ну и кто после этого народ-мудила?

— Это сейчас так! — заспорила девушка. — В прошлом люди постоянно засылали к нам своих шпионов!

— Зачем?

— Не знаю, — призналась Лаврик, смущенно посмотрев в пол.

Ну прям нашкодившее дитя.

— Ты хоть одного видела? Ну, хотя бы издали?

— Нет.

Не ответ, а бурчание.

— Знаешь кого-нибудь, кто видел человеческого шпиона?

— Нет.

Та же интонация обиженного ребенка.

Ох чую я жестоко прогадал...

— Тебе сказали про шпионов из числа людей старшие эльфы?

— Да.

— И ты поверила им на слово?

— Да.

— Ты дура?

— Да.

— Я и не сомневался.

Девушка, подняв на меня полные обиды глаза, поджала губы.

— Не обижайся, — посоветовал я. — На правду — не стоит. Да и к тому же дурам всегда везет по жизни.

— Что-то не верится, — проворчала Лаврик. — Я ведь стала твоей рабыней.

— А могла сдохнуть там в лесу, — пожал плечами я. — И разбросало бы твои кишочки по всем веткам... Будь оптимисткой, Лаврик. Тебе реально повезло. Мне нужен был провожатый и источник информации. И ты осталась в живых. Мне нужен был телохранитель — и я тебя не добил. А в сухом остатке я имею лишь эльфийку-малолетку, которая ни слова не знает на человеческом, никогда раньше не убивала людей...

Я прервал свои словесные излияния.

А все потому, что девушка протягивала мне рукоятями вперед парочку эльфийских кинжалов.

— Маловероятно, что ты хочешь посмотреть на то, как они выскользывают у меня из рук, — задумчиво произнес я.

В потемках сложно было разглядеть что-то кроме серебристого металла...

Мифрил, да?

— У них рукоятки не из деревьев Великого Леса, — пояснила Лаврик. — Тот человек, — она кивнула в сторону смежной комнаты, — орудовал ими легко и непринужденно. А еще он был усилен магией.

— Да что ты говоришь. — тихонько присвистнул я, отправляясь в смежную комнату.

Быстрый осмотр тела нападающего показал лишь то, что это был обычный себе худощавый, но в то же время явно жилистый малый с ничем не примечательным лицом.

Такого в толпе встретишь и не запомнишь...

«Где-то читал, что именно таких берут на родине в спецслужбы», — подумал я.

И тут же поправил себя: «Брали».

Ох, зря я об этом подумал.

Потому что появился еще один вопросец.

«Может ли и этот парень быть кем-то вроде наших «рыцарей плаща и кинжала»?

Крайне плохо, если да.

И что-то мне подсказывает, что обычные крестьяне не носят такое оружие и не укрепляют свои тела магическими эликсирами.

Плохо.

Возможно, что даже очень плохо.

Да ладно, чего уж там.

Скорее всего мы в полной заднице.

Слишком много проблем для одного «поесть и переночевать»

Кстати о проблемах.

— Что ты говорила о нашем новом знакомом в модных трико, обтягивающих мужскую силу настолько, что галантность так и прет? — поинтересовался я, выходя из комнаты для нужд страждущих сбросить груз ответственности.

Ничего серьезного у этого паренька — лишь на трупе слабенькие следы магии, характерные для различных усиливающих зелий.

Впрочем, это для моего прошлого мира зелья для усиления тела — это «моветон».

А здесь вполне себе серьезный товар.

Для серьезных людей.

Очень хотелось потолковать с местным трактирщиком.

Но он теперь не один, а в компании нашего нового знакомого с божком в заднице.

И парнем на подтанцовке.

Ситуация: «Дерьмовей некуда».

Но, пока есть возможность — хотя бы узнаю насколько все «не хорошо».

Девушка смотрела на меня с подозрением.

— Ты не знаешь кто такие Паладины Бога Виноделия? — уточнила она таким тоном, будто спрашивала очевидные вещи.

— Подруга, а ты знаешь кто такой Вова Жирдяй? — поинтересовался я тем же тоном.

— Нет.

— А надо бы. Будь здесь он вместе со мной — однозначно бы жахнули по вашему Великому Лесу.

Безусловно это полнейшая дичь.

Но делать из меня идиота своей рабыне я не позволю.

— Бог Виноделия... — начала она.

— Погодь, торопыга, — прервал я, решив попытать удачу. — Имя у этого бога имеется?

— Это религия с другого континента, — поморщила носик лучница. — И мне она не интересна. Имени его я не знаю. Но по слухам, его паладины как-то, лет триста назад, рассказывали байку, якобы их бог настолько древний, настолько могущественный и настолько любит свое ремесло, что после одной из попок забыл собственное имя.

— Ага, — с каменным лицом выдал я. — Продолжай, не останавливайся.

Не забыл он ничего.

Но сказку для средневековой толпы придумал интересную.

«Забыл имя».

Бог.

Расскажи кому — обоссутся от смеха.

Нет, этот индивид довольно хитер.

Или труслив.

Имя магического существа — будь то демон или даже целый бог любого пошиба — это ключ к обращению к нему.

Зная имя и соответствующий ритуал, можно призвать...

Нет, не самого засранца, а его аватар — вместилище некой части силы и сознания, способной существовать в реальности.

А этот бог алкоголиков и одиноких дамочек явно не жаждет откликаться на зов своей паствы.

Попахивает мудачеством.

Большим таким.

Божественным мудачеством.

Хотя, чему я удивляюсь?

Кем бы они ни был, ему хренилиард лет в обед.

И божественные шарики давно уже за ролики заскочили.

— Паладины Бога Виноделия прибывают сюда, в Аурхейм из-за Штормового моря, чтобы обратить в свою веру как можно больше существ, — сказала Лаврик. — Они все как один — сумасшедшие.

— И в чем это проявляется?

— Порой они казнят торговцев вином, которые разбавляют свой товар водой, — неуверенно сказала лучница.

Да, об этом ей явно рассказывали такие источники, в достоверности которых она уже и сама сомневается.

— Для нас он чем опасен? — спросил я.

— Эм... — девушка хлопала глазами. — А ты... разве не знаешь?

Хотелось смеяться и рыдать.

— Ты ж мой якорь при купании в открытом море, — обреченно улыбнулся я. — Нет, не знаю.

— Бог Виноделия, как и другие боги, сражались вместе с людьми, эльфами и гномами против демонов и их прислужников, — почему-то шепотом поведала она. — Ну... то есть против Практиков тоже воевали.

Да ты ж сука...

Нет, не эта дура в зеленых шмотках.

А ситуация в целом.

Легкая прогулка, да?

«За ништяками и обратно, а потом мы ка-а-а-а-к дадим остроухим по заднице!»

Да тут похоже только камни зуб не точат на мою братию.

И то, не удивлюсь, если выползет какой-нибудь Бог камнетесов и захочет закатать меня под брусчатку.

Сука-сука-сука...

Идея общаться с этим «пижоном» перестает казаться хорошей с каждой секундой.

Великолепная вылазка.

Поспали, покушали...

А в итоге — прикончили кого-то явно из местных «кунг-фу-панда» с переделанными явно на заказ эльфийскими клинками.

Поссорились с местным трактирщиком.

Познакомились с паладином, орудующим мечом как заправский вояка.

А в довесок этот «пижон» служит божку, который в прошлом (и относительно недавнем по божественным меркам) выступал за противоположную «команду» в этом мире.

Чует мое демоничество, что если я выживу, да еще и вернусь с той самой «уберваффе» за которой был послан, то все зубы пересчитаю автору этой затеи.

Хотя...

Ладно уж, чего льстить себе.

Он мной просто пол вытрет.

Это местные эльфы, увидев пару домашних заготовок с использованием демонического колдовства, готовы тебя записать во вселенское зло и всемогущего Практика.

А на деле же я всего лишь личинка в начале своего обучения.

Которой еще учиться и учиться до уровня тех, кого местные боятся до усрачки...

— А что такое «право мести»? — спросил я.

— Древний варварский обычай, который позволяет тому, кто был несправедливо обижен, потребовать компенсации от обидчика, — своими лицевыми кривляньями Лаврик продемонстрировала что она думает об этих традициях. — благородные эльфы давно оставили его в прошлом. Но люди им до сих пор пользуются. Пережиток тех времен, когда народы жили в страхе и невежестве...

В голове словно щелкнуло.

— А вот с этого места поподробнее, — хмыкнул я, забирая у эльфийки кинжалы убитого мастера ножей и рассматривая грубоватые рукояти.

— Господин, может вы и не увидели, но я-то со свечой был, — доносился до лестницы голос трактирщика. — Присмотритесь! Он точно не наш! И дело даже не в том какой у него говор — грубый, может быть и северный, а может и вообще не с нашего континента...

— Мне начинает наскучивать твой бубнеж, хозяин, — послышался звук наливаемой в кружку жидкости. — Пусть он хоть от дроу на драконе прилетел — мне все равно. Ни один

закон — человеческий или божественный — не позволяет хозяину таверны нападать на своих постояльцев. Законы гостеприимства святы. Какими бы ни были условия.

— Может быть у вас, на землях за Штормовым морем, и принято чужеземцев встречать с распростертыми объятьями, но не у нас! — горячился хозяин трактира. — Господин, ну я же прав! Он же совсем не наш, не из наших мест! Посмотрите на одежды, в которые он одет!? Да он трактир с таверной пугает! Он точно шпион! Может быть головорез с Дальних Земель! А может вообще откуда-нибудь дикарь из дальних-дальних земель, о которых только легенды и ходят...

— Не вижу большой разницы, — хмыкнул «пижон». — Благородный тэрр может делать все, что ему заблагорассудится. Носить дорогие ткани необычного кроя, самого лучшего качества, какой только может найти...

— Да какой тэрр побрезгует родовым знаком? А драгоценности? А украшения? Один старый перстень? И только-то? Да это же смешно! Откуда у него эльфийские деньги? Он даже ценности их не знает! Я взял у него платиновую монету за ночлег. А он даже не понял, что мог обойтись серебрушкой за неделю постоя! — возмутился трактирщик. — Какой благородный муж может быть настолько необразован, что даже примерно не знает цен на подобное! Да я более чем уверен, что он или эльфийский шпион, или пришел далеко с севера, из Гиблых Земель!

Ах нет, он же не трактиром владеет, а таверной...

И кто он теперь тогда?

Хозяин таверны?

Тавернщик?

Как его называть?

Нет, то что он скотина — это и так понятно.

Очень любопытный разговор. Очень интересный и содержательный.

Не зря решил подслушать на лестнице.

— Не тебе указывать как себя должны вести благородные мужи, откуда бы родом они ни были, — с угрозой в голосе произнес паладин Бога Виноделия. — Из Гиблых Земель говоришь? Хочешь сказать, что гарнизоны на Севере настолько глупы, что могли кого-то оттуда проворонить? И никто не проследовал за ним аж до Востока? Вздор который даже ты понимаешь. Со стороны эльфов... Ну, судя по всему, ты имеешь с ними дела. Но он явно не эльф. А насчет тканей... За Штормовым Морем такие меха, такие великолепия, которые тебе и не снились. Купить можно в любом крупном порту. Но тебе это не ведомо, потому что твой удел — жить и умереть в навозных кучах за твой подлый характер. Тебе заплатили за то, чтобы ты накормил господина, напоил и дал ночлег. А ты, собака безродная, решил еще и напасть?! Ограбить?! У него есть право мести. И я уверен, что уже с первыми лучами рассвета твой труп будет болтаться на веревке прямиком у ворот твоей второсортной забегаловки.

— Господин, — умоляющим тоном обратился к «паладину» хозяин таверны. — Позвольте мне послать гонца в замок! Нам щедро заплатят за поимку лазутчика. Я хотел сам взять его со своими парнями...

Послышался звук удара.

— Пес ты безродный, — лениво произнес паладин. — «Участь твоя — твякать и хвостом вилять». Не схватить ты его хотел, а думал, что он из числа эльфов и тебе принес товары из Великого Леса. Так что сиди и жди пока благородный тэрр не решит твою участь.

— Он не тэрр!

— И что с того? — судя по голосу паладин явно начал скучать. — Даже если я ошибся, и он не тэрр, который скрывает свой статус...

— Зачем тэррам скрывать свое благородство?

— Тебе этого, пес безродный, не понять, — отрезал «пижон». — Мне не важно — тэрр он или не тэрр на самом деле. Я стал свидетелем несправедливости. Нападения на того, кому ты сам предоставил кров, а намеревался отравить. Твои сказки мне не интересны. Я и без того понимаю что к чему. Молись, чтобы он тебя казнить захотел. Потому что за испорченное твоими дурманящими травами вино лично я бы с тебя шкуру спустил и на кишках повестил!

Явно ненормальный.

Еще минут пять я выждал, прислушиваясь к голосам, доносящимся из харчевни, после чего махнул рукой Лаврику.

Эльфийка захохотала дверью, которую нам едва ли удалось бесшумно открыть с полчаса назад.

После чего, набросив ей на голову капюшон, я спустился по лестнице.

Лучница следовала за мной, стараясь сильно не афишировать свою внешность.

Внизу, устроившись за одним из столов, сидел наш недавний знакомый в красных одеждах, поглаживая цепочку с артефактом, на которых он клялся.

На полу, прислонившись спиной к своему прилавку-конторке, сидел трактирщик.

У дверей на стуле расположился обряженный с головы до ног в доспехи компаньон «пижона».

На коленях у него покоился заряженный арбалет, направленный в сторону толстяка.

Других посетителей здесь не наблюдалось.

Что хорошо.

Паладин, не вставая с места, отвесил что-то вроде полупоклона с кивком головы, с интересом смотря на меня и Лаврика.

Толстяк, явно злой, покраснел, надул щеки и сжал губы.

Демонстративно отвернувшись, он что-то забормотал.

За что и получил по роже.

— Да как ты...! — вскинулся хозяин сего гостеприимного заведения.

Еще раз по роже.

На этот раз он уже попытался подняться.

Лаврик без лишних разговоров поднесла к его голу клинок, прозрачно намекая на то, что лучше бы успокоиться.

— Итак, — я взял грубо сколоченный табурет у ближайшего столика и сел напротив толстяка. — Ты пытался меня убить. Я воспользуюсь правом мести.

Засранец ощерился.

— Скоро здесь будет охрана из замка!

— Не будет, — вяло произнес «пижон». — Ты никого не звал, наглый пес.

— Конечно не звал, — подслушанное, а так же логика, позволяли мне оперировать фактами. — Ты же думал, будто я эльфийский контрабандист. А когда понял свою промашку — позвал своих амбалов. Все трое, как ты, думаю, уже понимаешь, мертвы. Даже, — я продемонстрировал ему пару новых кинжалов, — обладатель этих чудных ножичков. Рукояти которых, между прочим, переделаны. А ты отчего-то возмутился, не захотел иметь

дело с эльфийскими клинками и элементами доспехов...

— В принципе, я его понимаю, — снова влез Паладин. — Местный кузнец точно не справится с такой работой. А везти подобные вещи в ближайший город в кузнечный цех, искать того, кто все сделает, но будет держать язык за зубами... Подобное не уровня местной деревни и ее жителей.

Я посмотрел на «пижона», взглядом выражая все, что думаю о его непрошенном комментарии.

Да, информация всегда ценна.

Но я хотел бы слышать оправдания от этого гаденыша.

Но сказанное запомнил.

Впрочем, надо было догадаться самому.

Раз эльфийские товары ценятся высоко, то и среди людских мастеров не каждый может с ними работать.

Уж точно не в захолустной деревне.

Но есть проблема.

— У третьего душегуба при себе было это, — я продемонстрировал Паладину один из трофейных ножей.

Издали, конечно.

Но увиденное его явно заинтересовало.

Он поднялся, подошел ко мне.

— Разрешите поглядеть поближе? — поинтересовался он, указав пальцем в сторону демонстрируемого ему кинжала.

— Конечно, — я взял оружие за кончик клинка и передал ему рукояткой вперед.

Паладин осторожно, словно величайшую драгоценность, принял кинжал, принялся рассматривать его со всех сторон.

— Кто был обладателем этих кинжалов? — спросил я у толстяка, махая перед ним вторым переделанным клинком.

— Так их еще и два? — охнул Паладин.

Я кивнул.

— Разрешите второй? — спросил он, протягивая руку.

А вот тут я уже начал напрягаться.

Что явно заметно со стороны.

— Хочу осмотреть рукояти, — пояснил тот. — Даже если мастер не поставил своего клейма, то по виду работы можно сделать определенные выводы.

Звучит разумно.

Пусть этот парень — слуга бога, который вроде бы для меня недружелюбен, но, был бы у него приказ избавиться от меня...

Думается мне, уже б была заварушка.

Навряд ли ему нужно выманить у меня ножи, а потом убивать.

Уверен, что его бы не смутило ничего подобного в моих руках.

Он был свидетелем — хотя бы от части — насколько неумело я прикончил одного амбала.

А значит прекрасно понимает, что я ему не ровня.

У его слуги арбалет, причем уже взведенный...

Хотели бы схватить — сделали бы это сразу.

Наверное.

Посмотрим к чему это приведет.

— Конечно, — я передал и второй клинок.

«Пижон» вернулся за стол и принялся их разглядывать с тем же усердием, что и охотничья собака берет след зверя.

— Так кто был твой третий друг? — спросил я. — Переделанные эльфийские клинки. Зелье для усиления крепости кожи...

— Даже так? — «пижон» начинает меня раздражать. — Пес, да ты сильно влип, как я посмотрю.

Хотелось бы еще знать почему...

— Ничего не знаю, — фыркнул тот. — У меня нет никаких людей, которые пользуются подобными вещами! Я чту закон!

— Ну да, ну да, — хмыкнул я.

— Тоже не поверю в подобное, — поддакнул Паладин. — Но дело приобретает весьма интересный оборот.

Я повернул голову. Посмотрев на «пижона».

— Эти клинки, — он подошел и вернул мне оружие, — были переделаны профессиональным кузнецом. Не тем неумехой, который второй день мне коня не может перековать, а хорошим и умелым мастером. Который, — он указал на основание каждой из рукоятей, где имелись хорошо заметные срезы на полированном дереве, — не постеснялся нанести свои клейма. Что говорит о большом профессионализме этого мастера...

Паладин замолчал, выразительно посмотрев на меня, словно ожидал, что я продолжу его фразу.

Недосказанное лежало на поверхности.

— А так же о том, что он не боится продемонстрировать свое отношение к эльфийским клинкам, — подхватил я.

— Вопреки расхожему заблуждению, эльфийское оружие не самая большая редкость в Королевстве людей, — произнес Паладин. — Оно есть не только у приближенных Короля, но и у многих богатых и влиятельных тэрров. Однако, по большей части это оружие, доставшееся людям из глубин веков. Его очень сложно переделать — ведь эльфы применяют магию при его создании. Еще сложнее — раскрыть секрет правильного подбора материала для рукояти. Эльфы своими секретами не делятся...

Он выразительно посмотрел на Лаврика.

— Так или иначе, но простой головорез не может себе позволить приобрести такое оружие законным способом, — подытожил Паладин. — Даже если это контрабанда, то еще нужно найти мастера. Который возьмет огромные деньги за переделку....

Огромные деньги за смену рукояти?

Это шутка какая-то?

Хотя...

Если в клинках в самом деле заключена магия при создании (которой я не чувствую вообще-то), тогда да, наверняка будут проблемы...

Но, что-то мне подсказывает, что не все так односложно с эльфийскими клинками.

Как я уже подмечал — почти все они похожи друг на друга, словно их выплавили по одним лекалам.

Ну или распечатали на одном принтере.

Изменения в тех клинках, которые видел я — минимальны.

Словно промышленное производство.

Думается мне, если каждый клинок куется профессиональным мастером, который зарабатывает этим на жизнь и имеет огромный опыт, то он не будет тратить время на изготовление однотипных мечей.

Косвенно это подтверждается тем, что меч, который я взял с места убийства эльфийской принцессы все же отличается от тех, которые были у рейнджеров.

Возможно я просто узко мыслю.

И оружие, о котором образно говорит Фратель просто не «типовое», как то, что было у рейнджеров.

Ну нет в последних магии!

Вообще!

Я допускаю, что сработало правило «живого артефакта»: пока жив создатель артефакта, магия в нем остается и пополняется за счет внутренних резервов «автора произведения».

После смерти магия несомненно рассеивается.

Такие артефакты намного проще делать, чем тот, который болтается на шее у Паладина.

Но это бессмысленно, когда создаешь оружие-артефакт.

Потому что «живым артефактом» может пользоваться только его создатель.

Не думаю, что каждый эльф — и чтец, и жнец, и кузнец, да еще и в патрулирование ходит.

Скорее всего зачарованные клинки и доспехи — это оружие для эльфийской элиты, вроде охраны принцессы.

А вот такие «штамповки» без магии — для простых смертных-бессмертных рейнджеров.

Но делиться своими соображениями я с Паладином не буду.

— Но и это еще не все, — продолжил последний. — Магические зелья — тоже штука довольно дорогая. И приобретают их лишь для войск аристократов, для личной охраны...

— Итак, — я посмотрел на хозяина таверны с нескрываемым интересом, — дело в самом деле интересное, жирдяй. Ты явно связан с эльфийскими контрабандистами. На тебя работает тот, у кого есть укрепляющие зелья и эльфийские клинки. И ты точно знаешь о том, что есть возможность переделать это оружие для использования людьми... Но ты ждал явно большего. И, когда понял, что я не тот, кто тебе нужен, решил нас убить. Поправь если я где-то ошибся.

Честно говоря можно было просто уйти и забыть о ситуации.

Но вот упоминание о том, кто может пользоваться магическими зельями в этих краях, меняет ситуацию в корне.

Потому что на горизонте забрезжили очень большие проблемы.

И если есть возможность разузнать о том, насколько сильно все ухудшилось, то лучше сделать это здесь и сейчас.

Толстяк посмотрел на меня с насмешкой и надменностью.

— Ничего я вам не скажу, — он плюнул на пол, но явно метил мне на сапоги. — Со шпионами не веду дел.

— Предлагаю его повесить, — поскучевшим голосом предложил Паладин. — А потом пойдем отдыхать. Поздний час уже. Утром я подтверждаю у старосты ваше право мести, да и дело с концом.

Толстяк явно занервничал после этих слов.

Да, решение Паладин предложил простое.

Оно-то понятно, ему наплевать на последствия.

У него есть малый в доспехах и с арбалетом.

И сам он с мечами орудует будь здоров.

А я вот впросак попал.

У меня нет денег местных, нет одежды, нет даже способа передвижения кроме своих двоих.

И «охранник» у меня не так чтобы профессионал.

А здесь еще и в явно нехорошую историю ввязался.

Можно плюнуть и уйти.

Можно взять и повесить.

Но, думается мне, что те, кто связан с этим толстяком, явно захотят расквитаться с тем, кто потребовал его повесить.

Как минимум захотят разобраться в чем дело.

Я бы хотел.

— Тебе не везет, пес, что я сегодня в плохом расположении духа, — если Паладину можно его так называть, то кто мне запретит? — Ты захотел меня убить и ограбить. Я в своем праве мести. Как ты уже слышал — Паладин подтвердит это. И вздернуть тебя мы можем запросто.

— У вас будут большие проблемы после этого, — пытался не унывать хозяин трактира.

— Да наплевать, — с показным равнодушием произнес я. — К тому времени как твои дружки выйдут на мой след я буду уже очень далеко.

— Не дальше Востока, — хмыкнул торгаш. — И вас здесь достанут. Облавами пройдут, но найдут.

От меня не ускользнуло то, насколько заинтересовала эти слова Паладина.

Да и мне, признаюсь, они тоже интересны.

Ведь, по сути, хозяин таверны сообщил, что его «друзья» настолько влиятельны, что могут перевернуть ближайшие районы.

Масштабы я себе пока что слабо представляю, но все же думаю, что это явно колоссальный уровень.

Точно не местная банда.

— А мы и с ними побеседуем, — пообещал я. — Так же, как с теми тремя твоими дружками. Но ты-то этого уже не увидишь.

Толстяк побледнел.

— Просто убирайтесь и я обо всем забуду, — интересное предложение, произнесенное дрогнувшим голосом.

Принимать его я, естественно, не буду.

— У меня идея получше, — на мое лицо напозла улыбка. — Ты отдашь мне все, что у тебя есть. И останешься в живых.

Честно говоря не знаю чего я ожидал от Паладина Бога Виноделия.

Наверное, умения пить и не пьянеть.

Или жонглировать маринованными огурчиками.

Или чують запах выпивки за сотню километров.

Или вызывать процесс брожения содержимого желудка.

На худой конец — превращать уксус в вино.

Но не это.

Совсем не это.

Едва я сказал о том, что заберу у хозяина таверны все, Паладин с абсолютным безразличием скомандовал своему слуге запереть дверь.

Массивный деревянный засов встал в пазы и заблокировал доступ на первый этаж через единственный вход.

После этого, «пижон», как ни в чем ни бывало, прошествовал за прилавок-конторку и принялся копать за ней.

Вытащив несколько кувшинов, запечатанных, как и тот, который толстяк передал мне перед всем, что недавно произошло, Паладин принялся... искать тайники.

Смотрю я на то, с какой ловкостью, можно даже сказать, профессионализмом, этот парень простукивает поверхности, и задаюсь вопросом: «А он точно ревнитель веры?».

Больше похоже на то, что какой-то изрядно помотанный жизнью товарищ решил податься в религию, чтобы уйти от последствий своей прошлой жизни.

Нет, нельзя исключить и того факта, что он просто достаточно компетентен в различных вопросах.

Но...

Нет, серьезно.

Какого хрена он творит?

Кто-то просил его это делать?

Нет.

Никто.

Совершенно никто.

Но он буквально из кожи лезет вон, чтобы помочь, хоть я и не говорил, что вообще в чем-то нуждаюсь.

Его справка по оружию весьма ценна, не скрою.

Появляется вероятность того, что можно будет «скинуть» эльфийское барахло и хорошенько подзаработать.

Раз есть кузнец, который занимается переделкой оружия, то он наверняка ищет эльфийский металл.

Запросто можно будет отдать ему все ненужное по сходной цене.

Потому как мне столько мечей-кинжалов не нужно, а вот обменять их на твердую валюту, чтобы больше не иметь проблем с наличностью — почему бы и нет?

Да, это всего лишь черновая мысль.

К тому же — сопряженная с опасностью.

— У меня ничего нет! — тихонько взвизгнул толстяк, но был проигнорирован каждым

присутствующим в харчевне.

Фратер продолжал простукивания, то и дело вгоняя свой кинжал в щели на стенах.

Видно думал найти тайники.

Но чем дальше продолжался импровизированный обыск, тем больше я приходил к выводу, что кроме запасов с кухни — и притом не малых — на мою долю ничего не перепадет.

Нет, еда в дорогу, это, конечно, всегда хорошо.

Но, нет, серьезно?!

Никакого тайника с ценностями?

Ни за что не поверю.

Тот, кто связан с контрабандистами, должен иметь нычку для того, чтобы складывать туда добытое.

И наличность или иной вид материального чтобы рассчитаться с эльфийскими прохвостами.

Но, пока что у нас ничего.

Паладин и его слуга обчистили кухню, вывалив ее содержимое на прилавок, после чего перешли к изучению подсобных помещений, проход в которые имелся из кухни.

Судя по громыханию, там нет ничего интересного, кроме утвари.

Я же наблюдал за реакцией толстяка.

Тот был спокоен и даже невозмутим.

Нет, у него явно есть что-то ценное.

Но он не волнуется, что мои непрошенные помощники это обнаружат.

С чего бы?

Чуйка говорила, что я прав — у него должен быть схрон.

Ну не будет он «запрещенку» хранить где-нибудь на открытом и легко доступном месте.

— Предлагаю сделку, — произнес я. — Ты покажешь что у тебя есть. Я заберу то, что меня интересует, остальное оставлю тебе. И отдам эльфийское оружие. Отдашь его тому умельцу, который правил эльфийские ножи.

Я кивнул в сторону обоих кинжалов, лежащих на столе рядом.

— Катись в преисподнюю, — фыркнул толстяк. — У меня ничего нет. А за то, что вы делаете, утром вас всех выпотрошат на скотном дворе.

Лаврик посмотрела на меня.

Да, слов она не поняла, но уловила враждебность интонации.

Девушка схватила человека за волосы, благо их длина позволяла и, после моего утвердительного кивка, с силой приложила того затылком о дерево конторки.

С глухим ударом и руганью голова толстяка вернулась в исходное положение, подпираемая лезвием эльфийского кинжала.

— Я даже соль дам, чтобы вам насыпали ее на раны, когда свежевать будут, — прошипел толстяк.

— Право мести, — напомнил я. — Паладин подтвердит...

Толстяк тихонько и противно захихикал.

— Ну да, ну да, — хмыкнул он. — И кому же поверят? Мне или вам? Вы — чужаки. А я — уважаемый житель деревни. Все местные мужики пьют у меня. Стоит только свистнуть — и тут же прибегут с десятков крепких парней, которые вам все кости переломают.

— Те самые, которых Паладин и его слуга выбросили из твоей харчевни? — уточнил я.

— И еще несколько, — он расплылся в нагловатой улыбке. — У старосты сегодня на празднике еще несколько мужиков из соседних деревень...

М-м-м...

Теперь понятно на какой домик мы натолкнулись, когда перелезли через частокол.

— Значит договариваться не хочешь, — заключил я.

— Пошел ты, — он даже хрюкнул от удовольствия. — С нетерпением жду, когда вас схватят и приедут мои знакомые из замка. Ух они повеселятся...

— Или мы, — улыбнулся я. — Знаешь такое выражение: «Болтун — находка для шпиона»?

— Меня не интересуют ваши варварские изречения, — презрительно хмыкнул торговец.

— А напрасно, — вздохнул я. — Видишь ли, друг мой, в чем дело. Мне ведь не обязательно доводить дело до старосты. Тихонько прикончим тебя и уберемся отсюда...

— Далеко без коней не уйдете.

— С чего ты взял, что у нас нет лошадей? — спросил я.

— Хых, — глуповато хохотнул толстяк. — Какой же уважающий себя аристократ будет путешествовать пешком? И тем более на лошади? А были бы они у вас, то стояли бы в моей конюшне вместе с конями этого, — он мотнул головой в сторону подсобок. — Ох, вы даже не знаете в какую историю вляпались, грязные собаки безродные.

Похоже в этой местности (как минимум) небогатый лексикон ругательств.

Ну, ничего.

Просто меня тут не так хорошо знают.

Я их языковую культуру обогащу до предела.

Что ж... запоздало я вспомнил, что «лошадь» — это вообще-то самка коня и на кобылицах вроде бы не катаются.

Не по чину вроде как.

По крайней мере любые упоминания представителей «лошадиных» в прочитанной мной в прошлом литературе указывали именно на употребление в речи именно «коня», а не «лошади».

Ладно...

Не приспособленный я для средневековья, чего уж тут.

Надо бы следить за речью.

— Ну, в таком случае, пора тебя кончать, пухлящ, — заключил я. — Выкупить свою жизнь ты не можешь. Продукты, — я кивнул в сторону запасов с кухни, — мои претензии к тебе не покрывают, только моральный ущерб...

— Какой ущерб? — спросил толстяк.

По моему кивку Лаврик еще раз приложила толстяка об деревяху.

— А эту суку, — он посмотрел на эльфийку, — мы всей деревней поймеем как только придумаем.

— Сомневаюсь, что у вас хватит воображения на что-то, кроме «женщина снизу» или «по-собачьи», — зевнул я.

— Чего? — косо посмотрел на меня толстяк. — Это как?

— Долго рассказывать, — признался я. — А на пальцах объяснять вообще стыдно. Но, если хочешь, она тебе покажет.

— Хы, — умом он явно не блещет.

Того и гляди, смотрит на Лаврика так, как будто сейчас слюни пускать начнет.

Идиотская ситуация.

Мы его вообще-то грабим или что-то подобное, а он думает как бы поиметь эльфийку...

— Хочу, — вдруг брякнул он, посмотрев на меня. — Отдай мне девку и я забуду обо всех проблемах, которые ты мне доставил. Вали куда хочешь. И харчи можешь с собой взять.

— Заманчивое предложение, — снова зевнул я. Спать-то как хочется. — У тебя швабра есть?

— Чегось?

— Хреновина, на которую тряпку наматывают и полы моют, — пояснил я. — Ты ж хотел узнать подробности как и что. Вот она, — я кивнул на Лаврика, — тебе и покажет. С помощью швабры.

— Так руками же моются... — сощурился толстяк. — Ты точно не местный. Какой же идиот тебя послал сюда шпионить?

Н-да...

Шутейку «категории Б» про швабру и «по-собачьи», которые ему продемонстрирует эльфийка, он явно не понял.

И, наверное, дело-то не в том, что он тупой.

Это я слишком многого хочу от соображалки людей, которые задницы подтирают пучками сена.

— Ну... — протянул я. — Знаешь, вам лучше не встречаться.

— Хы, конечно. Я и мои парни его быстренько обчистим.

— Скорее он сожрет ваши души, а тела выпотрошит и превратит в куклы, которые надеваются на руку, — сообщил я.

— Ась? — окосел толстяк. — Как это?

Можно выложить все как есть.

А с другой стороны — зачем метать бисер перед свиньей?

— Один очень могучий и древний некромант, — ох, я надеюсь, что он этого не слышит.

Потому что в противном случае, выскабливать внутренности, перед тем как сделать куклу «с рукой в жопе», будут уже меня.

Даром что «такие как ты — большая редкость, Глеб».

Не понимает шеф шуток.

Ну, кроме тех, которые его собственного авторства.

Что поделать — контужен на войне.

Хоть и война давно была, а по факту...

— Не-не-не-не, — замотал жирными щеками хозяин таверны. — Врешь! Не бывает их!

— А ты пальчиком ткни где у вас тут местное кладбище, — «ласково» улыбнулся я. — Мигом встретишься со своими дохлыми родичами. Знаешь, вот говорят, что у поднятых скелетов нет ни мозгов, ни души и это правда. Но, как-то эти твари все же узнают свою «кровиночку». Уж не знаю почему, но с живыми родственниками мертвые разделяются донельзя эффективно. С огоньком, так сказать.

— Ересь! — залепетал толстяк, схватившись за что-то за шее.

Толстые пальцы вытащили из-под рубахи тонкую бечевку, на которой виднелся отнюдь не простенький амулет.

Семиконечная звезда.

Как пить дать — символ еще одной религии.

Да что ж такое-то...

— Семеро, защитите меня, раба вашего, — залепетал толстяк. — Огородите от демонов и злых чар...

И...

Нет, я уже был готов к тому, что еще один или несколько местных божков ответят на призыв, но...

— Срать хотели на тебя твои боги, — облегченно вздохнул я, поймав, что колебаний магии нет.

Эта звезда — не артефакт.

Впрочем, боги имеют обыкновение отвечать своим последователям.

Если они того достойны.

— Видать не очень-то ты и верный последователь, — протянув руку, я сорвал медальон с его шеи.

Мало ли чего.

Толстяк поежился, после чего начал юлозить на месте, где сидел.

— П-просто собирайтесь и уходите, — предложил он, когда увидел, что Паладин и его слуга вернулись ни с чем.

Нет, они принесли с собой самое ценное, что нашли.

Помимо тех монет, которые я отдал хозяину заведения, нашлось еще немного наличности: десяток медных монет, да пара серебряных.

Последние — те, что Паладин заплатил за себя и своего слугу пару дней назад, когда добрался сюда.

По крайней мере — так он сказал.

Учитывая, что хозяин ничего не возразил, будем думать, что «пижон» говорит правду.

Медяки, так понимаю, самый распространенный вид денег, обладающий наименьшей покупательской способностью.

Их достоинства я пока что не знаю, но, думаю, выясню со временем.

Однако это еще не все.

Кое-что было сочтено ценным по результатам обыска.

Но на кой хрен мне несколько котелков и каких-то тазов?

Хотя нет, один котелок точно заберу.

Водичку вскипятить, похлебку сварить.

Не уверен, что в дороге каждые километров двадцать-тридцать стоят постоянные дворы.

А если и так, то там нас в случае чего легко застать врасплох.

— Похоже, так и придется поступить, — угрюмо произнес Паладин. — Здесь нет ничего. Поверьте на слово — я мастер искать секреты.

— Серьезная заявка на победу, — оценил я его речи и кивнул в сторону толстяка. — Давно он там сидит?

— Да как спустился сверху мы его сразу в оборот и взяли, — пояснил Паладин.

— Сами посадили его сюда? — спросил я.

— Ну... Да, — как-то неуверенно-непонимающе ответил мне «пижон». — Я сказаал ему сидеть тут...

— Милорд, — тихо произнес Слуга, — он переполз сюда, когда вы пошли наверх. До этого он сидел метром левее.

— Ты приказал? — спросил Паладин, но я ответа уже не слышал.

Посмотрев на толстяка, который прекратил изображать из себя богобоязненного

крестьянина (ну, конечно вся эта трясушка просто игра, чтобы выпроводить нас), я снова улыбнулся ему в лицо.

— Вставай, свининка, будем твой подпол вскрывать.

— Признаю, — невольно вырвалось у «пижона», — не такой уж я мастер поиска тайников, раз проглядел это...

Я лишь молча пожал плечами, рассматривая наполнение полок в подполе харчевни.

Метра два в высоту и не меньше пяти — в длину.

Вдоль стен — крепкие деревянные стеллажи, на которых стоят различные банки-склянки, поблескивают металлические предметы.

Практически все завалено какими-то мешками, тряпками, но даже на вид — большая часть этого местечка пуста.

Судя по всему, некогда это было хранилищем припасов, потому как холод здесь немаленький.

Но, что странно — никакой влажности.

Довольно сухо, нигде нет потеков воды на стенах.

Которые, хоть и земляные, но достаточно сухие.

А еще тут есть некоторая магическая аура, которую сложно не заметить.

Причем — аура неоднородная.

Значит здесь есть как минимум несколько вещей, имеющих сверхъестественную основу.

И что-то во всем этом донельзя знакомое...

Практически родное.

Если я прав, то где-то тут должен быть родственник моей магии артефакт.

Звучит дико, но так оно и есть!

Нужно его найти.

Первым на глаза попался мешочек, в котором позвякивали монеты.

Быстрый пересчет дал нам ответ о наличии толстяка, который довольно громко, обидно и весьма оскорбительно, причитал наверху и то и дело грозился карами на наши головы.

Несомненно ему и хотелось и кололось отвадить нас от этого места, которое он так намеревался спрятать своей жирной задницей.

Три золотые монеты.

Двадцать серебряных.

Полсотни медных.

Вроде бы не густо, но по лицу Паладина можно понять, что это довольно внушительная сумма.

Осталось еще понять какова ценность этих денег и как они соотносятся друг к другу.

Думается мне, что самые ценные — это золотые монетки.

Серебряные — поменьше.

А медные...

Судя по тому, как на них больше всего потертостей, царапин и так далее — они самые ходовые.

Кстати говоря.

Из трех видов монет, только золотые правильной круглой формы, с хорошей чеканкой, да и вовсе похожи качеством на блестяшки из эльфийского леса.

А вот остальные...

Эти монеты, в частности медные и некоторые серебрянные, явно уступают по качеству эльфийским.

Те имеют формы правильного круга, четкую чеканку и даже ребристые торцы.

А эти же...

Или они деформировались из-за долгого хождения, или их изначально чеканят «от балды».

На золотой монетке изображен с одной стороны какой-то замок, с другой какая-то курица, ощипанная перед тем как ее наденут на вертел.

На серебряной — какая-то кошка, запечатленная в приступе трясучки.

На медяках — три холма.

Или волна.

Или еще что-то подобное.

Но важно другое.

Паладин никак не прокомментировал принадлежность монет.

Значит есть большая доля вероятности, что они — человеческие.

А это уже хорошо.

— Артефакт, — мрак подпола разгонялся огнем свечи, в лучах которой блеснули искорки вкрапленных цветастых (возможно что и полудрагоценных) камней.

Паладин, первым оказавшийся рядом с овальным камнем, усеянным вкраплениями блестящих камешков, придирчиво осмотрел его, после чего изрек:

— Дешевая поделка для осушения подвалов, — прокомментировал он. — Стоит двадцать медяков в базарный день.

Что ж, теперь понятно почему подвал такой сухой.

А еще можно сделать вывод, что в одной серебряной монетке гораздо больше медяков.

Иначе, зачем он сказал «двадцать медяков», а не, к примеру — «две серебряные монеты», или «половина золотого»?

Но, что-то мне подсказывает, что даже двадцать медяков — не самые маленькие деньги.

— Осмотрим остальное, — решил я.

А смотреть тут было на что.

Нет, не сокровища нибелунгов, но уже что-то.

Первое и самое интересное — это полная эльфийская кольчуга.

Как ее можно описать?

Легкая, как и их оружие, с которым я уже имел возможность познакомиться и попрактиковаться в самоубийстве с его помощью.

Достаточно плотно связанные между собой колечки, причем не размером с фалангу пальца, как на Слуге.

Диаметр каждого колечка — не больше ногтя.

Можно сказать, что это даже ювелирная работа.

Длиной где-то мне по середину колена, да еще и с кольчужным капюшоном, закрывающая руку до локтя...

Хочу.

— Мифриловая кольчуга, — прокомментировал Фратер. — Дорогая вещь. Одна она уже потянет на тысячу золотых...

Хренасебе.

Это наверняка круто и дорого.

— ... если удастся ее продать и уйти с деньгами живым, — сухо закончил Паладин, напоминая про наши реалии. — Гномы бы за нее вообще осыпали бы золотом или обменяли на комплект своего оружия. Они такие вещи ценят.

Ну приплыли...

Ту еще и бородатые «полумужи» имеются в наличии.

Что дальше?

Единороги?

Драконы?

Левиафаны?

Тентаклевидные монстры?

Фурри?

Нет, только не фурри.

Фурри это гребанный харам.

Что за больной извращенец создавал этот «прекрасный мир»?

Нет, я-то в курсе чьих шаловливых ручек это дело, но...

Бр-р-р...

— Укрепляющие зелья, — рассмотрев коллекцию колбочек и скляночек, резюмировал Паладин. — Не человеческие. Эльфийские.

Думаю, это и так понятно.

Все как один — налиты в сосуды изящной выделки и работы.

Да и к тому же — помещенные в подобие металлических клеток так, чтобы между корпусом стекла и полосочками металла пролегал какой-то уплотнитель. Надо понимать — чтобы не разбились в случае чего.

Всего таких «бутыльков» штук двадцать.

Однотипные.

Запечатанные.

Сиречь — не использованные.

С крайне слабыми следами магии.

— Я в эльфийском не силен, — признался «пижон», указывая на символы на запечатанных горловинах. — Но может быть ваша подруга расскажет какое у них назначение?

— Может и так, — я подошел к полке с зельями поближе, присматриваясь к ней поближе. — Но, теперь, по крайней мере, мы знаем откуда у третьего бойца укрепляющее зелье.

— Да, я тоже заметил след от бутылки, которого нет на месте, — кивнул Паладин, продолжая рассматривать соседнюю полку.

— Значит тот третий с ножами — его головорез, — предположил я. — А по тому, как он напирал на свои знакомства в замке, думается мне, что он пользуется услугами кого-то из местных аристократов. Или их солдат.

— Тогда это могло быть большой проблемой, — изрек Паладин, взяв с полки что-то и вытащив на свет свечи. — Чудно... Не ожидал встретить здесь это. Да еще так далеко от Запада...

— М? — я развернулся и посмотрел на то, о чем он говорит.

— Боевой топор гномов, — пояснил мужчина, протягивая мне рукоятью вперед оружие.

И извлекая со стеллажа еще один.

Точно такой же.

Гномьи боевые топоры.

(картинка взята из открытых источников)

А мне казалось, что в фэнтези боевые топоры огромные...

В этом же — полметра рукояти, она же топорище, не самая большая, где-то с ладонь шириной, рубящая часть с заостренным лезвием.

Которое даже на вид выглядит острым как бритва.

Да и металлический «клюв» на обухе указывает на то, что изготовили их явно не для того, чтобы дрова колоть.

На мой взгляд — топорище довольно широкое, граненое и не лучшим образом влезает в руку.

Но, что не говори — довольно легкое оружие.

В нем, наверное, и килограмма-то нет.

В прошлом я только деревенские топоры в руках держал.

Но должен отметить, что и здесь рукоять легче самой рубящей части, причем — довольно ощутимо.

Хотя кажется, будто он весь сделан из металла.

Метательный топор?

Впрочем, если присмотреться, то можно заметить, что граненая рукоять — это все же дерево.

Поверх которого уже нанесены металлические руны.

Хм... Довольно неразумное решение — крепить рубящую часть на шестиугольную рукоять в виде металлического «набалдашника».

— Уж чего-чего, а боевых топоров гномов-берсерков на Востоке я еще не встречал, —

удивлённо протянул Паладин. — Это древнее оружие. Видите руны? — он указал на вдавленные в рукоять металлические элементы, а так же узоры на рубиле. — Это топоры времен войны с Практиками. Им многие тысячи лет. Сейчас уже такие не делают. Старые мастера использовали сверхлегкую, но прочную синюю сосну для рукояти. Требовалось несколько месяцев для того, чтобы в заготовке рукояти проделать канал для стержня, связывающего верхнюю часть с навершием, — он постучал пальцем по основанию рукояти. — Сейчас гномы уже не так хороши, после того, как потеряли в той войне почти всех своих магов. Предпочитают не мудрить, и делать боевые топоры так же, как и люди. Железяка на топорнице, расклинивание, да и готово...

М-да.

Как много нового узнаешь, когда слушаешь знающего человека.

— Дороже мифриловой кольчуги? — поинтересовался я.

Паладин посмотрел на меня как на умалишенного.

— Для гномов — бесценно, — заявил он. — В этих рунах, — он прошелся рукой по топору от рукояти до рубящей части, может быть скрыто имя какого-нибудь древнего гномьего героя. Обычно, — он указал на надписи на металле на широкой части рубящей части топора, — их наносят на лопасти, но чтобы понять что тут написано, нужно знать древнее гномье наречие. В вашем отряде, — он посмотрел на меня, — случаем не заваялся образованный гном, знакомый с языком предков?

— Надо поискать в рюкзаке, — хмыкнул я. — Значит, гномы будут благодарны за возвращение своей реликвии?

— Они уже много лет добиваются того, чтобы люди разрешили им путешествие на север, к Гиблым Землям, — сказал Паладин. — Но до сих пор не получили желаемого.

— Почему? — поинтересовался я.

— Да кто ж в здравом уме позволит гномам копать на землях Практиков? — усмехнулся Фратер. — Мало того, что такая экспедиция — это фактически целая армия, чтобы защититься от нежити, так еще и возможность гномам обрести реликвии прошлого. А там где реликвии — там и секреты древних мастеров. А уж это значит, что гномы станут сильнее. Чего не хочет никто.

Надо понимать, что «холодная война» тут понятие знакомое.

— Без магии гномы делают упор на технологии, — пояснял Паладин, пока мы продолжали обыскивать подпол. — Это угроза для людей, у которых не так много магов и не самые лучшие технологии. Зато эльфы довольны — у них много магов. С помощью которых они наравне с технологиями гномов. Паритет между всеми не дает начаться ни одной крупной войне. Но, в одном вы правы. Эти топоры стоят крайне дорого. Думаю не меньше десяти тысяч золотых за пару. Однако, за торговлю ими отрубят голову.

— Почему?

— Потому что это древнее оружие, времен Последней Войны, когда народы Аурхейма стали плечом к плечу против исчадий Преисподней, — голос Паладина стал глуше. — Все магическое оружие, какое смогли вывезти с полей сражений — все давно уже имеет своих хозяев. Единственное место, где можно взять что-то подобное — это Гиблые Земли. А туда никто в здравом уме не сунется. Кроме особо отчаянных и глупых контрабандистов. Добыть подобное практически не реально, сбыть — еще более сложная задача.

Да, да, да...

Как же тут все интересно выходит.

Уверен, что не все так просто, как кажется.

Если эльфы делают все при помощи магии, то как объяснить «штампованные» клинки?

А если это топоры, созданные при помощи гномьей магии, то почему я ее не ощущаю?

То есть даже следов зачаровывания — и тех нет.

И никаких побочных эффектов, вроде маслянистой рукояти, как у эльфов.

А ведь гномы явно должны были придумать что-то такое, чтобы их оружие не было использовано против них.

Или это уже стереотипы?

Нет, тут что-то явно интересное происходит.

Реликвии древних времен, скрытые в подвале у контрабандиста.

Эльфийские зелья.

Кольчуга, которую не может пробить ни один простой клинок.

Переделанное оружие эльфов...

— Всегда можно сказать, что случайно откопал его где-нибудь в лесу или нашел спрятанное, — предположил я.

— Такие сказки перестали быть актуальными еще при Четырнадцатом Короле, который вел по всей стране масштабные поиски зачарованных артефактов, — возразил Паладин. — Теперь, если что-то и осталось, то только в древних усыпальницах, катакомбах, заброшенных замках. Но и там либо магическая защита, которая испепеляет любого, либо доступ только для членов различных орденов или гильдий, которые занимаются профессиональными поисками подобных наследий древностей. Само собой, что ни у кого на руках ничего подобного остаться просто не может физически.

Вон оно как...

Интересно получается.

— Нет, теперь я вообще ничего не понимаю, — издал возглас Паладин, капаясь в дальнем углу стеллажей.

Я же осматривал полку с различного рода мешочками, наполненными травами и сушеной растительностью.

Посмотрев на Паладина, увидел у него в руках массивный прямой меч.

— Допустим, что боевые топоры гномов-берсерков он нашел, — процедил Паладин, демонстрируя мне довольно габаритное и увесистое оружие, удерживая его за массивные (по сравнению с его саблей) ножны и длинную (по моему мнению рукоять). — А оружие гномьего полководца у него откуда?!

Клинок с тихим звоном металла покинул свое «убежище».

Прямой обоюдоострый меч с длинноватой рукоятью, переплетенной тонкими витками серебристого металла.

Вроде бы простая, но в то же время величественная гарда, украшенная пиктограммами.

Так похожими на те, что на свое оружие налепил народ, любящий копаться под землей.

Но им эти письмена не принадлежали.

Строгие и кажущиеся неровными, они казались чуждыми.

Словно их не могла нанести на оружие рука человека.

Или любого другого разумного существа.

От пиктограмм, да и самого клинка буквально веяло смертью и замогильным холодом.

Но слишком слабо, чтобы это можно было воспринять за полноценную угрозу или предупреждение.

Оружие лишилось своего магического заряда и превратилось в простую железяку.

Возможно, что ничего не выйдет, но...

— Можно взглянуть? — поинтересовался я.

— Да, конечно. — без задней мысли передал мне рукоятью вперед меч Паладин. —

Все-таки ваше право мести приоритетное. Вам и распорядиться всем, что здесь обнаружено... И где они только нашли столько гномьего оружия? И зачем хранить его здесь?

Тот самый меч.

А вот здесь у меня даже вопросов не возникало.

В этом оружии я чувствовал магию.

Остаточную, практически выдохшуюся, едва различимую...

Слабую, как аромат цветов во время шторма.

Очень хорошо знакомую магию.

— Это не гномий меч, — произнес я, взвесив оружие в руки.

Потяжелее эльфийского, но все равно не оттягивает руку.

Даже несмотря на отсутствие у меня развитой мускулатуры, думается, орудовать им будет легко.

Для удобства я махнул оружием в сторону от своего напарника по обыску подпола, пропуская сквозь меч тоненький поток «собственной» магии, заимствованной из перстня.

Реликвия прошлого оживала, откликаясь на подписку родственной магии, словно изголодавшийся по крови вампир.

Несколько секунд, и оружие стало пробуждаться от многовекового сна, подобно атланту, что расправил плечи, сбрасывая с себя оковы сна.

По подземелью ударила слабая волна магических колебаний.

Паладин отпрянул назад, увидев, как руны у гарды оружия налились зеленым огнем, переходя в дол...

Его рука легла на рукоять собственной сабли.

— Не советую, — произнес я, ощущая покалывания в руке, исходящие от пробуждающегося клинка. Усилием воли прекратил его подпитывать, чтобы не стать частью этого смертоносного оружия. — Если душа дорога — лучше оставить все как есть.

Глава 13

Лаурель вздрогнула, когда почувствовала исходящее из подпола колебание магии. Той самой, которая перебила ее отряд.

И предательское зеленое сияние, замерцавшее оттуда отсеяло любые сомнения относительно природы ее дискомфорта.

Мужчина в кольчуге напрягся, бросил на нее настороженный взгляд, после чего что-то сказал на своем непонятном языке.

Лучница сделала вид, будто не слышала того, что он с ней говорит.

Она наблюдала за тем, чтобы толстяк, который ей уже изрядно надоел своим бормотанием, кривляниями злобных рож и шипением каких-то слов на человеческом языке (угрожал, наверное), не сделал ничего лишнего.

Но, тот, против ее ожиданий, едва ли не заскулил, когда колебания магии пронеслись по харчевне.

Как и большинство эльфов, Лаурель имела чувствительность к магии — врожденную, как и у всех среди лесного народа.

Но, в то же время, как и другие рейнджеры, она не была способна использовать ее хоть как-то, кроме того, чтобы воспринимать наличие магического фона в некотором отдалении от себя.

Очевидно, они чем-то прогневали Богиню, раз она обделила их даром направления своей силы.

Потому народ лесных эльфов и считал подобных ей фактически нечувствительными к магии.

Но суть сейчас не в этом.

Лаурель получила прямой приказ — следить за толстяком.

Ослушаться этого распоряжения она не могла.

Но в то же время этот помощник Паладина уже явно на взводе.

Еще немного — и бросится в драку.

И что делать?

Убивать его ей не позволяли.

Даже ранить — нельзя.

Лаурель уже пыталась попробовать послушаться прямого приказа — не выходило ровным счетом ничего.

Оставалось либо придумать как обойти приказ, либо...

А много ли она потеряет, если этот человечиска в кольчуге убьет Практика, если что?

Да нет, не многое.

Наоборот, даже освободится от его заклятья.

Вот только, сможет ли паренек...

Свечение из подпола исчезло внезапно.

Словно кто-то накрыл его источник плотным плащом.

Спустя несколько секунд послышались звуки поднимающихся по ступеням людей.

Лаурель не сводила взгляда с помощника Паладина.

Тот уже держался за свое оружие, демонстрируя готовность броситься в сражение.

Если он сейчас нападет на Практика и убьет его, то у нее будет шанс прикончить и

обладателя кольчуги.

После чего она свободна и количество врагов уменьшено.

Останется только Паладин.

Но, раз Практик задействовал свою силу, может быть с ним покончено?

Словно в насмешку над ее мыслями, первым из подпола появился именно Паладин.

Демонстративно вылез оттуда, отряхнулся от пыли, после чего помог Практику, вынув по очереди из подпола различное оружие, кольчугу, склянки с усиливающими элексирами эльфов...

Последним из подпола выбрался сам Глеб.

И при этом он держал в руках меч.

Лаурель не являлась большим знатоком оружия других рас, но ей казалось, что меч выкован гномами.

Массивный, резковатый, без изящных линий и обводов, как это принято у эльфов

Но более тонкая работа, чем оружие людей.

Она вздрогнула, когда поняла свою промашку.

На клинке были начертаны руны совсем не на языке гномов.

Но, что хуже всего — эти руны светились слабым зеленоватым огнем.

Цвета магии Практиков.

Девушка украдкой бросила взгляд на чудовище в обличье человека.

И вздрогнула еще один раз.

Потому как его глаза светились тем самым неестественным зеленым цветом, а от самого мужчины начали исходить колебания магии.

Он ловко поддел за ножку грубую, но крепкую табуретку, поставил ее перед хозяином таверны, после чего уселся, положив оружие себе на колени.

Толстяк же затрясся от одного взгляда на происходящее.

Паладин в этот момент встал слева от толстяка, опершись на прилавок, намекая на то, что если толстяк захочет сбежать вверх или в подсобку, то, придется пробиваться через него.

Слуга по одному кивку своего командира, отошел к двери.

Лаурель же, не зная что ей делать, так как угрожать ножом больше-то и не нужно, неуверенно переминалась с ноги на ногу рядом с Глебом до тех пор, пока тот не указал ей на стул рядом с собой.

Сев слева от мужчины, эльфийская лучница поплотнее надвинула на голову капюшон.

Наполовину прикрыв глаза, она попыталась войти в полумедитативное состояние, доступное лишь эльфам.

Не ослабляя бдительности, девушка меж тем позволяла своим натруженным и порядком уставшим частям тела расслабиться.

Поспать этой ночью им явно не удастся.

Пусть она как эльф и сильнее людей, но все же на износ трудиться без необходимости не собиралась.

Толстый человек перед ней испуганно водил глазками, останавливая свой взор то на ней, то на Глебе.

Понять бы чего больше он боится — троих профессиональных (в той или иной мере) военных, или Практика с оружием, выкованным специально для таких как он древними колдунами?

— А теперь поговорим более открыто, сукин ты сын, — веселье, которое Лаурель

периодически слышала во время общения с чудовищем, куда-то исчезло.

Вместо этого он изрекал жесткие, грубые слова...

На человеческом наречии!

Которое она понимала!

Девушка вздрогнула еще раз.

Да что тут происходит вообще?

Хозяин таверны явно был напуган тем, что видел перед собой.

Я же находился в бешенстве.

Руку кололо нещадно — меч вытягивал из меня магию.

Он буквально был голоден.

И требовал, чтобы его накормили.

Но, единственное, что я мог ему предоставить — это те крохи, которые были накоплены в перстне.

Надо полагать, такой малостью древнее оружие не было довольно.

Впрочем, теперь я уже не сомневался в том, что у меня есть и другой способ как обуздать его голод.

Но сперва — следует задать вопросы.

— Найдя эльфийскую кольчугу и зелья я еще мог понять, чем ты тут занимаешься, — ох, как же колется. Гребанный меч-вампир, что б его! — Обычный контрабандист... Но остальное... Боевые топоры гномов-берсерков, которым уже тысячи лет? И которые можно найти только в Гиблых Землях? Откуда у тебя это, ублюдок?!

На самом деле мне плевать на топоры.

Мне интересно другое.

Но задавать вопросы в лоб пока что не стоит.

— Я... Я... Я...

— Пища для моего меча, — не выдержал я, хватаясь за рукоять и приставляя острие к груди толстяка.

Тот подался назад, но дальше своей конторки уползти не мог.

Как и не мог пробраться сквозь нее.

Комплекция не та, чего уж тут.

— Знаешь что это? — поинтересовался я, чувствуя, как клинок буквально исходит от нетерпения вгрызться в тело своей жертвы.

— М-м-меч г-г-гномов, — пролепетал хозяин таверны.

— Его называют «Пожиратель душ», — приоткрыл я завесу тайны. — Оружие, созданное не просто для убийства или сражения. Это клинок, который в прямом смысле испепеляет саму суть живого существа. Превращает плоть в пыль, — ну, тут я солгал, конечно, но почему бы не преувеличить ради красного словца? — Главное в нем совсем другое. Он вырывает души из тел. Запечатывает их в себе. И медленно переваривает, питаюсь магией самой сути убитого.

— Обычные люди не чувствительны к магии, — раздался за моей спиной холодный голос Паладина.

— Зато души — это магия, — не оборачиваясь, произнес я, продолжая сверлить взглядом торговца. — Бессмертная душа — то, что сотворено Создателем. Тем, кто дал начало всему сущему. Крупица его силы. Ничтожная щепотка магии. В ком-то ее побольше

— и он становится магом. В ком-то нет, и он может только завидовать. Люди, эльфы, гномы — да плевать кто. У всех душа — это крупица магии. По замыслу Создателя — самая священная и неприкасаемая, непорочная.

Подумать только... Знал бы я, что мне однажды придется повторять то, что я вполуха слушал на занятиях по основам магии, то впитывал бы информацию повнимательнее.

— И у меня сейчас большое желание накормить «Пожирателя», — признался я. — Потому что клинок очень голоден. Настолько, что изнемогает от того ничтожного кусочка волшебства, что заперт в твоей ничтожной душонке, толстяк. Хочешь стать частью этого легендарного клинка?

Хозяин таверны что есть силы замотал головой.

— Я так и думал, — оружие отодвинулось от него всего на пару сантиметров, но прямо-таки молило меря дернуть рукой вперед, впиться в рыхлую плоть, пронзить ее, чтобы теплая кровь побежала по клинку, наполнила дол...

Решительным движением я воткнул меч в щель меж досок и оторвал руку от рукояти.

— У тебя два выбора, делец, — обозначил я дальнейшие перспективы. — Первое — я убью тебя этим мечом. И, прежде чем твоя душа растворится в «Пожирателе», я успею заглянуть в твои воспоминания, — опять же — приукрашивание, на которое я не способен без наличия источника. — Или же ты сам, честно и открыто, расскажешь мне о том, как связана контрабанда эльфийских товаров с появлением у тебя оружия, которое найти можно далеко-далеко на севере. В Гиблых Землях. Предупреждаю — попробуешь солгать и пойдешь на корм мечу. Все понял?

— Д-да, — закивал торговец.

— А теперь, — я постарался улыбнуться. — Вещай. Мы слушаем.

Фратер стоял, сжимая в руке Святую Чашу.

Это все, что он на данный момент мог сделать.

Бог попросил его втереться в доверие к этому человеку.

Человек оказался чудовищем.

Тем самым — из легенд о Последней Войне, когда весь Аурхейм поднялся на бой против Практиков и их господ, демонов.

Чудовищ из преисподней, тиранов и поработителей всего живого.

Был ли этот человек Практиком, или же демоном, Паладин не знал.

И Бог не приходил на помощь.

Шовель чувствовал, что Бог виноделия наблюдает за всем, что происходит в этой захолустной таверне.

Но не вмешивается.

Бойтся?

Выжидает?

Наблюдает и зовет подмогу других богов?

Сколько бы Фратер не спрашивал у своего бога что ему делать, ответа не последовало.

Лишь «Не вынимай клинка», прозвучавшее в его голове в тот момент, когда оружие, которое он посчитал гномьим мечом, внезапно ожило и засияло светом потустороннего мира.

После этого Бог Виноделия предпочел просто игнорировать своего Паладина, но Фратер продолжал ощущать его присутствие.

— Упростим задачу, — неожиданно сказал Глеб. — Я тебе изложу ситуацию как я ее вижу, а ты дополнишь ее недостающими кусками. А то ты со своим внезапно открывшимся заиканием будешь до второго пришествия рассказывать вашу незамысловатую историю.

С чего он взял, что рассказ хозяина таверны будет простым?

Тут явно большая интрига.

— Итак, — Глеб подался вперед, уперев руки локтями в бедра. — Давай предположим на мгновение, что ты и кодла, частью которой ты являешься, каким-то образом смогли найти путь в Гиблые Земли. Там вы ищите древнее оружие, после чего через весь континент доставляете его сюда. В обмен на эльфийские товары вы отдаете им это оружие. Эльфы утаскивают его к себе. А ты куда-то деваешь то, что они приносят для тебя. При этом — сам явно ты не разбираешься в том, что тебе приносят с Севера — иначе бы побоялся тащить к себе в харчевню оружие Практиков. Но и подпол у тебя рассчитан явно на большие объемы контрабанды. А значит — тебе или приносят много товара с Севера, или эльфы таскают немало в обмен на то, что есть. И есть у меня предположение, что твои рассказы относительно друзей в местном замке, ничуть не вранье. Так?

— Д-да, господин, — закивал торговец. — Нам помогают провозить артефакты с Севера через Восточные земли местные солдаты. А мы отдаем им все, что приносят эльфы.

— «Моей рука руку, но чище душе не бывать», — нараспев продекламировал Фратер.

Его собственная рука оставила в покое драгоценный артефакт.

И так понятно, что с происходящим придется разбираться самостоятельно — по крайней мере Практик ведет себя более чем спокойно.

А сам Паладин предполагал, что тот здесь как раз и оказался ради оружия своего рода.

И, захватив его, устроит кровавую бойню...

Так нет же, с расспросами полез...

Впрочем, кто говорит о том, что бойня не начнется после допроса?

— Зачем местным аристократам эльфийское оружие? — меж тем спросил Глеб, продолжая свое дело.

— Н-не знаю, — сказал толстяк. — Я не лезу в дела господ. Что мне сказали делать, то я и выполняю.

Логично для простого крестьянского мужика.

Да вот как-то не вяжется его поведение с тем, что он рассказывает.

Фратер мог поклясться неделей трезвости, что хозяин таверны лжет относительно своей неосведомленности.

Уж как минимум слухи-то он и другие участники этого контрабандного бизнеса должны друг другу пересказывать.

Иначе б давно померли со скуки в этой глуши.

— Да что ты говоришь? — хмыкнул допросчик. — А на меня с ножами зачем людей натравил?

— Думал, что вы шпионы, — хозяин таверны начинал потеть, отчего по харчевне стал распространяться удушливый и едкий запах давно не мытого тела. — Сперва подумал на эльфов, а потом, когда понял, что вы не от них, а, похоже, что вообще не местные...

— Решил убить, — прищурился Глеб. Кажется он тоже ни на мгновение не верит в рассказы этого проходимца. — Зачем эльфам древнее оружие из Гиблых Земель, да еще таким странным образом доставленное?

А вот тут Паладин согласен с Практиком.

Слишком уж нелепая конструкция получается по словам хозяина таверны.

Как пить дать врет, мерзавец.

— Н-не знаю...

— Как вы проникаете туда? Где находите? По какому принципу отбираете? Как туда попасть?

— Г-господин, я не знаю, — едва не разрыдался контрабандист. — Мои люди просто ездят на север. В Дривольде забирают телегу с грузом и под охраной людей тэрра везут все сюда.

Фратер едва не присвистнул от удивления.

Дривольд — это самая северная из окраин Севера.

Практически бастион на пути в Гиблые Земли.

Крепость, которой тысячи лет.

Место обитания гарнизонов, что патрулируют стены до небес и удерживают границу между живыми и мертвыми.

Это там-то начинается путь контрабанды древнего оружия?

Маловероятно.

Насколько слышал сам Фратер, местные солдаты скорее зарубят и сожгут любого, кто окажется за крепостными стенами со стороны Гиблых Земель, чем позволят им зайти внутрь твердыни с древним, а возможно, что и проклятым оружием в руках.

А даже если найдутся такие тупые солдаты, то местные служители Семерых быстренько поджарят их на костре.

— Целую телегу артефактного оружия вывозите? — присвистнул Глеб, отклоняясь назад, словно не веря в сказанное.

— Н-нет, конечно же нет! — замотал головой толстяк так, что у него едва голова не отлетела. — Оружия немного, как и других предметов из Гиблых Земель. Телега едет груженная товарами для моей таверны!

— Для отвода глаз, — понял Фратер. — Маскируют барахлом, чтобы не привлекать внимание.

— Да ну? — изрек Глеб, даже не поворачиваясь в Паладину, продолжая сверлить взглядом торговца. — Телега с простыми продуктами, которую охраняют не какие-то крестьяне-скотоложцы, не наемники по три медяка на нос, а люди самого тэрра? Это-то отличная маскировка? Чтоб никто не знал что здесь находится что-то важное, давайте демонстрировать цвета аристократов и его воинов? Подобное — абсолютная чушь.

Фратер промолчал, соглашаясь с тем, что это явно не самая лучшая из маскировок, которую можно придумать.

— Возможно, что они просто переодеваются, — подал голос Слуга. — Сменил цвета, притворились наемниками...

— Идея, — согласился Глеб. — Ну, торговец, что скажешь? Переодеваются они в другие одежды?

Фратеру показалось, что задавшему вопрос совершенно плевать на ответ.

Он словно не знал что спросить.

— Нет, — сглотнув ком, произнес хозяин таверны.

Его глаза начали бегать из стороны в сторону.

Он перестал дрожать, заикаться.

Словно перестал бояться, что его лишат жизни самым жестоким из известных способов.

Хотя...

Кто знает, может у того, кто разбавляет спиртное, в самом деле нет души, а лишь ее гнилые остатки?

— То есть, солдаты, не переодеваясь, не скрываясь, выставляя на показ цвета своего господина и при этом охраняют телегу с товарами? — переспросил Глеб недоверчивым тоном.

— Да, — ответил торговец.

— И это не вызывает вопросов, не порождает слухов и не привлекает внимание? — по его голосу можно было понять, что молодой мужчина не верит не единому слову хозяина таверны.

— По всему королевству разъезжают сотни телег, которые охраняются солдатами аристократии, — сдавленным тоном произнес последний. — Разбойники же на дорогах орудуют, зверолоуды, прочая нечисть... Их полным-полно на Западе и Севере, где их привечают радушно местные купцы, торговцы, ремесленники и даже аристократы.

На этот раз Практик все же посмотрел на Паладина.

Тот лишь пожал плечами.

— И как часто к тебе привозят товар, и забирают его? — поинтересовался Глеб у толстяка.

— Где-то раз в неделю...

— И за все это время никто даже не заметил эльфов, которые с баулами пробираются к вам деревню? — не поверил Практик.

— Так они ж глубокой ночью приходят, когда все уже по домам давно сидят или спят...

— А тех, кто не хочет убраться, ты, верно, усыпляешь и с помощью своих дружков выбрасываешь за дверь, — многозначительно произнес Шовель. — И все обставляешь так, как если бы они перебрали с выпивкой. И никаких претензий, ведь крестьяне не разбираются в зельях. А раз так, то и претензий к тебе нет. Да если бы и были, то они затолкнут их поглубже в глотку, так как таверна у тебя единственная на всю округу. И выпивку найти можно только у тебя.

Толстяк бросил на него злобный взгляд.

Глеб удостоил Паладина понимающим кивком.

Кажется намек понят.

— Обычно солдатам нет дела до крестьянского скарба и промысла, — произнес Фратель нарочито скучающе. — Но, мое путешествие по королевству людей началось с Обители Королей, продолжилось на Юге, и вот теперь я на Востоке.

— А если есть приказ от господина, то дело есть сразу и для всех, — довольно емко заявил Глеб. — Есть что еще сказать, свинота?

Судя по всему, обращение было именно к хозяину харчевни.

— Нет, господин, что вы, конечно, нет, — залепетал последний.

— Да что ты? — усмехнулся Практик. — А мне вот кажется, что ты не рассказал мне о том, почему все эти вещи до сих пор находятся у тебя в подполе, а не переданы эльфам.

Паладин удовлетворенно хмыкнул.

Его посетила та же мысль.

Хранить у себя подобного рода товары длительное время — довольно глупая затея.

Даже если тебе покровительствует кто-то знатный из местной аристократии.

Это питейное заведение.

Подпол, который торгош использовал для хранения артефактов, явно создавался для продуктов.

Да и вход в подпол посреди харчевни — тоже отнюдь далеко не самое умное решение для контрабандиста.

Даже то, что крышка люка без всяких отличительных знаков, отсутствует кольцо или ручка, за которые его можно было бы поднять, а сама крышка подпола практически идеально совмещается с досками на полу, не говорит о тщательности подготовки.

Контрабандист явно рассчитывал исключительно на то, что его харчевня не будет привлекать большого внимания путников.

А местные мужики...

Да кто вообще заподозрит хозяина таверны в том, что он переправляет в обе стороны контрабандные товары?

Но даже со всеми этими натянутыми условностями, не объяснено то, почему кольчуга, боевые топоры, оружие, зелья...

Почему это все находится в такой пыли, если по рассказу толстяка можно сделать вывод, что обмен товара на товар происходит очень и очень быстро?

Ну уж точно не за такой долгий срок, что полки покрываются пылью...

— Не понимаю о чем вы, — хозяин харчевни снова принялся изображать из себя испуганного дурачка.

Фратель разочарованно покачал головой.

Этот торгош явно что-то скрывает.

— Ты ведь был в подполе не так давно, — произнес Глеб, не купившись на «честный испуг». — Взял склянку для своего друга с кинжалами. Думаю — сделал ты это явно не после того, как мы отправились на второй этаж. Заблаговременно. Сутки, может быть двое назад. А судя по пыли — весь товар там лежал очень и очень давно... Для кого он предназначался? Для чего ты своего подручного накачал укрепляющим зельем?

А ведь парень явно с головой.

Ладно Фратель сообразил что хозяин Таверны усыплял своих посетителей (за что для него приготовлен отдельный котел в загробном мире — можно не сомневаться, что Практик об этом договорится со своими хозяевами).

Но думал он об этом в контексте ограбления.

А тут оказалось все намного интереснее.

И ведь точно — эффект от укрепляющих зелий не длится долго.

Другого входа в подпол нет.

Фратер и Слуга находились в харчевне, когда сперва хозяин таверны, а за ним и двое мужиков пошли на второй этаж.

Тот, что был с ножами, вышел через дверь и, очевидно, забрался на второй этаж по стене.

Сколько бы не вспоминал Фратер, но не мог припомнить, чтобы толстяк передавал последнему хоть что-то похожее на выпивку, не говоря уже и про саму склянку с зельем.

Соответственно, если зелье было выпито, то произошло это до того, как Практик и его рабыня поднялись наверх.

Но Паладин со Слугой весь вечер сидели в харчевне.

Здесь все было спокойно — вплоть до появления Практика.

И, раз так, то по какой причине обладатель переделанных ножей принимал

укрепляющее зелье заранее, если они не знали о том, что в их забегаловку наведается такой особый гость.

Толстяк молчал.

Судя по всему заданные вопросы отражают ту часть его жизни, о которой он не горит желанием поделиться ни при каких условиях.

Его взгляд ожесточился, губы поджались.

— В твоём рассказе так много несостыковок, что у меня возникло непреодолимое желание познакомить «Пожинателя» с твоей душой, — глаза Практика вновь сверкнули лучистой зеленью.

Ровно как и руны на его клинке.

— Ты солгал мне, трактирщик, — заявил Глеб. — Либо решил опустить такое количество подробностей, опасаясь чего-то, что история превратилась в разрозненные куски информации, не связанные друг с другом логикой даже при большом желании.

Хозяин таверны продолжал отмалчиваться.

Фратер, покачав головой, повернулся к прилавку лицом, чтобы прихватить кувшин с вином.

От этой истории, даже в изложении хозяина заведения, веяло весьма далеко идущими последствиями.

С такими проблемами, если они свалятся на голову, без графинчика хорошего вина не разобраться.

Паладин потянул руку за одним из кувшинов, краем глаза отмечая что обстановка на лестнице изменилась.

В деталях он рассмотреть не успел, но две лишние пары ног в изысканных сапогах увидел однозначно.

— В укрытие!

Лишь это он и успел выкрикнуть, услышав звук натягивающейся тетивы сразу двух луков.

Лишь благодаря милости своего Бога, он успел выхватить саблю из ножен и ударом плащя отвести в сторону пущенную в него стрелу.

От следующей, выпущенной уже вторым лучником, он не мог ни увернуться, ни защититься.

Со свистом она устремила к нему...

Но, пролетела мимо и впилась в глазницу повернувшего голову в сторону лестницы хозяина таверны.

В следующий момент руку одного из стреляющих, с ног до головы скрытых в темных плащах, пробила длинная стрела.

Он, даже не вскрикнув, дернулся наверх.

А следом его напарник упал с прошитым арбалетным болтом горлом.

Фратер бросился вверх по лестнице.

Позади за ним раздавался топот Глеба.

На втором этаже, завидев край одеяний лучника, Паладин бросился в распахнутые двери номера Практика.

Но единственное, что увидел, так это мелькнувший в разломанном оконном проеме силуэт.

Практически одновременно Фратер и Глеб оказались у окна.

Оба едва успели увернуться от пущенной убегавшим человеком с улицы стрелы, впившейся в стену за ними.

— Ушел, гад! — Фратер выругался, указывая на тень, которая на фоне ночи казалась еще темнее.

Она довольно легко перемахнула через частокол.

— Я в конюшню за конями, — сказал он, бросаясь к выходу. — Загоним мерзавца и приволочем на веревке.

— Зачем? — этот вопрос Фратер услышал тогда, когда уже спустился на первый этаж.

— Как это? — удивился он, видя, что Слуга уже отпер засов и путь на улицу оказался свободен. — Нужно узнать кто это был и для чего хотел убить меня и хозяина таверны.

— А, — протянул Практик. — Ну, кидаться в ночь искать лучника, да еще вдвоем, не самая лучшая идея. Подстережет и прикончит. С меткостью у этого парня все хорошо. Получше, чем у его землячки.

Фратер недоуменно посмотрел на эльфийку, которая молча стояла рядом с трупом человека.

Затем, недоумевая, посмотрел на Практика.

Который, без лишних слов, ногой толкнул труп с лестницы так, чтобы он скатился на пол харчевни.

Паладин, подойдя к телу, двумя движениями сбросил с него капюшон и повязку на лице.

— Эльф!

— Эльфы, — поправил Практик, напоминая о втором, сбежавшем лучнике. — Подозреваю, что их побольше будет чем два длинноухих.

— С чего ты это взял? — спросил Фратер, незаметно переходя с Глебом на прямое общение, словно они старые друзья.

— Все просто, — невесело усмехнулся тот. — Пока мы тут лясы точили, длинноухие уроды сперли наши с Лавриком честно награбленные эльфийские трофеи.

— Мы видели только двоих, — напомнил Шовель.

— Ты видел только двоих, — поправил Практик. — А я — четверых. Просто трое пересекали частокол в том же месте, где и мы. А выживший — отвлекал от них внимание.

Воль скучаяще разглядывал стоящего напротив него посла дроу.

— Мой благородный и достопочтимый лорд — похоже посол немало раздумывал над тем, как обратиться к нему. — Я пришел выразить свои соболезнования в связи с кончиной вашего драгоценного батюшку. Тридцатый король являл собой луч света в наше непростое время, был опорой всем нуждающимся...

Принц еще не коронован, а следовательно — не король.

Но уже и не принц — он старший мужчина в своем роду.

Обращение к нему как к королю — нарушение этикета, потому что этого еще нельзя делать.

А взывать к Волю как к принцу — уже нельзя.

Куда не кинь — всюду притаились свои заскоки.

Последний представитель Дома де Мар откровенно скучал, наблюдая за тем, как темнокожий эльф изгаляется, воспевая дифирамбы покойнику.

Как же все просто...

Маги на службе Крепости — простые неумехи.

Столь же слепы, как и все здесь.

Он особо не переживал, раздумывая над тем, смогут ли обнаружить его причастность к смерти отца.

Но торжествовать, зная, что и это сошло ему с рук, никто не запрещает.

Наоборот — это достойно похвалы.

И он ее получит.

В скорости.

— Как вы, наверное, знаете, — посол говорил быстро, словно пытался своим языком обогнать скаковую лошадь, — между темными эльфами и вашим отцом был заключен предварительный договор...

— О моем браке с вашей принцессой, — утвердительно кивнул Воль.

— Да, — посол облизнул губы. — Я счел своим долгом прибыть к вам, для того, чтобы прояснить намерения моего народа. И рассказать о надеждах, которые мы возлагаем на этот брак.

«Можно подумать, я не знаю из-за чего вся эта возня», — весело подумал будущий Тридцать Первый Король.

В том, что происходит с этими исчадиями преисподней есть немалая его заслуга.

— Народ дроу надеется на то, что после стольких лет изоляции и всеобщего презрения, мы докажем всему Аурхейму, что мы такие же цивилизованные существа, как и все, — произнес посол.

«Да ты что?» — хмыкнул Воль. — «О какой цивилизации может идти речь, когда разговор заходит о длинноухих, у которых вся реальная власть сосредоточена в руках женщин, а мужчина — всего лишь парадная фигура, показатель мнимой культуры? И это, не говоря уже о том, что в прошлом эти твари служили тварям еще более худшим, чем они сами?»

— Ваши мотивы мне понятны, — произнес Воль. — Я не имею никаких возражений против того, чтобы связать себя узами брака с принцессой Сифраль. Насколько до меня

доходили слухи — она прекрасна собой, превосходный воин и даже магии обучена?

Посол, явно не ожидая подобной осведомленности от принца, которого еще недавно большинство придворных считали ничтожеством (а многие и до сих пор продолжают это делать), может обладать информацией о таком закрытом обществе, как дреу.

Ведь у них, как темнокожие любят повторять, самая надежная охрана на их Темных островах.

Ну да, ну да...

А шпионов — побольше, чем у тех же гномов или лесных эльфов.

— Все так, милорд, — посол замедлил темп своей речи.

Наверняка пытается сообразить откуда Волю это известно.

— Прекрасно, — расплылся в фальшивой улыбке бывший принц. — Наш союз будет настолько прочен и велик, что войдет в историю.

— Воистину так, милорд, — сдержанно ответил посол Нанц. — Принцесса планирует прибыть уже в скором времени — как только наладится погода в проливах. Мы надеемся успеть к зачислению в магическую Академию, где принцесса намеревалась познать мастерство человеческих магов, чтобы стать ближе к своему будущему народу. Мне, кстати говоря, поручено провести подготовительные работы к церемонии помолвки.

— Не доверяете организации людей? — откровенно продемонстрировал недоверие Воль.

Если бы он продолжал разыгрывать доброжелательность, то явно вызвал подозрение у посла.

Он, может быть, и морально кастрирован своим обществом темнокожих длинноухих отродий, но уж точно не глуп.

— Я полностью уверен в том, что ваши подданные проведут любой обряд на высшем уровне, — снова затараторил Нанц. — Однако, у наших народов имеются некоторые культурные противоречия, которые хотелось бы заранее обсудить и нивелировать возможные конфликты. Мы, как, я уверен, и вы, не хотим, чтобы сей замечательный акт бракосочетания был омрачен каким-нибудь пустяком вроде неправильной рассадки гостей или вызывающе разложенных вилок...

«А еще хотите изучить свадебный чертог, чтобы иметь возможность расставить своих теневых убийц-телохранителей там, откуда вашу дражайшую принцессу могут достать наемники», — про себя добавил Воль.

— Кроме того, — добавил посол Нанц, — Не знаю, известно ли милорду, но лесные эльфы так же намерены прислать новую делегацию в королевство. Но, уже не для заключения брака с вами, конечно же. Мой правитель просил сообщить, что лесные эльфы настроены войти в один из крупных аристократических родов королевства... Они крайне активно налаживают связи на Востоке королевства, намереваясь так же вступить в брак с местным тэрром. По нашей информации, связь между этим тэрром и эльфами уже давно и плодотворно существует. К сожалению, мы точно не знаем на каких основаниях, но она есть. Наши агенты никогда не ошибаются.

Воль забыл как дышать.

Какого хрена только что сказал этот ублюдок?

Нет, Воль знал про игрища Востока с эльфами из Великого леса, но ведь убийство принцессы должно было перечеркнуть сотрудничество, обозлить аристократию по обе стороны от границы!

Ведь Страж Востока поручился своей головой, что тайный вояж эльфийской принцессы пройдет без малейших угроз.

Разве на месте резни не нашли человеческих следов?!

Разве тайность перевозки не должна была поставить Стража Востока в число первых подозреваемых?!

— Позвольте спросить, а откуда у вас эта информация? — принц как мог изображал из себя равнодушного слушателя.

А внутри него горело пламя ярости.

Если остроухий не лжет, то убийство принцессы ничуть не изменило планы эльфов.

Они лишь скорректировали их, выбрав для женитьбы Дом поменьше — не королевский, а тэррский.

— Наши шпионы никогда не ошибаются, — с гордостью произнес посол дроу. — Если вам необходимы доказательства, то я обращусь к своему монарху, чтобы шпионы прибыли к вам на аудиенцию и как верные подданные сообщили все, что им известно об этих коварных заговорщиках...

— Благодарю, в этом нет нужды, посол, — произнес Воль. — Но, уверен, что правитель народа дроу не откажет мне в маленькой любезности.

— Все, что будет в его силах, милорд...

Конечно.

Ради того, чтобы выбраться с Темных Островов, их монарх собственную душу заложит.

— Уверен, что приезд сюда ваших шпионов отвлечет их от важных дел, — заявил Воль. — Все же, коварство лесных эльфов не знает границ, — думай, ублюдок, что я точно так же, как и ты, ненавижу выроdkов из Великого Леса. — Мне будет достаточно и информации от них. Уверен, что мой будущий тесть проверит ее и предоставит в кратчайшие сроки. Хотелось бы знать о кознях лесных эльфов перед моей коронации. Думаю, вы понимаете, что я намерен сделать с ними в случае, если информация в самом деле не исказилась при передаче от шпионов к вашему монарху?

— Конечно, милорд, — дроу уважительно поклонился.

Дроу в восторге от того, что кто-то прольет кровь их лесных сородичей. Грязные животные, которые наслаждаются бойней друг друга. Ну, ничего, скоро у вас появится подобная возможность.

— Могу ли я быть чем-то полезен еще?

— Мой друг, — Воль едва удержал себя от того, чтобы не плюнуть в лицо ублюдку после этих слов, — я польщен вашей готовностью служить мне и королевству. Но, думаю, мы можем пока обойтись и без того, чтобы отрывать вас от имеющихся у вас несомненно важных дел. Обещаю, если вы будете мне нужны, я непременно пошлю к вам самого расторопного гонца.

«А лучше бы — убийцу. К каждому из вас, выродки», — подумал Воль.

Они еще некоторое время обменивались любезностями, после чего посол покинул Тронный зал.

Будущий Тридцать Первый Король обратился к Краскону, стоящему у основания его трона.

Кроме Белого Клинка и десятка доверенных стражников, которые даже под пытками не выдадут того, что слышали, в помещении никого не было.

— Как обстоят дела с комплектованием Белых Клинков, Лорд-Защитник? — спросил он

у Краскона.

Мужчина, не прогадавший в нужный момент, повернулся так, чтобы смотреть прямоком в лицо своего будущего короля.

— Мы проводим отбор кандидатов, милорд, — спокойным тоном произнес он. — Новые Белые Клинки будут лучше старых. Но нужно еще немного времени, чтобы выбрать самых достойных.

— Следует поспешить, мой друг, — а вот по отношению к старому вояке Воль не вкладывал лжи в свои слова.

— Я сделаю все, что в моих силах, господин, — и Краскон прекрасно отдает себе отчет, что его будущий монарх знает, что новый Лорд-Защитник сдержит свое слово и из кожи вон вылезет, но приказ исполнит.

— Не сомневаюсь в этом, Лорд-Защитник, — Воль покатал по руке миниатюрный огненный шарик. — Убийц старых Белых Клинков так и не нашли?

— Перетрясли весь Квартал Нищих, милорд, — сказал Краскон то, что Воль и сам знал. — Все подозрительные зверолоуды доставлены в темницы. Сейчас с ними работают мастера пыток. Уверен, что вскоре мы узнаем имена и причины убийства моих братьев по оружию.

— Несомненно, — всего лишь игра слов.

Краскон и сам знал имя убийцы этих юнцов.

Лицо того, кто отправил недостойных в мир иной, Краскон каждый день мог видеть в зеркале.

— Однако, белые Клинки должны быть сформированы и опробованы в деле к моей коронации, Лорд-Защитник, — предупредил Воль. — Мне предстоит путешествие на Восток.

— Как вам буде угодно, милорд.

Ну естественно, как же иначе?

Коронация уже через неделю.

Да и то, лишь по причине того, что для этого мероприятия должны собраться аристократы со всех концов людского королевства.

Проблему со Стражем Востока он может решить сразу же после коронации.

Но вот суть эльфийского вмешательства...

Нет, для этого придется наведаться на Восток лично.

Воль сжал кулак, и огненный шар растворился в руке.

Значит, зверолоуды в темницах...

Прекрасно.

Никто и не заметит, что часть из них пропадет.

Но все это послужит архиважному государственному делу.

Пока все идет своим чередом.

Фратер покачал головой.

— Не думаю, что эльфы решили заглянуть в таверну только для того, чтобы украсть ваше имущество.

Практик, посмотрев на мерцающий тусклым огнем клинок, спустился по лестнице, подошел к оброненным на пол ножнам и вернул оружие на место.

Практически сразу с этим сияние его глаз пропало.

— Конечно нет, — произнес он. — Я думаю, что явились как раз те эльфы, за которых нас принял хозяин таверны.

Паладин бросил взгляд на пока еще теплое тело указанного человека.

Посмотрел на Слугу, который уже перезарядил арбалет.

И хоть держал его направленным в сторону от присутствующих, но кто как не Паладин знал с какой легкостью раб может исправить это?

— Хозяин таверны ожидал прибытия эльфов-контрабандистов, — произнес Практик, подходя к сложенным на столе вещам, изъятым из подпола. — Очевидно, на случай непредвиденных обстоятельств у него имелся специалист по обращению с эльфийскими ножами, которого он заранее накачивал укрепляющими зельями.

— Толстяк принял вас за своих клиентов, отправился поглядеть на товар, понял, что ошибся и решил избавиться, — подытожил Паладин.

— Ага, — кивнул Практик, разглядывая эльфийскую кольчугу. — Уж не знаю что он на наш счет подумал, но по старой доброй традиции: «Нет тела — нет дела», решил тихонько прикончить. Пока мы занимались здесь обыском и допросом, его настоящие дружки добрались до таверны, увидели погром на втором этаже, забрались туда, увидели оружие, прислушались к разговору...

Глеб за молчал, отложив кольчугу в сторону и принявшись разглядывать кошель с монетами.

— А когда поняли, что к чему здесь происходит, то решили избавиться от свидетеля, — подытожил Паладин.

— Угу, — кивнул головой Глеб. — Итого, в таверне четыре трупа. И четыре человека, которые отметились в резне...

Паладин деликатно кашлянул, убирая саблю в ножны.

— Милорд, ваша рабыня не совсем человек, — напомнил он. — Точнее — совсем не человек...

— Да и хрен с ней, — махнул рукой Практик. — Фратер, вы понимаете что здесь вообще происходит?

Паладин открыл было рот, чтобы выдать что-нибудь банальное, вроде: «Очень странные дела творятся на Востоке», но увидев в глазах Практика растерянность и холодную уверенность, лишь покачал головой.

— Ума не приложу, как в одной крошечной таверне может происходить что-то подобного уровня, — признался он. — Вывоз древних артефактов из Гиблых Земель. Контрабандная торговля с эльфами. Переделка эльфийского оружия под людское использование... Как это вообще может быть связано друг с другом?

— Не знаю, — тихо ответил Практик.

— Сомневаюсь, — негромко возразил Паладин.

Молодой мужчина, что долей секунды назад отвел взгляд от собеседника, вернул его, посмотрев Шовелю прямо в глаза.

— Вы на что намекаете? — в его голосе послышалась неприкрытая угроза.

От взгляда Фратера не укрылось и то, что правая рука Практика легла на рукоять колдовского меча.

Эльфийская лучница в тот же момент воспользовалась своим оружием и теперь стрела была готова сорваться с тетивы.

И наконецник смотрел напрямиком в горло Слуги.

Который (вот сюрприз!) не успел среагировать.

«А девица-то быстра, когда того хочет», — подумал про себя Паладин Бога Виноделия.

— Не нужно хвататься за оружие, — Фратер, памятуя о наказе своего покровителя, а так же припоминая поросшие небылицами легенды о прислужниках демонов прошлого, решил не обострять ситуацию.

Может паренек в самом деле не лучший из фехтовальщиков, но здравый смысл подсказывал Шовелю, что с колдовством загробного мира шутить не стоит.

И уж тем более — нарываться на конфликт на ровном месте.

Лучше всем выпустить пар.

История, которая должна была закончиться обычной раздачей плетей хозяину таверны и его пособникам, превратилась в кровавую бойню, обросшую секретами почище, чем прошлое самого Фратера.

— Не думаю, что стоит разговаривать безоружным с тем, кто мастерски владеет своей кривой ковырялкой, — ответил Глеб.

Фратеру потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что речь идет о его вилоской сабле.

— Давайте все упростим, — предложил он, демонстрируя открытые руки. — Я не хочу кровопролития. Нам с вами делить нечего. Предлагаю лишь прояснить ситуацию. Если позволите, то я уберу оружие — если вам так будет спокойнее.

— Да наплевать, — по голосу Практика можно было сказать, что он в самом деле уверен, что может справиться с Фратером. — Будет нужно — я всю деревню вырежу и не вспотею.

Тогда чего выпендривался насчет безоружности и мастерства фехтования Паладина?

Незрелая какая-то у него позиция для переговоров.

А вот в обещание умертвить всех жителей деревни Паалдин почему-то верил безоговорочно.

— Как вам будет угодно, — натянуто улыбнулся Фратер. — Слуга, — обратился он к рабу, — убери арбалет. А еще лучше разряди его, чтобы у наших друзей не было повода волноваться в наших намерениях.

Ирония жизни.

Только что они делали общее дело, а сейчас готовы перебить друг друга, если кто-то некстати чихнет или испортит воздух.

Паренек, несмотря на то, что является представителем рода, с которым воевал весь Аурхейм, явно чувствует себя не в своей тарелке.

Большим доверием не отличается, что уже хорошо.

Доверчивые люди в Аурхейме довольно быстро оказываются в канавах с перерезанным горлом или дырой в спине.

Фратер всерьез раздумывал над тем, что слова покойного хозяина трактира были правдой.

Глеб явно не из местных.

И что-то Шовеля брали сомнения на предмет того, что родиной этому парню в принципе являлся хоть один уголок королевства людей.

Мог ли он, как и сам Паладин Бога Виноделия, быть выходцем земель из-за Штормового Моря?

Тоже маловероятно.

Что бы не говорил Паладин, таких тканей и такого покроя одежды он не видел даже в самых экзотических местах Аурхейма, куда его заносила судьба и приключения.

Впрочем, мир огромен...

Ходят легенды, что где-то далеко на востоке за Великим Лесом, если пересечь Бескрайнее Море, есть Старые Земли, откуда, по преданиям, пришли все расы Аурхейма.

Правда, поговаривают, что там давным-давно все выжжено, уничтожено, обращено в пепел, а ночами слышно как стонет от нескончаемых ран сама земля, проклятая древними колдунами и растерзанная в ходе воин, о которых никто из живущих не то, что не помнит, но никогда даже краем уха не слышал ничего определенного.

Но то все сказки, которыми пугают маленьких детей, вещая им про чудищ, что утаскивают по ночам непосед и уволакивают их далеко-далеко за Бескрайнее Море, чтобы там полакомиться нежными косточками вредин.

Фратер лично не знал никого, кто побывал бы там, или хотя бы пересек Бескрайнее Море..

И даже у его знакомых не было знакомых, у кого были бы знакомые, которые слышали от дальних знакомых своих знакомых хоть что-то о том, существуют ли Старые Земли на самом деле, или же они являются выдумкой.

Так или иначе, но появление Практика здесь и сейчас, произошедшее в таверне — отнюдь не совпадения.

Об этом Фратер и высказался.

Глеб, убрав руку со своего дьявольского меча, что-то скомандовал своей эльфийской рабыне.

Та, продержав все это время бедного Слугу, который имел мужество не обмочиться, под прицелом лука, опустила свое оружие.

Но, в отличие от раба Шовеля, не отложила лук и наложенную стрелу в сторону.

Нервная она какая-то.

— Все же — совпадение, — произнес Практик, кивнув головой в сторону рабыни. — Никто, кроме нас двоих, не знал о том, что мы вломимся в эту деревню, в этот трактир и будем пытаться продать эльфийское барахло.

— Как знаете, — Фратер же считал, что с ним не откровенны.

Собственно, оно и правильно.

Он бы тоже не стал рассказывать о своем прошлом человеку, которого знает первый день.

Даже если б тот спас ему жизнь.

Даже если б он поставил лучшее вино на свете.

Впрочем, насчет последнего не точно, но...

— Так или иначе, но нам следует уходить, — произнес Глеб.

— Вас никто не держит, — пожал плечами Фратер.

— Нам всем, — с нажимом произнес Практик. — То, что произошло здесь — бросает тень на каждого, кто присутствует в этой комнате.

— Милорд, — вежливо улыбнулся Паладин, сознательно блефуя, — мы в своем праве. Нас пытались отравить или одурманить, — он указал на столик, за которым сидел вместе со Слугой, перед тем, как все началось. — Божественная Чаша предупредила меня о скверном характере поданного напитка. Вас же пытались убить и ограбить — почти наверняка. Право мести...

— Я очень сомневаюсь в том, что местные поверят в рассказ о том, что те четверо пытались причинить нам вред, — возразил Практик. — Да и к тому же, что мы предъявим в качестве доказательств их намерений? Древние артефакты? — он постучал пальцем по боевым топорам гномов. — Или эльфийские зелья? Может быть мешок с деньгами, которых, как мне кажется, достаточно, чтобы купить всю эту деревню...?

«И всех крестьян, вместе с их скотом, лачугами, детьми и потомками вплоть до третьего колена», — мысленно добавил Паладин.

Все же три золотые и двадцать серебряных монет — это очень солидная сумма, а на медяки можно прожить несколько недель.

— В одном из трупов наверху — раны от вашего меча, — продолжал Глеб, смотря Фратеру прямо в глаза.

— Я не орудую мечами, — поправил Паладин. — Вилосская сабля легче, острее, более смертоносна в руках конного и...

Он замолчал, видя на лице мальчишки смятение.

Да, это именно что мальчишка.

Взрослый, вполне себе развитый молодой человек, но ведет себя словно ребенок, который никогда не сталкивался с трудностями жизни в Аурхейме.

Да и вообще не знакомый с местными реалиями.

Откуда ж ты взялся, Глеб, Практик, который из кожи лезет вон, чтобы доказать Шовелю, что тот просто обязан отправиться вместе с ним.

Паладин повидал на своем веку немало людей и представителей других рас в разных концах Аурхейма.

И теперь он с уверенностью мог сказать, что как бы этот парнишка не стал приспешником демонов, он явно не так опасен, как хочет казаться.

Мечом владеть не умеет.

Копьем или саблей — уж тем более.

Про щит или боевой топор, палицу или булаву вообще не стоит даже думать.

Он не обучен бою — а значит он явно не благородного происхождения.

Ни один аристократ, даже имея нежеланного бастарда, не стал бы так откровенно игнорировать обучение своего потомка.

Даже младших и хилых учат хоть чему-то.

Наследник или просто член знатного рода по мужской линии обязан быть сведущим в воинской науке.

Позор в схватке — позор рода, позор фамилии.

Даже если он маг, и его сила позволяет уничтожать целые отряды обычных воинов, это не повод махнуть рукой на общие и базовые науки, которые мужчина впитывает с молоком матери.

Не говоря уже о том, что любой законорожденный сын господина — а в большинстве случаев именно так появляются на свет новые маги в королевстве людей — не стерпел бы, чтобы в его присутствии Паладин тыкал пальцами.

И никогда бы не передал «рассмотреть» трофейное оружие.

Да как минимум знал бы где искать клеймо!

Это же элементарщина!

Да, тут скорее стоит сказать, что простолюдин, какой-нибудь сын землепашца или хлебороба, может не знать с какой стороны подступиться к боевому коню или оружию.

Если уж так случилось, что у простолюдина проявилась магия, то он уж точно не будет скитаться сам по себе.

Практически всегда таких самородков находят аристократы, владеющие землей, на которой появился маг-простолюдин, чтобы взять их на службу и связать клятвой верности.

Любой маг — это элитный воин.

Сильный может войти в копые дворянина — элитный отряд рыцарей, ближний круг воинов.

Слабый — будет стаптывать сапоги в замке, заряжая накопители или артефакты, работая целителем или еще кем-нибудь.

Но уж точно не станет скитаться.

А самое главное — даже самый распоследний босяк будет точно знать как общаться с крестьянами.

И маловероятно, что у него под рукой будет эльфийская воительница.

— Фратер, послушайте...

Паладин поднял руку, прерывая своего собеседника.

В отличие от него, Шовель имел благородное происхождение.

Пусть и вычеркнут из списков рода.

Пусть и не из этих краев, но все же.

Этот мальчик ему не ровня.

Но и надменно вести себя с ним Паладин тоже не собирался.

Еще пару часов назад он бы спокойно проигнорировал слова и самого Глеба, продолжая заниматься своими делами.

Но сейчас у него есть миссия.

Порученная самим Богом!

И, кажется, Фратер начинал понимать чего именно хочет его духовный наставник и защитник.

Мальчишка явно обладает магией Практиков — позеленевший меч, исходившие от него колебания, вспышки в глазах — все, как прописано в легендах.

И этот мальчишка одинок.

Он ничего не смыслит в делах, в военном искусстве.

Да и наверняка раздувает пух, говоря о своем магическом превосходстве.

Нет, явно у него что-то есть убойное в магическом арсенале.

Но в нем нет мужского стержня.

Он словно заблудшая душа...

Скорее всего Бог Виноделия решил приобщить молодого Практика к своей вере.

Даже слабенький Практик, необученный и неприспособленный к жизни в Аурхейме, может здорово помочь Богу.

В чем бы эта помощь не заключалась.

— Теперь говорить буду я, — объявил Фратер. — Вы — явно не господских кровей. Вы ничего не смыслите в военном искусстве. Вы не из здешних краев. А еще вы — Практик. На этих землях подобного не любят. Как и эльфов, — он ткнул пальцем в лучницу. — И ваши доводы, что все пойдет наперекосяк, как только деревня протрезвеет, имеют вполне себе простую подоплеку. Сейчас, когда здесь куча трупов, вам просто так не разойтись с местными. Даже благородного вы как следует не сможете разыграть. Поэтому вы все настойчиво предлагаете мне обратиться отсюда — вы ничего не знаете об этой местности. И

вам нужен провожатый. А раз я помог вам, раз я ввязался в происходящее вместе с вами, вы думаете, что меня будет легко замотивировать отправиться с вами туда, куда вы хотите попасть. А хотите вы, судя по тому как расспрашивали бедолагу, — он кивнул головой в сторону мертвеца, — явно в Гиблые Земли. И хотите, чтобы я и Слуга отправились с вами. Все верно сказал?

— Допустим, — прищурился Практик.

— Так, а зачем мне это делать? — развел руками Фратер. — Я — Паладин. Цель моей жизни — путешествия, познания нового. Я — глаза и уши моего Бога в мире смертных. Почему я должен менять свои планы и отправляться с вами туда, где хочется быть вам, но не мне? Вы-то, может быть, и выживете в Гиблых Землях, — он ткнул пальцем в меч Практика, — с этим-то уж наверняка. Думаю, у него немало секретов, о которых вы молчите. Но я и Слуга в Гиблых Землях мало того, что будем мишенями и лакомой добычей для нежити, так еще и ваша парочка — не самые спокойные попутчики. Ее, он указал на лучницу, — убьют сразу же, когда разберутся, что вы не благородных кровей, а значит по всем законам, не можете иметь рабыню. Вас же прикончат потому что вы не той крови, которую почитают в этом королевстве. Зачем я должен рисковать собой? Золото, — он посмотрел на мешок с деньгами, — можете даже не предлагать. У меня его достаточно для моего путешествия. Если закончится — я всегда заработаю еще. Поэтому, повторю свой вопрос: ради чего я должен связываться с вами, проблемными, и рисковать собой?

То, что он и сам не особо привечается местными церковниками в королевстве людей (как и представители любой другой религии), Фратер благоразумно умолчал.

О себе он старался говорить как можно меньше.

Потому что его задача — расположить к себе паренька.

Который явно отчаялся.

Судя по всему, его рабыня — явно хреновый проводник и воин.

И ему нужен кто-нибудь понадежнее.

Ради того, чтобы подтолкнуть мальчишку уговорить себя на составление компании, Фратер вновь в разговоре переключился на уважительный тон.

Главное — расположить к себе.

Заставить его самого попросить о помощи.

Тогда он будет чувствовать себя обязанным.

И можно будет понемногу начать его обработку.

Для Шовеля это идеальный шанс на то, чтобы выполнить божественное поручение.

Каждая миссия, совершенная во имя воли Бога Виноделия — это списание старых грехов.

Коиx накопилось отнюдь немало.

— Закончили? — поинтересовался Практик.

— Пока — да, — все так же вежливо улыбнулся Паладин.

— Вы правы, — неожиданно ответил Глеб. — Мне в самом деле нужно в Гиблые Земли.

В этом Фратер почти не сомневался.

Но он думал, что мальчишка начнет отпираться, выдумывать что-то.

Ан нет.

Видать совсем отчаялся, раз решил рубить правду.

— Это я уже понял.

— Хотите вы того, или же нет, но вы пойдете туда со мной, — твердо произнес Глеб.

— С чего бы это? — улыбнулся Фратер. — «Путь мой — дорога бесконечная. И выбираю направление я по зову сердечному»...

— Песня — говно, — произнес Практик. — И поете вы ужасно.

— Так же, как и вы — сражаетесь.

— Все мы не без греха, — хмыкнул парнишка. — Но, раз вы спросили — я отвечу на вопрос.

— Который из? — полюбопытствовал Шовель.

— Почему вы пойдете со мной в Гиблые Земли, — пояснил Практик.

— На всякий случай предупрежу, что если вы попробуете применить ко мне какую-то свою магию, то мой Бог узнает об этом, — предупредил Шовель. — И если убьете — он обрушится на вас всей силой своего гнева. Так же, думаю, он будет недоволен тем, если вы попробуете подчинить мою душу, как вы обещали бедному хозяину трактира.

Правда, достоверно этого не знал.

Не приходилось как-то проверять.

— Да вы и сами знаете ответ на свой вопрос, — вернул ему улыбку Практик. — Вы пойдете со мной ровно по той же причине, по которой до сих пор не попытались убить, пленить или позвать на помощь. По той же, по которой пытаетесь навязать мне вымаливание вашей помощи. По которой улыбаетесь и стараетесь быть полезным на каждом шагу, хоть от вас этого и не требуют.

Улыбка медленно сползла с лица Паладина.

— Не ошибусь, если ваш Бог решил затащить меня в свою паству, — хмыкнул Глеб. — Или, как минимум — проследить за мной, узнать о мои намерениях. Ну, чтобы в случае чего купировать угрозу. Повторения прошлой заварушки никто не хочет. А потому попросил вас быть максимально обходительным и учтивым, оказывать посильную помощь. Как раз на такой случай. Не думаю, что вы окажете своему богу в такой милости.

Фратер хмыкнул.

Ладно, пусть этот паренек не воин, но ум его остер.

Или же он невероятно догадлив.

— Судя по молчанию, мое предположение верно, — сказал Практик.

— Допустим, что вы угадали, — нехотя признался Фратер. — И что с того?

— А то, что невероятным стечением судьбы вы и я оказались замешаны в историю с попытками эльфов получить под свой контроль реликты Последней Войны, — произнес Практик. — Раз уж ваш Бог решил приглядеть за мной, то он точно не хочет повторения прошлого. Я могу поспорить на эти боевые топоры, — Практик положил ладонь на оружие гномов-берсерков, — что как минимум эльфы задумали недоброе. И люди тоже. Одним нужно магическое оружие. Другим — оружие, которое превосходит человеческое. Пусть я и не из здешних мест, но чую своим богатым внутренним миром, что очень скоро здесь полыхнет что-то очень и очень серьезное. Уверен, что вашему Богу не очень захочется наблюдать за тем, как Аурхейм полыхает в очередной разрушительной войне. Судя по тому, что вы вмешались в мой конфликт с хозяином этого притона, то вам не безразличны судьбы тех невинных, что пострадают в случае войны. Я же, добравшись до Гиблых Земель, могу хотя бы попытаться разобраться в том, что там происходит. Думаю, ваш Бог хочет примерно этого же. Мертвые существа вино не употребляют. А вот чем больше выживет — тем больше возможностей для того, чтобы вы и дальше продолжали свое паломничество. Уверен, что у него куда как более серьезные цели, чем вы назвали.

«Честно говоря — богу вообще плевать на этот континент», — подумал Фратер. — «Его паства за Штормовым Морем».

Но ради выполнения божественного задания, можно и промолчать, сделав вид, будто это так.

Тем более, что Священная Чаша...

«Соглашайся», — этот голос внутри головы ни с чем не перепутать. — «И глаз с него не спускай».

— Хорошо, — сказал он. — Я отправлюсь с вами. Но лишь для того, чтобы...

Фратер замолчал, видя, как улыбается Практик.

— Божественная смс-ка получена? — поинтересовался он.

— Я не понимаю ваших колдовских слов, — признался Фратер. — Но, мой Бог благословил этот поход на Север. Так и быть — я помогу вам достичь Гиблых Земель и разузнать что там происходит.

А еще, быть может, получится разжиться парой-тройкой гномьих артефактов, вроде этих боевых топоров.

Эх, подумать только, сколько бочек гномьей медовухи можно получить в обмен на их реликвии...

— В таком случае, — заявил Практик, — умаю, нам пора собирать все, что тут есть ценного и выдвигаться. Думаю, вы не будете против того, чтобы трофеи остались при мне. Право мести и все такое.

— Я бы не отказался от парочки гномьих топоров в качестве уплаты за свою помощь, — закинул удочку Фратер.

— Считайте это неприлично щедрым авансом, — хмыкнул Практик, протягивая ему один из топоров. — Второй получите по завершению нашей миссии. А возможно, что и нечто большее.

— Надеюсь, это «большее» не будет надгробным камнем на моей могиле, — хмыкнул Фратер.

На языке вертелась подходящая этому моменту песенка...

— Не переживайте, — натянуто улыбнулся Практик. — В крайнем случае превращу вас в боевую нежить.

И как-то резко не до музыки стало...

Когда-то это место, расположенное в самом сердце Крепости, использовалось для создания самых могущественных заклинаний, доступных человечеству по воле богов.

Даже название — Зал Жизни — подходило этому просторному помещению как никакое другое.

Древние колдуны умели правильно и точно называть свои сосредоточия силы, отражая их суть в коротких лаконичных названиях.

Упрятанный далеко под основными уровнями постройки, Зал Жизни являлся сосредоточием всей магической мощи, которую вложили строители — древние колдуны — в это место.

Каждый каменный блок фундамента, на котором покоились части Крепости, пропитан магией.

Каждая стена, потолок, пол — все покрыто высеченными в камне петроглифами и витиеватыми узорами магических кругов и пентаграмм.

Прошли тысячи лет, и это место было забыто.

Нет, здесь не обрушились коридоры, ведущие в самое сердце Крепости.

В ней вообще ничего толком не могло быть разрушено — древняя магия сохраняла Крепость в первозданном виде долгие годы.

И будет сберегать ее еще столько же — пока не иссякнет магия, питающая заклинания.

А она — не иссякнет никогда.

Цемент, связывающий эти камни в единую магическую структуру — это кровь и костяной порошок магов, принесенных в жертву ради создания великого строения, призванного стать сосредоточием человеческой власти и величия в Аурхейме.

Зал Жизни оказался не нужен и забыт после того, как были побеждены и уничтожены Практики вместе с их демоническими хозяевами.

Разрушительное колдовство, которое использовали для этого древние люди, более не требовалось.

А без могущественного Дара магии, пройти сюда было невозможно.

Лишь тот, кто обладал могуществом древних колдунов, мог разобраться в хитросплетениях коридоров и галерей, шагнуть туда, где находились скрытые проходы.

Спускаться сюда — словно обращаться к истории, которая давным-давно забыта неучами и глупцами.

Они победили Практиков.

Но они проиграли Практикам.

Человеческих магов стали бояться, а потому, мало-помалу, Зал Жизни утратил свое значение.

На протяжении сотен лет здесь не создадут ни одного образца великолепного и устрашающего оружия, рассекающего плоть с той же легкостью, как будто вместо нее ветер.

Отсюда не вынесут артефакты, благодаря которым можно уничтожать города и превращать леса в пустыни.

Потому что те, кто пришли на смену древним колдунам, оказались слабее своих предшественников.

Воль знал всю историю падения величия человеческой расы.

И сейчас, когда он шагал по древним ступеням во мрак, разгоняемый лишь тусклыми магическими светильниками, ведомое лишь ему одному прошлое собственной расы всколыхнулось в памяти.

Он словно вновь перенесся в анклав, в котором провел большую часть времени своего «путешествия за Штормовое Море».

Снова стал учеником, который постигал искусство древнего колдовства, впитывая вместе с тайнами прошлого еще и мудрость веков.

Уничтожение Практиков не просто так называли Последней Войной.

Расы, населяющие Аурхейм, воевали после ее завершения.

Союзники превратились во врагов, стремясь установить новый порядок на руинах старого мира.

Тогда-то и погибли практически все древние человеческие колдуны.

А те, что остались живы, бежали, намереваясь однажды вернуть то, что сами по большой глупости, польстившись на лживые речи эльфов, уничтожили.

Воль спускался, ощущая, как древняя магия взывает к нему.

Заклятья, обладающие зачатками собственных разумов, отзывались на пришествие того, кто мог ими воспользоваться.

Они соскучились за столетия вынужденного простоя.

И вскоре для них найдется применение.

Достаточно дождаться коронации, а потом...

Воль спустился к основанию Зала Жизни.

Просторное куполообразное помещение, точная копия Тронного Зала на верхних уровнях, за тем лишь исключением, что здесь не было трона, не было людей, вентиляционных окон, которые использовались столетиями для шпионажа за происходящем на аудиенциях у короля.

Воль щелкнул пальцами и петроглифы ожили, наполняясь светом заложенной в них магии.

Взгляд уже не принца, но еще не короля, скользнул по массивным каменным постаментам, созданным для кровавых ритуалов.

Каждый из них хранил в себе древнее волшебство, которым он намеревался воспользоваться.

Купол Жертвоприношений — это сердце Зала Жизни.

Именно сюда доставлялись нескончаемые потоки тех, кто добровольно (и не совсем) принес себя в жертву ради величия людей.

Их перемещали сюда непосредственно из Зала Отбора...

Того самого, который теперь зовется Тронным Залом.

Воль Де Мар позволил себе улыбнуться.

Как же это забавно...

Спустя столько лет, помещение, предназначенное для отбора жертв превратилось в место, символизирующее власть человечества.

Там, где прежде собирались неприкаянные для последующей бойни, сейчас решаются дела государственной важности.

Скучно и иронично одновременно.

Интересно, при каком Короле люди забыли о том, для чего на самом деле была создана Крепость и в чем ее истинное предназначение?

Так или иначе, но он возродит человеческое величие.

Напомнит тварям, кто на самом деле хозяин Аурхейма.

Кто заплатил наибольшую цену за то, чтобы избавить мир от самых ужасных тварей, само существование которых — это бельмо на глазу всего, что сделал Создатель.

Посреди обширной залы виднелся клин ослепительно-белого камня, на котором покоилась гранитная плита, совершенно гладкая, если не считать небольших продольных желобков, ведущих к небольшому углублению в одном из углов наклонной плиты.

Если присмотреться, то каналы складывались в особый магический рисунок, который повторял контуры человеческого тела.

Эта плита стала местом смерти и величия огромного количества живых существ в прошлом, и была несправедливо забыта.

Пришло время восстановить справедливость и воздать алтарю должное, чтобы все случилось.

Ее поддерживали два низких рифленых пьедестала.

Позади стоял блестящий каменный обелиск, служащий опорой старинной металлической чаше, покрытой барельефами фантастических зверей, как бы поддерживавших круглое дно.

На железной крышке, тоже сделанной в форме полусферы, стоял на задних лапах лишь один зверь — дракон.

Существо, чей род, возможно последний из всего необъятного сообщества магических тварей, что населяли Аурхейм до Последней Войны.

И пусть их периодически наблюдают в разных концах мира, драконы, в отличие от людей, не забывают прошлого.

Они прекрасно помнят, как магические существа стали оружием с обеих сторон конфликта.

И предпочитают селиться там, где до них не доберутся загребущие руки искателей приключений, магов или какого-либо отребья.

Воль взялся за дракона, служившего ручкой к чаше.

Вся поверхность металла, как крышки, так и самой емкости, была испещрена сложными геометрическими фигурами — наследием древнего величия.

Внутри, как и ожидалось, было пусто.

Но это не на долго.

Улыбнувшись своим думам, последний из рода Де Мар отложил крышку в сторону и приступил к приготовлениям.

Они не заняли много времени — всего-то достать из тайника древние магические инструменты и закрыть одежду кожаным фартуком, выполненным, кстати говоря, из кожи дракона.

Рассовав по миниатюрным кармашкам инструменты, он открылся древней магии, напитывая ей гранитную плиту.

Воль не боялся быть уличенным в использовании магии и пробуждении Зала Жизни.

Древние маги позаботились о том, чтобы это место было скрыто от глаз и чувств любого, кто так или иначе способен направлять магию.

Даже боги — и те слепы здесь.

Да и бессильны.

Могущество древних магов настолько велико, что даже лучшие из лучших им не равня.

Последним этапом приготовления перед сеансом связи с повелителем являлось использование телепортации.

Нет, сам мужчина остался в Зале Жизни.

Но теперь он тут был не один.

На гранитной плите появилось тело.

Хрупкое, похожее на человеческое, но не принадлежащее к роду людскому.

Это можно было понять по пушистому хвосту и точащим из волос звериным ушкам.

— Какой сюрприз, — негромко рассмеялся воль, видя, как глаза девушки-зверолюдки расширились от ужаса. — Не стоило тогда тебе убегать от меня.

— П-п-принц? — только и смогла вымолвить та.

А следом она попыталась соскочить с пьедестала, но магия, вложенная в это произведение искусства жертвоприношения, удержала ее на месте.

— Мы еще не закончили, — напомнил Воль, вынимая из кармашка на фартуке тонкий нож.

Инструмент без труда проникал сквозь магические завесы, удерживающие зверолюдку в лежащем положении.

Холодная сталь полосовала одежду, оголяя тело пленницы.

— Зачем вы это делаете?! — жалобно спросила у него девушка. — Если все дело в том, что было, то вам стоило только попросить, и я...

— Ты права, — промурлыкал Воль. — Дело как раз в том, что было. Но не тогда, в Квартале Нищих. Не между тобой и мной. Все началось намного раньше...

— Н-не понимаю, — прошептала девушка.

— А я и не сомневался, — хмыкнул Воль, избавив узницу от рубахи.

Ему открылся вид на покрытые синяками девичьи прелести.

— Ты никогда не задумывалась над тем, откуда берет начало твой род, зверолюдка? — поинтересовался Воль, отбрасывая в сторону рванину и с любопытством посмотрев на девушку.

— М-мама и п-папа любили друг друга...

— Конечно любили, — усмехнулся Воль. — Такова природа взаимоотношения полов. Пусть вы и произошли от животных, инстинкты в вас остались. Культура, которую вы почерпнули от людей, теперь не позволяет вам размножаться как животным, стоя на четвереньках в каких-нибудь кустах. Вы говорите, что любите друг друга... Хотя, должен сказать, что правы те, кто используют твой род для плотских утех — на коленях и локтях вы стоять умеете. Все же звериное из вас ушло лишь в малой доле...

Девушка молчала, вытаращенными глазами наблюдая за тем, как Воль полосует ее исподнее.

— Видишь ли, сейчас об этом не помнят почти, но много-много лет назад, Аурхейм населяло не так много рас, которые существуют сейчас. Люди, эльфы, гномы... Все жили в мире, каждый на своем континенте. Да и не знал никто о существовании друг друга...

Он срезал грубый шов на боковине.

— А потом пришли демоны, — продолжал Воль. — Слышала когда-нибудь про Старые Земли? Нет?! Ну, я тебя не виню. Даже сами эльфы уже толком не упоминают свою родину. Старые Земли — это огромный материк за Бескрайним Морем, где тысячи лет назад жили эльфы. И все у них было прекрасно — пили росу, ели траву, писали радугой, портили воздух с ароматом фиалок и ни о чем не переживали, находясь в лучах благославения своих богов.

Люди тоже жили и не тужили — и у них были свои боги. Гномы, как и сейчас, обитали за Штормовым Морем. И никто никого не трогал. Все наслаждались тем, что им дали боги, изучали магию и выстраивали первые королевства.

Воль перешел на срезание остатков юбки.

— А потом люди познакомились с эльфами. Остроухие — все, что от них осталось, приплыли на наш континент, спасаясь от чумы, которая преследовала их род. Спасались от демонов. Они высадились на Востоке, там, где сейчас Великий Лес, и столкнулись с людьми, — мужчина остановил свой процесс, мечтательно задумавшись. — Эх, скольких бы мы проблем могли избежать, если б мои предки тогда перебили всех длинноухих. Но, — Воль вернулся к процессу раздевания, — случилось то, что случилось. Людями и эльфам удалось договориться и прекратить войну. Несмотря на то, что длинноухих почти всех истребили люди, оба рода даже объединились — потому что людям стало известно, что на Севере высадились демоны. И тогда уже никто из моего рода не считал, будто эльфы рассказывают слезливую историю о неких всемогущих существах, которые истребляли их. Потому что демонам так хотелось и никто не мог помешать. Люди тоже узнали на себе ярость демонов. Наши северные земли оказались подчинены существам из загробного мира, а все население, которое там проживало... Впрочем, об этом чуть позднее.

Наконец, он полностью оголил девушку.

Убрав нож в кармашек, он вынул другой инструмент.

Длинные тонкие иглы, одну из которых закрутил меж пальцев.

— Через какое-то время, пока люди и эльфы воевали против демонов, на наш континент прибыли гномы, которые тоже пострадали от общего врага. Три народа объединили усилия в уничтожении демонов. И довольно сильно преуспели в этом деле — как-никак, а богоизбранные народы. Тогда-то, обмениваясь с другими расами знаниями о магическом мире, люди и стали выбиваться в лидирующие позиции. Потому что, по воле наших богов, мы созданы совершенными. Мы с легкостью усваивали чужую магическую науку, адаптировали ее и улучшали. Это место, — он обвел руками Купол Жертвоприношения. — создали древние колдуны людей. Место изучения чужой магии и совершенствование собственной. Место силы... Но, вернемся к истории. Ты ведь не возражаешь против того, что я тебе это все рассказываю?

Зверолюдка ничего не ответила, лишь дрожала от холода.

И страха.

— Коалиция рас пошла войной на Север, — вернулся к рассказу Воль. — И тогда-то мы столкнулись с Практиками. Знаешь кто это?

— С-слуги демонов, — выдавила из себя девушка.

— Умница, — Воль погладил ее по голове. — Это люди, которые жили на Севере и попали под влияние демонов. И нет, то, что Практики были слугами демонов... Это искаженное представление. Практики — это полководцы, высшие маги и доверенные лица демонов. Видишь ли, мироздание настолько сложная вещь, у которой множество правил и исключений из них. Основной запрет для богов и демонов — лично вмешиваться в происходящее у смертных. Потому-то они и набирают себе последователей, адептов... Ну, по крайней мере теперь, когда все улеглось. А тогда, когда все завертелось, было по другому... Но, это уже не важно.

Воль перешел к следующей части ритуала.

Он расправил ладонь девушки и вогнал в нее магическую спицу.

Зверолюдка только ойкнула, ошеломленно посмотрев на мужчину.

— Да, совершенно не больно, — улыбнулся тот, повторяя операцию с другой ладонью. — Потерпи, скоро все закончится. Так вот, война тогда шла не шуточная. Гибло столько людей, что и чисел таких еще не придумали. Последняя Война в самом деле была последней, когда магия не имела ограничений. Армии уничтожались по щелчку пальцев. Но, если у людей имелись резервы и поддержка, то вот у демонов и Практиков — почти ничего. И тогда-то они начали создавать себе армии. Из пленных эльфов появились дроу. Правда, они появились еще тогда, когда демоны выкашивали длинноухих на Старых Землях и вроде бы как они были первыми попытками создать Практиков, но это уже детали и скорее всего не правда. Из гномов демоны и Практики создали дворфов. Из животных — вас, зверолодов. Да, моя маленькая пушистая самка — твои далекие предки еще несколько тысяч лет назад бегали на четырех лапках по лесам, пока магия Теней не изменила вас. Ох, сколько же тогда все интересного было создано... Орки, гоблины, вампиры, оборотни, драконицы, виверны... Всего и не перечислить, моя маленькая. Объединяет вас лишь одно — вы служили им. Верой, правдой. Но, с помощью наших богов демоны были повержены. Оставались только Практики — но и с ними разделались. С тех пор вы все, — Воль как раз закончил распинать девушку на гранитной плите, — живете среди нас. Дроу, конечно, сбежали на свои Темные Острова, поджав хвосты. Люди, эльфы и гномы перессорились из-за того, что осталось. Длинноухих оттеснили далеко на Восток, где они живут в своей резервации — Великом Лесу. Гномы, которых Последняя Война практически лишила магических родов, убрались восвояси, тоже практически полностью вырезанные людьми. А вот различного рода отродья, оставшиеся после Практиков, расселились среди людей. Не сразу, конечно — это заняло долгие сотни лет. В какие-то моменты вы оказались полезны людям, потому вам разрешили свободно жить среди нас. Память у людей, столь же коротка, как и необъятно их благородство. Так или иначе, но по итогам Последней Войны, именно люди, которые понесли наибольшие потери, оказались в проигрышных позициях. Знаешь почему?

— Н-нет, — зверолодка, несмотря на происходящее с ней, казалось, расслабилась и поверила в то, что с ней ничего не случится.

— А потому что мы были обмануты, — пояснил Воль. — Как я уже сказал — мироздание довольно скверная штука. Там много законов, правил и исключений из них. Но мир — это нечто, что существует в гармонии всех своих частей. Оказалось, что люди сильны не одной лишь милостью своих богов. К сожалению, никто уже точно не знает причину, но стоило избавиться от демонов и Практиков, как наши магические силы... Стали слабеть. Представляешь себе всю иронию ситуации?

Девушка молчала, не зная что сказать.

На ее лице появилось сожаление, растерянность, непонимание того, что вообще происходит...

— Вот так же себя чувствовали древние людские маги, когда родились их потомки, которые оказались слабее их. Все. Каждый мальчик и девочка маг и в подметки не годились своим родителям. Не было той разрушающей силы. Не было возможностей использовать созданные в Последнюю Войну и до нее великие артефакты. Знаешь, что сделали люди? Они обратились к эльфам за разъяснениями. Все же длинноухие живут в разы дольше наших самых великих долгожителей.

— И что ответили эльфы? — спросила девушка тихо-тихо.

Но, казалось, что ее саму заинтересовало то, что она слышит.

Воль ее понимал.

В свое время он прошел через нечто подобное.

Вот только все это сопровождалось еще и болью, которую ему причиняли, испытывая ее тело и дух.

Сейчас же, пусть девушка и являлась осколком наследия древнего врага, Воль испытывал желание выговориться.

Маски, которые он надевал на себя, чтобы произвести нужное ему впечатление на окружающих, дабы заставить их думать о чем угодно, но не о главном, ему уже порядком поднадоели.

Хотелось объясниться...

Хотя бы так.

Одиночки никогда не выживают.

Но еще короче путь тех могущественных созданий, которые откровенничают со своими приближенными.

Урок, который стоил человеческой расе древней магии.

— Пусть все мы черпаем магию из своих божеств, люди в этом деле уникальны, — пояснил Воль, доставая из фартука еще один нож.

Несколько минут он смотрел на утыканную магическими иглами девушку, после чего сделал первый разрез.

Как и прежде, она ничего не почувствовала.

— И кровь не идет, — впечатлилась она.

— Конечно не идет, глупенькая, — Воль снова погладил ее по голове. — Это же древняя магия. Мы, люди, единственный народ, который мог использовать то, что не умеют ни эльфы, ни гномы. Собственно, в этом и была причина, по которой дроу были всего лишь рядовыми, пусть и отменными воинами, а люди стали Практиками — их предводителями. Эльфы используют ту магию, которую принято называть светлой. Нет, ее тоже можно использовать для разрушения — и весьма впечатляющего, надо признать. У гномов магия завязана на элементаристике: они управляют стихиями природы. А вот люди... Люди испокон веков владели всеми этими направлениями. И кое-чем большим. Видишь ли, если разбираться в нашем пантеоне, то можно узнать, что наш бог — он один, Создатель. Творец всего сущего. И мы созданы по его образу и подобию. Гномов и эльфов создавали уже дети нашего Создателя, боги поменьше и послабее.

— А... Как же Семеро?

— Ох эта любимая сказка нашей Церкви, — рассмеялся Воль. — Глупышка. Семеро — это не более чем легенда, которую выдумали несколько древних человеческих колдунов, считавших себя последними в своем роду. Они заимели практически божественные силы и, перед тем, как человечество окончательно одряхлело, скатившись на уровень, когда нас даже остатки эльфов и гномов превосходили по магическим наукам, Семеро и объявили себя богами. Думаю, они и сами поверили в это спустя тысячелетия. Да, они тоже в мире духов, как и другие боги — как эльфийские, так и гномьи. Вроде бы еще какие-то мелкие божки есть, но это просто пыль под ногами. Скажу тебе правду — Семеро это самые отвратительные и мерзкие существа из тех, что есть в нашем пантеоне богов Аурхейма. Настолько отвратные, что связываться с ними — как искупаться в дерьме и всю жизнь есть его ведрами, прихлебывая и прося добавки. Семеро никогда не отзовется на призывы своих почитателей — потому что они узнали правду.

— Какую? — с придыханием спросила девушка.

— Люди — это вершина эволюции творений Единого Бога, — сказал Воль. — Я уже говорил тебе, что мы созданы идеальными. Мы созданы править теми, кто ниже и слабее нас. А так же заботиться о них, пока они служат нам. Потому что мы, люди — это первооснова этого мира. Сперва в Аурхейме появились люди. И, когда Создатель закончил здесь работу, он покинул наш мир, чтобы и дальше творить свои великие дела. А по его следу пришли шакалы — божки поменьше. Они увидели потенциал людей, величие Единого Бога, и создали свои поделки — эльфов и гномов. Из людей создали. Собственно, по этой причине мы и можем скрещиваться. И даже иметь общих детей. Как бы это ни было отвратительно.

— Но почему это плохо? — девушка искренне недоумевала.

— Да потому, моя милая, — Воль закончил резать и отступил на шаг назад, любуясь вырезанными на теле зверолоудки символами, — что из союза человека и представителя другой расы, родится кто угодно, но не человек. Именно поэтому эльфийские боги сделали своих отродий такими манящими и красивыми — чтобы мы спаривались с ними. У божков не так много сил, чтобы создать нечто такое же прекрасное, как это сделал Создатель. Эльфы и гномы живут много лет. Но их мало. Детей у них рождается тоже мало — и со временем они вымрут. А вот плотский союз с людьми позволяет им продолжать свое существование. Сейчас, наверное, самый чистый вид это, как ни странно, дроу, которые меньше всего скрещиваются с другими расами. Впрочем, там тоже не без уродов. Так или иначе, но все расы в Аурхейме, сознательно, или нет, живут, чтобы отнять у людей то единственное, что отличает нас от них. Умение создавать новую жизнь лучше, чем мы сами. Нас медленно истребляют потому что нам завидуют. Нас ненавидят, используют в темную, в надежде, что однажды они смогут стать совершеннее, чем мы. И, не скажу, что у них не получается. Особенно у вас, зверолоудов, и у эльфов... Остальные как-то больше заняты выживанием традиционными способами.

— Не понимаю, — призналась девушка. — Мы ведь не все такие, как вы говорите. Почему вы нас ненавидите?

— Ну что ты, — улыбнулся Воль, проводя по лицу девушки. — Я вас люблю. Люблю использовать. Как инструменты, которыми вы и были созданы. Я и мой повелитель — на пути восстановления того величия людской расы, которое у нас отняли эльфы своей ложью.

— Не понимаю, — девушка разрыдалась.

— Я и не надеялся, — с грустью улыбнулся Воль. — Ты просто глупое дитя, которому не посчастливилось родиться человеком. Твой род был создан. Как люди были созданы единым Богом. Как эльфы и гномы были созданы своими божествами. И вот, после того, как были уничтожены демоны и Практики, в Аурхейме, никто и ничто более не создает новую жизнь, богатую магией. Знаешь, почему?

Девушка просто плакала.

Похоже она стала догадываться, что так просто ее появление в Зале Жизни не закончится.

Что ж, она права.

— Потому что, эльфы, эти длинноухие ублюдки, не рассказали людям главного, вовлекая их в войну против Практиков, — Воль ожесточился. — В отличие от эльфов и гномов, мы, люди, обладали магией Теней. Той стороной волшебного дара, которая позволяла нам творить совершенное, великое, великолепное. Все в этом мире должно иметь

Источник. Истребляя демонов и Практиков, мы не знали, что источник магии Теней — это они. Нас обманули, использовали и, теперь, методично ассимилируют. Десять, двадцать, тридцать, да хоть тысяча поколений пройдет — и человеческий род исчезнет. Так же, как исчезли древние человеческие маги, а вместе с ними — и их сила. Те Семеро, которым поклоняются сейчас люди — это те семь предателей, семь людских королей-магов, которые заключили союз с эльфами. Семеро тварей, которые не видели дальше своего носа и не желали слушать предостережений. Они стали Богами и теперь черпают силу в наших молитвах, не отвечая на наши просьбы. Они эгоистичны, и им плевать на то, что происходит. Все называют их святыми, божествами, не зная о том, что эти семеро — это воплощение всех тех смертных грехов, которые самой же церковью и поощряются. В этом мире все прогнило после того, как мы перестали быть великими. Собственный отец избавился от меня, когда понял, что я не являюсь тем наследником, которым он хотел бы меня видеть. Ему не нравилось, что я ненавижу другие расы, как их ненавидели короли задолго до меня. Пусть я и не знал этого тогда, но сама судьба заставляла меня идти ему наперекор. И все для того, чтобы я оказался за Штормовым Морем. Чтобы я столкнулся с реалиями нашего мира. Чтобы понял, что произошло и что произойдет. Любящий отец, — бывший принц скривился, — даже не поинтересовался куда пропала вся та свита прислужников и охраны, которую он со мной отправил, пока искал своих бастардов мне на замену. Его больше интересовало то, как бы переспать с эльфийкой и получить от нее потомка, которого он так хочет. И плевать ему было на то, что на троне людей будет сидеть уже не человек. Он был так слеп, что даже не замечал очевидного — наш род, людской род, дряхлеет. Эльфы и гномы устали ждать, когда мы сдохнем сами и потихоньку готовятся к тому, чтобы захватить власть и наши плодородные земли, чтобы воспитать своих детей. И я не остановлюсь ни перед чем, чтобы вернуть людям то, что они потеряли. А заодно — избавлю Аурхейм от всего отродья, наследия Последней Войны, которое не захочет служить нам, как когда-то служило Практикам и демонам! И ты — послужишь моей цели, как носительница крупицы магии Теней, которую мне не жаль принести в жертву!

Девушка уже рыдала навзрыд.

Ну, теперь она уже все поняла.

— Глупый народец, — Воль хотел было погладить девушку по щеке, но та попыталась его укусить. — Сидели бы тихо, никого не трогали, не лезли бы в людские дела и жизни — существовать бы вам еще не одну сотню лет. Я не истреблю вас всех — только тех, кто будет перечить мне и не согласится быть слугами в моем королевстве. Вы созданы быть грязью — ей и останетесь. Чем больше вас я лично уничтожу, тем больше магии Теней станет частью меня. Я начал этот процесс за Штормовым Морем. И теперь — продолжаю его. Пусть демоны и Практики уничтожены, но загробный мир — нет. И ты, тебе подобные, послужите мне проводниками в него. А когда стану достаточно могущественным, то подчиню себе Дуар Мар'Тун, все Гиблые Земли и все, что осталось от Практиков. Власть человечества воцарится над Аурхеймом — отныне и навеки.

С этими словами он убрал магический барьер, который отделял пленницу от боли, которую причиняли нанесенные раны.

Он не солгал — древняя магия не причиняла ей вреда.

Это делал он сам.

И сейчас, глядя на кровоточащее тело, истекающее кровью из сотен порезов, Воль негромко читал заклинание.

С тихим шипением кипела кровь, струящаяся по желобкам гранитной плиты, распространяя при этом характерный запах.

Когда он закончил воззвание, настало время принесения даров.

Пусть магический инструмент был разработан не совсем для ритуалов жертвоприношения, а только лишь для разделки темных тварей, созданных магией Теней, Воль не сомневался в своем решении.

Сегодня.

Сегодня наконец наступит ночь, когда он вернется в загробный мир, чтобы вновь зачерпнуть оттуда крупницы магии Теней.

Долгими днями и ночами он готовился к тому, чтобы повернуть время вспять и дать новый виток развитию королевства людей.

Он подумал о том, что сделал с этой хвостатой девчонкой.

Заслуживает ли она того, что сотворено?

Да, без всяких иллюзий.

Не может быть другого варианта — они все либо будут служить людям, либо будут уничтожены.

Таков будет новый порядок, который он воплотит в жизнь, когда придет к власти.

Воль закрыл глаза, с улыбкой представляя это время.

Может быть он просто безумен?

Мысль, подобно ледяной стреле, поразила его в самое сердце.

Повелитель говорил ему, что Воль может сойти с ума, если встанет на этот путь.

Ведь то, что они совершали, пусть и зиждется на древних записях Практиков, не является до конца понятным колдовством.

Но Воль решил рискнуть.

Повелителю потребовалась вся его долгая жизнь, чтобы овладеть теми знаниями, которыми он владеет.

Воль не мог себе позволить медлить.

Ни тогда, когда решил вернуться в королевство, узнав, что отец ищет бастардов и брака с эльфами, чтобы заменить единственного законного наследника на троне новым.

Ни сейчас, когда услужливые, но недалекие дроу сообщили ему, что их лесные собратья решили понизить планку и нацелились на оккупацию Востока.

Никто и ничто не заставит его свернуть с выбранного пути.

Он доберется до Дуар Мар'Туна и узнает секрет восстановления контроля над магией Теней.

Станет ее Повелителем.

Сам станет Практиком.

Без надсмотрщиков в виде демонов.

Но с армией слуг, которые признают его своим господином, или будут уничтожены.

Воль почувствовал колебания магии.

Услышал пронзительные крики зверолодки.

На его лице заиграла широкая улыбка.

Распахнув глаза, он наблюдал за тем, как по желобкам в плите в сторону углубления струится едва заметный зеленоватый дымок.

Он скапливался, превращаясь с совсем уж крохотную сферу бледно-зеленого огня.

— Маловато будет, — со вздохом произнес Воль, усиливая магический напор. — Долго

ждать не в моих интересах.

Тут же из ран девчонки стала хлестать струей горячая липкая кровь, сопровождаемая истошными криками.

Древняя магия не даст ей умереть до тех пор, пока она не отдаст всю магию, какая у нее имеется.

Сфера начала увеличиваться в размерах.

Одновременно с этим интенсивность ее излучения увеличилась.

Воль прерывисто задышал.

Сердце его бешено колотилось.

Час близок.

Уже недолго.

Наконец, сфера полностью сформировалась, заполнив собой предназначенное для этого углубление.

Со стороны лица иссохшей пленницы донесся хрип.

— А я тебя недооценил, — заметил бывший принц.

Воль сделал глубокий вдох и медленно выдохнул воздух, пытаясь справиться с дыханием.

Лицо его сделалось серьезным.

— Подумал, что придется кого-то еще иссушить, но раз хватит только тебя, — мужчина посмотрел на пустую чашу.

— Путешествие не выйдет долгим, — вздохнул он.

Воль чувствовал, как кровь стучит в висках.

Он изо всех сил сдерживал возбуждение, когда коснулся сферы пальцами.

Мягкая и упругая, душа девушки, ее магическая суть была в его руке.

Он мог в любой момент раздавить ее и впитать в себя крупички магии Теней, открывая портал самостоятельно.

Но все же, зачем разрушать ритуал?

Повелитель может и обидеться на то, что он явился без души.

Воля Де Мара захлестнула буря эмоций.

На лице проступила испарина, облачение прилипло к телу.

Пусть это и душа простой девки, она обладала силой, крупичками магии Теней.

Мужчина почувствовал жар, исходивший от зеленоватой жемчужины.

Так соблазнительно забрать все это себе.

Но он не будет этого делать.

Воль положил душу, словно величайшую драгоценность, обратно в углубление, где уже скопился разреженный зеленоватый туман.

Нужно поспешить.

Мужчина начал тихо, нараспев произносить на древнем языке слова заклинаний.

Чары и заклятия наполнили Купол Жертвоприношений.

Уже не принц, но еще и не король почувствовал, как в нем нарастает могущество.

Спина его выгнулась.

Он задрожал, когда древние заклятья вспыхнули ярким многоцветным огнем холодного пламени.

Он произносил слова, одно за другим, в должной последовательности, открывая путь к загробному миру, открывая бездну, темную пустоту.

Руки мужчины взметнулись вверх и вокруг него закружились черные тени.

Громкие завывания наполнили темноту вокруг него ужасом.

Сразу после того, как он начал ощущать преддверие преисподней, он подошел к чаше, преклонил колени, простер к ней руки и опустил голову.

Он говорил на древнем языке слова, которые должны были связать его с духом жертвы.

Быстро произнеся требуемые заклинания, Воль поднялся.

Достав из фартука кривой нож, он всадил его клинок в живот недобитой жертвы.

Прозвучало необходимое заклинание.

Расположив обескровленное тело, он величайшей осторожностью вынул сердце и опустил его в чашу.

Магические символы, на ее краях засветились сильнее.

Символ жизни дарован.

Следом отправил в жертвенник ее матку и яичники.

Символ начала — дарован.

Он обошел плиту и провел рукой над головой девушки.

Верхняя часть черепа вместе с волосами исчезла, явив ему серый с розовым отливом мозг.

Отточенными движениями, человек извлек и его, отправив в чашу.

Символ ума и преданности.

Каждое действие рождается в голове.

Это самая важная часть ритуала.

Закончив, Воль опустил нож в кармашек и погрузил руки в тело жертвы, омывая их остатками животворящей красной жидкости, вытекающей из разрезанных внутренностей.

Затем вынул руки и начертал на своем лице необходимые знаки.

Постоял еще мгновение, ощущая теплоту жидкости, смешавшуюся с потом на его лице.

Кровь капала с его рук, с клинка ножа...

Мужчина был недвижим еще несколько секунд, после чего закрыл глаза, поднял лицо вверх и стал творить заклинания.

Он отчетливо помнил каждое слово и произносил их одно за другим, ровно, без пауз, в нужные моменты размазывая по рукам кровь жертвы.

Обряд продлился несколько секунд.

Прочтя заклинания, Воль Де Мар подошел к чаше и выпустил внутрь магический огонь, сжигая изъятые органы.

Но вместо красно-оранжевых языков пламени, с его рук сорвали бледно-синие потоки колдовского огня.

Он сосредоточился.

Длинные волосы повисли грязными клоچьями.

Лоб прорезали глубокие морщины.

Он встал перед алтарем, держа чашу на вытянутых руках, и сотворил призывающие заклинания.

Опустив чашу, будущий король обвел взглядом Зал Жизни, стараясь разглядеть в его потаенных уголках нечто новое, не принадлежащее этому миру.

Обряд завершен, заклинания произнесены, чары брошены.

На мгновение воцарилась мертвая тишина.

Затем раздался жалобный стон.

Стены задрожали, магические петроглифы вспыхнули все сильнее, после чего он почувствовал рядом с собой присутствие потустороннего существа.

Обернувшись, он увидел бледный призрак зверолодки, на чьем лице застыла гримаса ужаса и боли.

Между ними разверзлась черная, как деготь, дыра, в которую тут же начало втягивать. Несильно, но достаточно настойчиво.

Воль улыбнулся.

Пронизывающие белесые глаза призрака смотрели на него без единой эмоции.

Если б она могла, то разорвала бы его в клочья.

Так же как и призраки его свиты, сопровождавшей его в путешествии за Штормовое Море.

Которую он, на самом деле, пустил под нож ради своего величия, распустив слухи о том, что все они бросили его.

Слухи, которые были сказаны в уши тех, кто передал их отцу, чтобы он окончательно махнул рукой на непутевого сына.

Что тот и сделал, подумав, что Воль окончательно сбился с пути.

Именно после этого Тридцатый Король решил жениться на эльфийской принцессе.

— Проводи меня, дух, — приказал Де Мар призраку.

Искаженное болью лицо согласно кивнуло.

Она не могла противиться чарам и протянула ему руку, изрезанную и утыканную магическими иглами.

Воль, взяв в одну руку жемчужину ее души, второй схватил призрачную ладонь, но его пальцы не прошли сквозь нее.

В этот же момент бело-голубым пламенем вспыхнули желобки на ритуальной плите и тело зверолодки принялось корчиться, сжигаемое колдовским пламенем.

Некроманты не оставляют следов своего великого колдовства.

На мгновение все озарилось ослепительной вспышкой света.

Воль и призрак зверолодки исчезли в черной бездне.

Стены Зала Жизни содрогнулись, магические знаки вспыхнули и погасли, а зияющая дыра в полу, прямой путь в преисподнюю, захлопнулась.

Будущий Тридцать Первый Король людей отправился с дарами к своему покровителю и повелителю.

Я помню как все началось.

Но сложно сказать когда.

Сколько времени по земному прошло с тех пор, как я открыл портал и полез сюда за тем, что все изменит?

Сложно сказать.

Впрочем, это действие не было первоочередным.

Начало — это моя встреча с наставником.

Всего несколько месяцев назад.

Он просто пришел.

По щелчку пальцев появился у меня на кухне в тот момент, когда я смотрел на рассыпавшуюся в прах керамическую кружку.

И ладно бы я ее разбил...

Ох, возможно даже лучше бы просто разбил.

Нет.

Я ее распылил.

Просто возненавидел всей душой.

Потому что она являлась для меня символом предательства.

Банального, коих в жизни бывает явно не один случай на миллион.

Я просто узнал о том, что моя девушка — не моя девушка.

Она просто была со мной, пока у меня были деньги на «шикарную жизнь».

А я... Ну, чего тут скромничать — я просто идиот.

Девятнадцатилетний дурень, который не знал забот и хлопот под сенью папы-предпринимателя и мамы-домохозяйки.

Всегда обласканный, никогда не знающий слова «нет».

А потом родителей не стало — автомобильная катастрофа.

В девятнадцать лет, не имея больше никого из родственников, я получил в наследство несколько десятков миллионов на папиных счетах, хорошую квартиру в спальном районе, загородный домик-дачу, две машины, одна из которых осталась лишь по документам, оплаченную учебу до конца магистратуры, наличность в тумбочке-сейфе...

Ах, ну да.

И небольшую «ооошку» отца, открытую им наполоам с другом семьи вскоре после того, как мне исполнилось девять, и я чудом выжил после операции на позвоночнике после того, как меня сбил какой-то водитель.

А дальше... Закон жанра.

Я тратил деньги, которые были.

Я вступил в наследство.

Жил и кутил, словно каждый день последний.

Банально и глупо — но это понимаешь только сейчас.

Как и то, что девушка, появившаяся в моей жизни и переключившая все внимание на себя, была отнюдь не случайной.

Не приученный к труду я не знал как зарабатываются деньги, потому что просто брал их когда мне было нужно.

Они закончились.

«Любимая» посоветовала продать «ооошку» отца его партнеру, мол, на кой хрен она тебе нужна, ты же даже диплом получаешь лишь бы был и ничего не смыслишь в том, чем занимается отец.

Тогда ее слова звучали разумно.

По бросовым ценам продавалось все, лишь бы кутить.

Как итог — я оказался в комнате в общежитии, с баулом старых вещей, толком без средств к существованию.

И лишь кружка напоминала мне о том, что когда-то была хорошая жизнь.

На пике осознания того, как я низко пал и просрал собственную жизнь, я отчаянно пытался вернуть хотя бы свою «любимую», названивая ей и не получая ответа.

А затем просто узнал о том, что она — внебрачная дочка папиного партнера и работает в той фирме, которую я продал ее папаше по бросовой цене.

И ездит на машине, которую я продал ее отцу.

Единственный в нашем городе сделанный на заказ где-то на Западе внедорожник.

Так я и стоял тупо пялясь в кружку на которой нанесена была наша с ней фотография.

Смотрел на смывающийся при мытье рисунок и понимал, что даже «символ нашей любви» был приобретен за «рубль-двадцать пучок» где-то в подворотне у вокзала, где торгуют ширпотребом.

А потом просто щелкнуло в голове, стало больно от осознания того, что я полнейший кретин и просрал все, что у меня было, есть и не факт, что будет возможность выбраться из того дна, которого я достиг.

Я был зол на нее, на ее папашу за то, что они так со мной обошлись.

Это был «прекрасный» подарок на девятнадцатый день рождения — понять как глубоко, с отягом и весельем тебя поимели.

И кружка... Просто рассыпалась в прах.

А в метре от меня, пока я пялился на горстку пепла, словно из воздуха, появился самая прекрасная женщина из всех, что я видел.

В белоснежном костюмчике с добродушной улыбкой на лице.

Но не это было в нем примечательно.

А то, что ей глаза...

Глаза были черны как ночь.

И она все объяснила.

Геката вообще могла объяснить все.

И то, что является хтонической богиней мрака, чародейства, ночных иллюзий, любящая устраивать на перекрестках адские гоны.

И то, что когда-то она была обычной греческой девушкой, связавшейся с демонами.

И то, что около десяти лет назад мой отец, ради моего спасения, заключил с ней сделку.

Спасти мою жизнь и позволить мне ее прожить ни в чем не нуждаясь, пока он жив.

Она дала ему десять лет.

И честно эти десять лет исполняла обещанное.

А вот вмешательства в свои дела «конкурентов» она не любила.

Так я узнал о том, что в мире, помимо реальных демонов существуют еще и ангелы.

Которые тоже нихера не добрые ребята.

Что-то у них там категорически коротит в голове, и порой они устраивают «зачистки»

тех, кто так или иначе связан с демонами.

«Моих родителей убили ангелы?» — спросил я тогда.

«Формально их убило то, что машина, на которой они ехали, оказалась расплющена многотонным грузовиком», — объяснила Геката. — «А вот грузовиком управляли прислужники ангелов. Хорошо знакомые тебе партнер отца и его внебрачная дочь. Ну, раз тебя они тоже помотали, то, есть предложение, подкупающее своей лаконичностью и спросом на рынке человеческих желаний. Не думал отомстить?».

Меня не нужно было уговаривать.

Я согласился не думая.

Жалею ли я об этом?

Нет, не жалею.

Я переступил порог мира обычного и окунулся в мир магии.

Не я один — нас таких, желающих надрать задницу ублюдкам с белыми крыльями, было несколько тысяч.

Я был лишь одним из многих «рекрутов» Гекаты.

Не самым умным.

Не самым сильным.

Просто неплохо мотивированным.

У других были возможности и побольше моего.

Я же даже магию как следует не мог использовать, чтобы овладеть боевыми заклинаниями.

Унижало ли меня то, что Геката сжалилась надо мной и подарила перстень с некоторым запасом заклинаний?

Да не особо.

Стыдненько, конечно, когда вокруг тебя люди могут здания в пыль обращать, призывать тварей из подземного мира, с ангелами на равных биться, а ты...

А ты всего лишь один из прислужников.

Немного туповатый.

Наверное, поэтому меня и отправили сюда — потому что остальные слишком ценны на войне.

Да, у нас идет война.

Я не виню Гекату в том, что она «лукавила».

Она ж демон, чет побери.

Ей нужен был рекрут — потенциальный солдат в войне с Небесами.

Она его нашла.

Не ее вина, что я — дерьмо, которому раз пятьдесят нужно объяснить, чтобы понял что к чему.

Не ее вина, что я просто не успел стать тем, кем она и другие демоны хотела бы меня видеть.

Точно не знаю как, но ангелы узнали сколько нас на самом деле.

Сколько тех, кого демоны готовили стать Практиками.

Судя по тому, что все пошло кувырком с самого начала и вместо гнева небес, египетских казней и прочего в мире началась ядерная война, пернатые обосрались от масштабов демонической подготовки не на шутку.

Это уже потом они шваркнули по людским городам чем-то убойным.

Видела когда-нибудь стометровую волну огня?

Ну, ту, в которой города и люди в момент рассыпаются в прах, если раньше не сгорают от жара?

Как там было?

«И весь мир в труху?»

Херня все это.

Да, многое уничтожено, но возможность все исправить есть.

Как?

Не знаю.

Мне не сказали.

Геката сказала, что в Аурхейме есть то, что нам поможет.

Указание довольно расплывчатое, но я ей верю.

Я вообще верю тем женщинам, с которыми переспал.

И не осуждай меня — да, я переспал с Гекатой.

Хотя, думаю, она сделала это из жалости.

Ну, или чтобы мотивировать меня на великие свершения.

Впрочем, она могла это сделать специально — просто для того, чтобы посмотреть как меня загнобят другие Практики за то, что мне перепало, а им, пускающим слюни на нее, нет.

Но она не скажет никогда почему так поступила.

А я знать не хочу.

Боюсь, что меня снова использовали, как тогда, «любовь всей моей жизни».

Странно, я уже не ненавижу ее.

Скорее — больше себя.

Кто ж виноват, что я такой дебил?

Надеюсь, что был дебил, а сейчас исправляюсь.

Надеюсь, что мне поручили это задание потому что в меня верят, а не просто, чтобы с глаз долой убрать, чтобы под ногами не путался.

Я должен добраться до источника магии Теней в этом мире и что-то вернуть назад, в свой мир.

Наверное, какое-то оружие, которое испарит пернатых к чертям собачьим.

Надеюсь, что оружие.

Что еще в этом забытом мире может быть?

Почему забытом?

О-о-о-о... Да потому что ваш Аурхейм нахрен никому не нужен.

Знаешь почему?

Вот я тоже не знаю особо.

Геката говорила, что-то про Создателя, что он мудак.

Ну, не прям мудак.

А мудак-мудак.

С большой буквы мудак.

Мудачило сотого уровня.

Ебанутый на всю башку творец, который создает один за другим миры, заселяет их лучшими образцами животных и растений из своих предыдущих опытов, смотрит какое-то время, чтобы все не взорвалось нахрен, а потом кладет большой и толстый, сваливает и творит дальше.

И насрать ему на то, как там все развивается в его творениях.

Его вообще ничерта не интересует.

У него для этого есть пантеон местных божков на каждой планете.

Вот они всем и заправляют.

Ну, пока кто-то не стучит Создателю, что в его творении абсолютный пиздец.

И тогда он возвращается и все нахрен уничтожает.

Большой ребенок, которому не нравится, когда в его игрушки играют другие детишки.

Я вот думаю, что мой мир апокалипсис постиг как раз потому, что ангелы нажаловались создателю.

Ну он и дал им отмашку на то, чтобы все зачистили.

Геката говорит, что Единый Бог уже давно не любит людей.

Мы где-то обосрались в его глазах и теперь ему похрену.

Теперь он любит эльфов.

Может поэтому пернатые такие обнаглевшие?

При чем тут ангелы?

Ну так в моем мире ангелы — это эльфы.

Длинноухие, чопорные ублюдки с крыльями, чье ебало так и просит кирпича потяжелее.

Они нас, людей, ненавидят.

Почему?

Не знаю.

Геката говорила, что все дело в том, что у них жопа горит от того, что их Единый Бог никогда не любил и не будет любить больше, чем нас.

Мы, люди, вообще для Бога — самое большое разочарование.

Ну, по крайней мере так говорили демоны.

Дескать, он в нас вложил всю душу, все свои умения, все-все-все, что у него было и даже больше.

А мы жидко обосрались.

И, мол, после провала с нами, Создатель хренову гору времени пребывал в творческой импотенции.

Не создавал ничего, но хренову гору миров просто разнес в щепки, потому что был в печали.

Я же говорил, что наш Бог мудака?

Кстати, может быть поэтому эльфы нас истребляют?

Ну, типа хотят показать ему какие они хорошие, вон, выжигаем небесным напалмом всех людишек, которые скоты чумадые, не верят в благие дела и вообще у них уши не острые?

Хрен его знает, у них же не спросишь чего они такие наглухо отбитые.

Ох, надеюсь, что здесь есть что-то, что поможет нашим сделать из длинноухих пернатых расистов ошипанных закопченных курочек.

Как же я хочу быть в первых рядах и отомстить...

Но для этого надо стать сильнее, чем я есть сейчас.

В принципе я могу это сделать.

Вот у меня есть Пожиратель Душ.

Если сильно надо, то можно перебить сколь угодно народу и использовать их души в

качестве локального Источника.

И быть большим и сильным Практиком, от одного вида которого эльфы будут ссаться по кустам и бледнеть до икоты.

Но это все временное.

Геката говорила, что у меня большой потенциал и все такое.

Но что-то не дает мне переступить через себя и стать безжалостным маньяком-убийцей, как она сама.

И остальные Практики.

И демоны...

Знаешь, а я думаю, что она уже мертва.

Не просто так я потерял связь со своей силой, которая шла от нее.

Может быть, конечно, Аурхейм так далеко, что не дотягивается связывающее нас заклинание.

Но, думаю, что это просто самообман.

Знаешь, я боюсь того, что когда все-таки вернусь к себе, на Землю, то окажется, что там просто пепелище.

И всех убили.

А я выжил.

Получится как с родителями.

Нет, мне точно надо добраться в эти ваши Гиблые Земли и покопаться там в наследии Практиков.

Может быть даже получится стать сильнее и найти для себя новый Источник, или, как Геката и другие демоны, перебороть себя и контролировать магию Теней без каких-то посредников.

Не знаю...

Боюсь...

Ты рассказывала мне о том, какими Практики были чудовищами у вас в мире.

А я видел Практиков в своем.

Не было там чудовищ.

Ну, почти не было.

Только люди, которым нечего терять и которым отрезали путь назад.

Я не хочу быть чудовищем.

Но я с радостью обрушу на длинноухих и пернатых какую-нибудь убойную хреновину из загробного мира.

Чтоб они горели, как горели люди, которых я не знал, но которых мне было жаль видеть умирающими.

Тебя я не трону, Лаврик, хоть ты и длинноухая.

Мне вообще жаль, что так получилось с тобой и твоими товарищами.

Не люблю, когда меня бьют.

Прости за рабское заклинание, как только доберемся до Гиблых Земель, я тебя отпущу.

Ты ни в чем не виновата и зла мне не сделала.

Ну, почти не сделала.

Те стрелы я тебе не прощу, конечно, но будем считать, что мы квиты потому что ты таскаешь на себе рабское заклинание.

Ох, как же холодно стало...

Вот ты только не думай, что я тебя соблазнить хочу.

Девушка ты симпатичная и все при тебе.

При других обстоятельствах я бы даже не против, не железный же я.

Не те обстоятельства.

Ты — хорошая остроухая, но, наверное, из-за рабского ошейника.

Сниму его — ты меня прикончишь.

А может и нет.

Прости, но я тебе не верю.

Не было в моей жизни хороших длинноухих.

Наверное, я это заслужил, конечно.

Ты уж прости, что так все происходит.

И за то, что «Пожиратель Душ» усилил рабское заклинание, тоже прости, глупо вышло.

Я просто подумал, что ты ж моя рабыня и с какого хрена я должен с тобой общаться на твоём языке?

Да и паливо это конкретное на твоём наречии изъясняться тут.

Холодно...

И темно уже.

А ты горячая, кстати.

Я прям чувствую, как ты пышешь.

Эх, повезет какому-нибудь длинноухому.

Хорошая ты баба, Лаврик, хоть и эльфийка.

Спать что-то хочется...

Ты посторожи меня, хорошо?

Я тебе чуть-чуть верю.

А этому солисту «козаков» нет.

Стремный он какой-то.

Еще б в жопу себе это павлинье перо воткнул и красовался.

Вырядился как герой гачи приключений.

Лаврик, ты меня оберегай всю ночь, хорошо?

А то подкрадется этот петушара стремный сзади и все, был пацан, нет пацана...

А я еще тебе даже не присунул...

Ладно.

Я спать.

А ты сторожи.

Ты хорошая длинноухая.

Я тебя отпущу.

Не сожгу.

А вот в своем мире всех сожгу длинноухих.

Лишь бы в Гиблых Землях было оружие...

Что б р-р-раз и всех пернатых в труху...

Фратер помешал походной деревянной ложкой содержимое в котелке и зачерпнул немного на пробу.

Поднеся к губам, остудил варево, после чего опорожнил ложку.

— Съедобно, — заключил он. — Накладывай.

— Да, господин.

Слуга, пунцовый как вареный рак, принялся наполнять миски, стараясь смотреть прямо перед собой.

Фратер, глубоко вздохнув, задрал голову, полюбовавшись ночным небом.

Потом, понимая, что неловкой ситуации не избежать, посмотрел на расположившуюся в паре метров от него эльфийку.

Цвет ее лица ничуть не изменился.

А вот кончики ушей алели так, что пламя костра могло позавидовать.

Девушка смотрела прямо перед собой, выпучив глаза от всего услышанного.

Кажется, в ее голове сейчас такое же варево, какое Фратер приготовил на ужин.

Особенно после услышанного.

— Не волнуйся, — посоветовал он. — К утру все с ним будет нормально.

Девушка молчала.

И продолжала пялиться в костер.

Слуга молча поставил рядом с ней тарелку, положив поперек нее ложку и вернулся к котелку.

Из подлеска раздалось тихое ржание.

Похоже, лошади тоже в шоке от того, что слышали.

— От галлюциногенных змей еще не то бывает, — попробовал разрядить ситуацию Паладин Бога Виноделия. — Правда, я не слышал, чтобы кого-то кусали прямо в конец, когда нужду справляют в кустах...

Эльфийка вздрогнула, исподлобья посмотрев на Паладина.

— Это ты виноват, — с сильным акцентом произнесла она. — Отправил его в подлесок.

— Ему были нужны растения, чтобы заживить стертые ляшки, — напомнил Фратер. — Сам вызвался, не стал терпеть, пока мы лагерь разобьем.

— Можно было и мне объяснить, что из себя представляет этот целебный цветок! Я всю жизнь провела в лесах и...

— И много ты знаешь о наших лесах? — поинтересовался Фратер. — Да и к тому же, до того, пока его не ужалили, ты как-то не хотела никому рассказывать, что наш язык знаешь.

Девушка промолчала.

— Ешь давай, а то остынет, — посоветовал Паладин.

Лучница стрельнула в него злым взглядом.

Обреченно вздохнув, Паладин поднялся со своего места, подошел к ее тарелке и съел несколько ложек.

— Видишь — не отравлено, — пояснил он, возвращаясь на свое место у костра.

Слуга уже передал ему свою порцию, после чего налил еще две чашки.

Первая, стало быть, для него самого.

— Вторая зачем? — спросил Паладин, уплетая варево.

— Господин Практики тоже захочет есть, когда проснется, — тихо сказал Слуга. — После галлюциногенных змей всегда хочется есть.

— Он в отрубе до утра, — авторитетно сказал Шовель. — Змейка молодая была, значит яд у нее сильный. А к утру суп превратится в кашу, которую я бы только свиньям дал на покормку. С утра новую похлебку сделаем, тут явно должны зайцы водиться. Убьешь парочку и сварись. Бульон после такого отравления — это первое дело.

— Да, господин, — покорно согласился Слуга.

Некоторое время они ели в полном молчании.

— В одном я с ним соглашусь, — заявил Паладин, доев свою порцию и затребовав «лишнюю» миску.

— В чем именно? — поинтересовалась лучница, ковыряясь в остатках на дне своей тарелки.

— Девушка ты явно хорошенькая, — Фратер подмигнул, а эльфийка сжала губы так, что они потеряли цвет. — Не знаю чего это парень в благодетеля играет. Давно б уже воспользовался бы тобой... Благо что рабыня.

— Человеческий отброс, — обозвала его единственная женщина с отвращением глядя на него. — Видно для тебя само собой разумеющееся пользоваться раба, да?

— А что тут такого? — удивился Фратер.

Затем, увидев побледневшего Слугу, разразился хохотом.

— Не в твоём случае, — заверил он подручного, вновь возвращаясь взглядом к эльфийке. — А вот будь у меня под рукой такая как ты, юное дитя леса...

— Я б нашла способ, как отрезать тебе твои чресла и засунуть в твою же глотку, — прошипела Лаврик.

— Ну, ему-то ничего не сделала, — кивнул в сторону лежащего в забытьи Глеба Фратер. — Вы ж тогда в комнатах в таверне уж точно... Погоди-ка.

Он медленно прожевал кусок мяса.

— Он реально ни разу тебя не использовал? — спросил он.

— Бестактность людей меня просто поражает, — в голосе девушки слышалась обида. Ну или дело в акценте, с которым она говорила.

Снова некоторое время они сидели в полнейшей тишине.

— Я пару раз думала, что он хочет меня попользовать и даже смирилась с этим, — неожиданно сказала эльфийка. — А потом... О выставил меня душой. Так стыдно было...

В траве за спиной Фратера что-то зашуршало.

Эльфийка махнула рукой и у бедра Паладина пролетел кинжал.

Из кустов в метрах полутора за ним послышался звук бьющегося в агонии небольшого тела.

— Заяц, — пояснила Лаврик, сходяв туда за добычей и бросив убитое броском кинжала в туловище животное у костра.

— Неплохо, — оценил Фратер. — Надо бы его сразу освежевать и приготовить — к утру завоняет, никто его есть не будет.

— С закопаю его рядом с костром, — вызвался Слуга.

— Ну так и займись, чего расселся? — Фратер, удовлетворенный тем, что раб принялся за работу по разделке тушки, перевел свой взгляд на эльфийку.

Та, подняв на него взгляд, сперва отвела его в сторону, после чего спросила:

— Как думаешь, это правда? То, что он сказал.

— Что конкретно? — уточнил Паладин. — Что он бы тебя поимел, но не может переступить через глупые предрассудки...

— Какое же ты животное, — поморщилась девушка. — Нет, я про... Про его мир. И все, что там случилось.

— А, — протянул мужчина. — Неуютно думать о том, что какие-то твои дальние сородичи могут быть ублюдками, истребляющими целые народы?

— Мы так не делаем, — тихо сказала лучница.

— Ага, — хмыкнул Фратер. — За себя-то ты можешь поручиться. А за остальных из своего народа?

— Нет, — после некоторых раздумий, произнесла девушка.

— То-то и оно, эльфийка, — Фратер зевнул. — Мы можем верить только самим себе. И тем, кто от нас напрямую зависит. Да и то — не всегда. Любой может солгать и обмануть. Особенно — те, у кого много денег и власти. Не думаю, что твой народ исключение. Контрабанду же кто-то организовал.

Возражений не поступило.

— Думаю, у меня будут большие проблемы, когда он меня отпустит, — помолчав, сказала Лаврик.

— Почему? — поинтересовался Шовель.

— Сбежавшие эльфы забрали и мое снаряжение тоже, — пояснила лучница. — А по нему... В общем можно понять кому оно принадлежало.

Ход ее мыслей понять не трудно.

— И, ты боишься, что сородичи посчитают тебя предательницей? — уточнил Паладин.

— Да.

Фратер рассмеялся.

— Сама-то веришь в то, что эльфы-контрабандисты побегут к вашему начальству рассказывать о том, где они нашли твои вещи? Интересно, как они сами объяснят что делали за границей Великого Леса.

— Нет, я не настолько глупа, чтобы считать их идиотами, — махнула головой лучница. — Я боюсь того, что размах, с которым наше оружие и зелья переправлялись на сторону людей, говорит о том, что в это вовлечено много эльфов поглавней и познатнее меня... Иначе как объяснить тот факт, что рейнджеры, котоыре лучше всех знаю Великий Лес, до сих пор не вышли на след такой организации? Даже мой командир — опытейший следопыт — считал контрабанду не более чем частным явлением. А там, в лавке, я поняла, что это совсем не так...

— Ну... — Фратер посмотрел на спящего Глеба. — Я в похожей ситуации просто свалил и отправился подальше от родного дома.

— И... как? — поинтересовалась лучница. — Не тянет на родину?

Уголок рта у Фратера произвольно дернулся.

— Когда знаешь, что тебя там прикончат, как только ты по сходим на берег сойдешь, сразу перестаешь хотеть вернуться в отчий дом.

Девушка посмотрела на него с толикой понимания.

— Выходит, нам всем возвращаться домой — опасно? — почти шепотом спросила эльфийка.

— Получается, что так, — согласился Фратер. — Ну, если не считать Слугу. Ему просто некуда возвращаться.

— Почему? — удивилась девушка, посмотрев на подручного Паладина, который невольно сжал кулаки, услышав упоминание своей родины.

— Его деревню истребили гномы.

Можно сделать несколько выводов после того, как мы в очередной раз свернули свой походный лагерь и продолжили свое путешествие.

Первое.

Мы покинули негостеприимную деревеньку ночью, благо у Фратера и его Слуги (да, пареньку на вид лет двадцать, а имя он себе не заработал) имелись запасные, или как они их называли — заводные — лошади.

Изначальное мнение о Шовеле как о лице склонном к различного рода средневековым извращениям усилилось, стоило мне только подумать о том, что в этом мире существуют лошадки, которые кого-то и для чего-то обязательно должны заводить.

А, учитывая, что их у этой парочки было четыре, и по словам Паладина, они их меняли по очереди, даже стало как-то жаль животных.

Впрочем, когда мне было объяснено, что «заводная лошадь» это отнюдь не то, о чем подумал мой испахабленный мозг, а коняжка, которую используют в качестве вьючного животного, запасного средства передвижения на тот случай, когда основная лошадь устанет, стало даже как-то неловко.

Хорошо еще не стал сразу орать: «Прочь от меня педерасты-извращены-заводилы-зоофилы!»

В общем и целом, постараюсь держать свои мысли при себе.

Второе.

Несмотря на предложение того же Паладина поджечь таверну, чтобы скрыть следы нашего там пребывания и все то, что там произошло, я решительно отверг вполне рациональное решение избавиться от проблем.

Логика в этом было не то, чтобы много.

Но здесь, предвосхищая последствия, я мог дать фору прагматизму моих спутников.

Для начала — деревушка маленькая, и подожги мы одно зданье, через какое-то время тут все будет полыхать как чучело на Масленицу.

Лишать ни в чем ни повинных людей крова и всего, то нажито непосильным крестьянским трудом я наотрез отказался.

С какого хрена должны страдать те, кто нам вреда не причинял и даже малейшей агрессии не проявлял?

В памяти упорно крутилась информация, что в средние века разжиться своим домом было не так-то уж и просто, и многие крепостные жили в одних и тех же избах поколениями, просто подновляя жилище по мере надобности.

Так что устроить в плотной застройке пожарище ради сжигания или обезображивания трупов — это скотство.

Кроме того, половина деревни знала о том, что Фратер и его раб гостили в постоянном дворе.

Их коней видели в конюшне постоянного двора, а следовательно, если их трупы не найдут, никто ночью в пожаре не проснется от лошадиного ржания, то и пожар с исчезновением Паладина свяжут очень и очень быстро.

Тут много мозгов не надо, все очевидно.

Поэтому, благо что у нас имелся труп эльфа (ничем не примечательный и ничего при

себе не имеющий, кроме лука, колчана со стрелами и перевязи с очередным эльфийским клинком) можно было надеяться на то, что взломав утром двери таверны местные решат, что все произошедшее — дело рук эльфийских ублюдков.

Имитация ограбления, конечно, та еще получилась, но и мы торопились.

Практически светало.

Не пришлось брать грех на душу и сонного стражника с пародией на копьё тоже не пришлось убивать.

Лаурель, действуя по всем традициям длинноухого ниндзя, просто вырубил пьянчужку, пока Фратер и Слуга отворяли ворота.

И да, я был совершенно прав — просто часть частокола опускалась в углубление на земле, вот тебе и проезд.

Признаться, ни о чем таком прежде не слышал, но я и не специалист в средневековых фортификациях.

Да, мы оставляли за собой немало вопросов и просто кучу оснований проследовать за нами.

Поэтому, второе, мы двигались довольно быстро по местным грунтовым дорогам, ночуя в лесах и уходя подальше в заросли, чтобы не было видно с дороги костра.

Готовили по возможности быстро, чтобы как можно меньше запаха оставалось от наших стоянок.

Все эти нехитрые уловки были созданы исключительно для того, чтобы сбить с нашего следа возможных преследователей.

По словам Фратера, как только мы выберемся на тракт, который вообще-то мощен камнем, то возможности выследить нас хотя бы по следам копыт сразу четверых лошадей, поубавится.

А в том, что за нами пойдут, ясно было даже мне.

Вопрос лишь в том кто и насколько быстро нас догонит.

Я тешил себя мыслью что нас сия чаша минует.

А вот Паладин советовал не надеяться на то, что пронесет.

Слишком уж в вонючее дельце мы ввязались, чтобы так легко из него выпутаться.

Эльфы контрабандисты, люди контрабандисты, да еще и Практик, который вместе с длинноухой путешествует, имея в арсенале артефактное оружие времен Последней Войны...

Слишком уж гремучая смесь.

Эх... А ведь как все хорошо начиналось до тех пор, пока мы не прознали про контрабанду.

И ведь даже правом мести воспользоваться не получилось бы.

Убить обидчика мог разве что местный аристократ — ему по положению в обществе положено и разрешено творить беззаконие.

А вот мне аристократический титул не светил.

Фратер пояснил, что когда говорил об утренних разборках с привлечением старосты, надеялся, что я в самом деле был аристократом под чужой личиной и при необходимости продемонстрирую свой родовой знак, который снимет все вопросы и избавит от проблем с местными.

Но этот вариант прогорел сразу.

Шовель, пусть и туманно, объяснил, что сам он тоже не может взвалить на себя право мести с убийством, потому как, хоть он вроде бы и аристократ (но уж слишком морщится

при разговорах о своем прошлом, что явно неспроста), но, как оказывается, не из этих краев.

Вообще не с этого континента, так что местным тут по большей части плевать на его регалии.

Еще и проблем можно огрести, если прознают про его службу другому божеству.

Короче говоря, ситуация изначально была дрянь, и хитрожопый Паладин намеревался решать ее за счет «аристократа».

Хорошо, что до этого не дошло.

Иначе б погорели все и сразу.

Третье.

Опасение, что эльфы-контрабандисты нас догонят в первые же дни пути, потихоньку отступало.

Может быть они где-то и двигаются по нашим следам, но вероятность этого мала.

Наиболее вероятно, что они решили вернуться в свое логово, чтобы разобраться с ситуацией.

Четвертое.

Реакция местной аристократии на то, что произошло в таверне, тоже не будет сиюминутной.

Пока из деревни отправят гонца к местному землевладельцу, пока он доберется до деревни, а скорее всего, просто отправит кого-то из подручных, пройдет минимум несколько дней.

Гораздо больше проблем нас ожидает со стороны вероятных поделщиков трактирщика.

И дело тут не в эльфах, а в людях.

Кто-то же из аристократии помогал покойнику в том, чтобы организовать перевозку опасных артефактов.

Пятое.

Я отбил себе задницу и стер в кровь ляжки, катаясь на лошади.

Не говоря уже о том, что пару раз упал, пока на нее не взобрался.

Потом еще чуть не помер, будучи выброшенным из седла, когда коняжка испугалась какого-то рычания в кустах на месте привала.

Тогда-то, после пущенной Лавриком стрелы, я и узнал, что в местных лесах водится нечто, похожее на гибрид саблезубого тигра и пантеры.

Быстро бегающее и далеко прыгающее.

Но очень не любящее длинные заостренные предметы, пущенные в глаза — как стрелы, так и арбалетные болты.

В целом, если не брать во внимание тот факт, что пока ни одна проблема, которую я сам себе создал по незнанию, не решена, в целом, все очень даже не плохо.

По крайней мере пока.

И тут сразу стоит подумать вот о чем.

«Пожиратель Душ» — это один из довольно значимых для мира демонов клинков, которому туева хуча лет.

Навскидку я могу вспомнить его, «Сокрушитель законов», который вообще творил лютейшую дичь с законами мироздания, «Раскалывающий небеса», которым орудовала сама моя наставница, Геката.

Правда, последний относился уже к категории «новоделов» и отношения к этому миру не имел.

Вроде бы.

Потому что, если верить рассказам Гекаты, демоны, которые воспитывали Практиков на Земле, здесь все же бывали, но покинули этот мир.

Вероятно, что не всех их истребили во время Последней войны и часть сумела свалить в прекрасное далёко.

То есть, на матушку-Землю, где они принялись во всю потешаться над мирозданием и подбешивать местных богов, соблазняя некоторых из них присоединиться к армии демонов, а других просто пуская в расход.

Ровно до тех пор, пока не появились пернатые длинноухие и...

В общем, любимые развлекательные заведения демонов — города Содом и Гамора — лучше всего олицетворяют то, что вытворяют ангелы, сиречь, эльфы, на моей родной планете.

Но, вернемся к нашим «баранам».

Тем самым, которые для меня опасны так же, как и для противника.

Артефактное оружие, созданное при помощи магии Теней, само по себе является источником магии.

Эдакий конденсатор, который запросто сожрет любого, стоит только проткнуть его клинком и захотеть впитать его сущность.

Учитывая, что души всех живых существ в той или иной мере являются сосредоточением магии, то клинок в самом деле можно использовать в качестве источника своей силы.

Проблем, как и всегда, всего ничего.

Первая — я даже не представляю сколько необходимо покрошить людей и прочих божьих тварей, чтобы эта паскуда перестала быть «голодной».

Да, все правильно — стоит только взять его в руку, как он начинает вытягивать через меня то, что успевает накапливать перстень.

Зазевался — и все, вот ты уже ни с чем.

Происходит это по той причине, что «Пожиратель Душ», как артефакт весьма специфический, имеет привязку к своему владельцу.

Который, надо понимать, уже немалое количество времени лежит в сырой земле далеко на Севере.

Как «перепривязать» артефактное оружие к себе любимому, чтобы архаичная (но по-прежнему опасная) железяка раскрыла свой потенциал, я пока даже не представлял.

Но надеялся разобраться в ближайшем будущем — своего здоровья ради.

Геката рассказывала, что подобного оружия было создано настолько много, что всех и не упомнить.

Каждый изготавливался по «индивидуальному заказу» и название вроде бы как отождествляло скрытые силы клинка.

Так как я являлся не самым прилежным воспитанником, то и значительная часть информации прошла мимо моих ушей.

Сейчас же приходится за это расплачиваться.

Потому как на данный момент «Пожиратель Душ» — это на самом деле ультимативное оружие, которое может покрошить любого.

Правда, если у меня получится прикончить им противника сразу.

Ибо, как показывает практика — чем дольше я держу его в руках, тем меньше у меня

остается сил.

Чертов магопийца даже будучи в ножнах, привязанный к седлу, или как говорит Фратер, «притороченный», потихоньку вытягивает из меня силы.

Перстень Гекаты тянет магию Теней из Источника в этом мире в меня, а меч — из меня.

Чувствую себя какой-то проституткой, которую имеют и на ней же зарабатывают.

Но и выбросить «Пожиратель Душ» — просто тупо.

Оставляя за рамками разумности вариант с тем, что его можно продать, надо понимать и то, что это оружие может принести большую пользу.

Ради эксперимента я добил им того подстреленного, но не умершего сразу зайца на одной из стоянок.

Прости «русачок», обратившийся в пепел, стоило мне только подумать о том, чтобы забрать твою душонку, но лабораторных мышек я в кармане не ношу.

Эксперимент-экспериментом, а вот лишить отряд части пропитания было мне уроком, потому как на тушку вообще-то рассчитывали.

Благо что в лесу дичи много и потеря была возмещена Лавриком, которая со скоростью сраного Леголаса, шуршала в лесах похлеще пресловутых командос, да простит меня нетленный Голландец.

Но, оставался еще нерешенным вопрос, который мучил меня каждый раз, когда я бросал взгляд на едущую рядом со мной Лаурель.

И нет, вопрос не связан был с тем, что она ехала на заводной лошади Шовея, на которой были навешаны части его доспехов.

Хорошо еще свое копьё этот любитель длинных фаллических предметов прикрепил на своего коня.

Как мог, я заставил свою лошадь (да, вот еще одно откровение — катаются не только на коняжках мужского поля) чуть убыстриться и поравняться с Паладином, который ехал чуть впереди.

Едва мы поравнялись, как Фратер чуть наклонился, свесившись из седла и перехватил мои поводья, чтобы не позволить лошади опередить его.

Придержав скакуна, он вернул себе первоначальное положение, а мне — поводья от моей лошади.

— Спасибо, — благодарить есть за что.

Пару дней назад меня лошадь понесла так быстро, что я думал, будто вылечу из седла и переломаю себе все кости.

Впрочем, последнее, лишь мое предположение, опять же, основанное на том, что я читал когда-то, что кто-то падал с коней и расшибался на смерть.

Эх... везет тем попаданцам, которые оказываются в мире, о котором знают чуть больше чем «это средневековье, тут есть эльфы, а задницу подтирают сеном».

— В вашем мире не ездят верхом? — спросил у меня Паладин.

И поставив меня в жесточайший ступор.

— В моем мире? — осторожно переспросил я.

— Да брось, Егор, — усмехнулся мужчина. — Галлюциногенная змея, укусившая тебя, развязала язык. Говорил ты долго, много, местами не понятно, по, по крайней мере теперь я хоть отчасти разбираюсь с кем имею дело.

— И... многое я рассказал?

Фратер, посмотрев на меня, усмехнулся и коротко пересказал то, что я наболтал во время своего «прихода».

На той части, где я сокрушался, что не могу оприходовать Лаврика по идейным соображениям, он даже голос повысил.

Наверняка для того, чтобы эльфийка услышала.

Посмотрев на лучницу, увидел как у нее горят щеки и уши.

Потрогал свою физиономию.

Ничем не лучше.

Приехали.

Оберегаемую мной тайну я же и выболтал.

Ну... почти всю.

— Очевидно, у моей напарницы были серьезные проблемы с тем, чтобы избавить меня от яда, — я чуть повернулся в седле, снова едва не выпав (и снова — спасибо Паладину, который поймал меня за руку), посмотрел на Лаврика, которая тут же отвела глаза.

— Ну, я предлагал ей отсосать яд, — хохотнул Паладин. — Судя по тому, каким румянцем она залилась, предложение не из числа тех, которые хотят слышать чопорные эльфы.

Я на миг представил как бы выглядела процедура отсасывания яда из того места, куда меня укусила змея...

Думается, что физиология организма и воздержание могли привести к тому, что во рту эльфийки мог оказаться не только яд.

— Ну, по крайней мере не покусала, — лучшее, что я мог придумать в ответ на реплику Шовеля.

Паладин в голос заржал.

— Была у меня как-то девственница в Кортозе, — произнес он. — Полтора золотого отдал за нее.

— И стоило оно того? — полюбопытствовал я.

— Если не читать покусанного члена, то да, — хмыкнул Паладин. — Надо будет туда как-нибудь заглянуть нам с тобой. Ух там какие девки со всего Хейма. Да и с Аура тоже. Есть даже разорившиеся аристократки. Эти пользуются большой популярностью, как самые умелые шлюхи. Лучше них, наверное, только зиттрианки, но тем могут, в случае чего, и саблэй исполосовать. Но, какие же охочие до мужиков... Даром, что лучшие воительницы на западном побережье Хейма. Сильнее них разве что оборотни... В твоём мире есть оборотни?!

Пиз. ц...

— Здесь еще и оборотни существуют? — упавшим голосом поинтересовался я, ссутулившись в седле.

— Судя по твоему выражению лица, ты с ними сталкивался, раз понимаешь насколько это дрянные твари? — спросил Фратер.

— В моем мире то, что для тебя привычно: эльфы, — я указал большим пальцем через плечо, — оборотни, гномы и прочее — просто сказки. Их не существуют, только лишь в книгах о них рассказываются. Ну так, для развлекательного чтения их используют как часть рассказов.

— Странный у тебя мир, — покачал головой Фратер. — Зачем тратить бумагу на развлекательные книжки? Тут бы все знания и все истории бы успевать переносить в книги,

прежде чем свершатся новые, а вы развлекательные книжки печатаете...

Тут что, с бумагой проблемы?

Эх, ребята, это вы еще про принтеры и офисную бумагу формата А4 не слышали.

Интересно, много бы ли заработал, если б имел возможность таскать сюда пачки с небезызвестными белыми листиками?

— Как-то ты спокойно относишься к тому, что рядом с тобой едет человек из другого мира, — произнес я. — Даже не из другой местности, деревни или города. Из мира. С другой планеты, не похожей на твою.

— А чему тут удивляться? — спросил Паладин. — Есть старые легенды, будто бы древние маги умели путешествовать среди других миров. Не скажу, что сильно удивлен, но не буду же я к тебе лезть с расспросами о том, как там у тебя все устроено? И так видно, что не как у нас. Вон, швы у тебя на рубахе ровные какие, а нити — тоньше рыболовной лески.

Я посмотрел на свою водолазку, от которой уже давненько смердило потом, но сменной одежды у меня не было, а наряжаться в чужую как-то не хотелось.

Впрочем, неприятные запахи не только от меня исходили.

— Быть может однажды, когда все уляжется, ты мне покажешь свой мир, — мечтательно произнес Паладин. — Ты ж не будешь против, если я расскажу жителям твоего мира про моего Бога и завербую несколько последователей?

— Боюсь, если там кто-то и остался в живых, то уж точно им будет не до всяких богов, — предположил я. — А бухать... Ну, то есть, пить до отключки, у меня на Земле умеют и без всяких божеств.

— Твой мир называется в честь почвы? — удивился Паладин.

— Вот давай без осуждений, а? — несколько окрысился я. Не хватало мне еще шуток про название планеты. Это как в младшей школе издеваться над кем-то на основе его фамилии или имени. — Я же не тыкаю вас в то, как называется ваш мир и почему.

— Так у нас все просто, — ответил Фратер. — Вот мы едем по Восточной Провинции королевства людей, которую по привычке все называют просто Востоком. А само королевство располагается на континенте Аур. Ты знаешь что такое континент, да?

Это сарказм такой?

Да нет, не похоже.

Паладин просто пытается понять степень моей осведомленности.

Ну да, с идиотами общаться то еще удовольствие.

На самом деле как бы я не брюзжал на него, мужик правильно все делает.

Без лишних вопросов показывает как пользоваться лошадью и поводьями, объясняет что можно есть, а что нельзя.

Да и про континент он спросил лишь потому, что вообще ничего не знает о Земле.

Вдруг мы там континенты называем островами, а последние, наоборот, континентами.

Он упрощает все для облегчения понимания друг друга.

— Конечно знаю, — подтвердил я. — На Земле шесть континентов. Мы их еще материками называем.

— Ну, ты завернул как ученый муж, — смешок вырвался из губ Шовеля. — «Материк». Ну, если так говорить, то мы на материке Аур. Если добраться до границ Западной Провинции, Запад по-простому, то там будет Штормовое Море. Оно отделяет нас от континента Хейм. Когда в древности кто-то решил назвать наш мир, то просто соединил названия двух материков. Получился Аурхейм.

Звучит логично.

— Нам долго добираться до Гиблых Земель? — спросил я.

— Не близко, скажу так, — признался Фратер. — Видишь ли, мы сперва выберемся на Большой Тракт, который пересекает всю провинцию. Затем, доберемся по нему до Королевских Земель, а уж из Обители Королей возьмем путь на Север. Но сперва пересечем Западную Провинцию.

— А других дорог нет? — описание пути как-то не вселяло оптимизма.

— Мы, конечно, можем просто ехать на Север через леса и местные дороги, — выдал другой вариант Фратер, — но, давай будем честны сами с собой. Для такого путешествия у нас маловато провианта. Нет достаточного количества людей. Да и недели пути через леса, возможно, что даже вдаль от рек и озер, даже мало-мальских ручейков... В этом мало приятного. Поверь на слово — я как-то две недели потратил на пересечение пустыни на севере Зиттрианского Королевства. Мне повезло, что меня нашли зиттрианские стражницы границы, а то б сдох от жары. Без воды ни в лесу, ни в пустыне не выжить. Поэтому, если нет крайней нужды, то мы явно не попремся через лес.

— У нас потенциальная погоня за спиной, вообще-то, — напомнил я. — На дороге им нас будет легче догнать.

— А в лесу — проще спустить по нашим следам егерей, — заявил Шовель. — Опасность одинакова. Да и к тому же, если мы собираемся на Север, то нам следует закупиться всем необходимым. На четырех лошадях много не увезешь. Нужна телега, тягловая или любая другая рабочая лошадь. А еще лучше — две. Опять же — подходящее оружие. Много оружия и продовольствия. Да и затеряться в столице гораздо проще, чем в других городах. Смешаемся там с толпой, и, кто бы нас не преследовал, гарантированно на время, но потеряет.

А значит, есть вероятность того, что наши возможные преследователи попробуют с нами разделаться до того, как мы туда доберемся.

— Тут других городов поблизости нет? — поинтересовался я. — Затеряемся там. И там же закупимся всем необходимым, да рванем через леса...

— Уверен, что хочешь показываться в столичной провинции с эльфийкой, будучи неаристократом, да еще и с древними артефактами при себе? — уточнил Шовель. — Мунназ, столица Восточной Провинции, пусть и большой город, но все же, если допускать, что местные аристократы вовлечены в контрабанду артефактов времен Последней Войны, то там нас точно попробуют перехватить. Поэтому, мы поедем через Большое Ущелье, чтобы оставить Мунназ в стороне. Пристанем к какому-нибудь торговому каравану и вместе доберемся до Обители Королей за неделю-другую.

— Похоже, это надолго, — вздохнул я. — А... Этот твой Кортоз, он далеко?

— Для начала — он не мой, — поправил меня Паладин. — Во-вторых, чтобы добраться до Кортоза, нам придется прибыть в Обитель Королей, нанять корабль, пересечь Штормовое Море, и, если повезет, то доберемся до Кортоза. Но, по опыту могу сказать, что бордели есть и здесь, в Ауре.

Я мысленно залепил себе пощечину.

— Кортоз — это страна в Хейме, да?

— Да, на восточном побережье континента, — кивнул Паладин. — Я же упоминал Кортоз и Хейм, когда про девственницу-оборотня говорил.

Твою мать...

— Так та проститутка, которая тебе чуть не откусила все, что можно, была оборотнем?

— Потому и полтора золотого, — хмыкнул Фратер.

— Так понимаю, Зиттрианское Королевство, про которое ты говорил, тоже в Хейме расположено? — предположил я.

— Да, на юго-востоке, — подтвердил Паладин. — Но, тебе туда не нужно. По крайней мере, пока не научишься владеть мечом.

— Подозреваю, что получше усвоив магию...

— Нет, — покачал головой мужчина. — Запомни одно, парень. Если когда-нибудь нелегкая приведет тебя в Зиттрию, то там чего-то добиться можно лишь тому, кто знает как обращаться с мечом. Зиттрианки повернуты на искусстве сражения, и, скажу по правде, в этом им практически нет равных. Довольно иронично, что зиттрианки хороши и в бою, и в постели. Наверное, все же правы слухи, которые говорят, что Зиттрия была основана беглыми женщинами-дроу с Темных Островов, а теперь уже их наследие процветает...

— Про Теневые Острова ты не говорил, — припомнил я.

— Так к слову-то не пришлось, — пожал плечами Паладин. — Теневые Острова расположены на юге Штормового Моря. Там мало кто бывает — в основном торговцы из Аура, которые боятся пересекать Штормовое Море без остановки. Да и корабли здесь, на юге Аура, не такие крепкие строят, как в Хейме. Только у северян добротные галеи, да они и сами по себе немного сумасшедшие. Их Штормовое Море не пугает, потому и прут напрямик.

— И что страшного в этом море? — спросил я. — Ну, так понимаю, что названо оно в честь штормов, но это вроде бы дело сезонное, чего там переживать то?

— Да как сказать, — поежился Фратер, что дало мне намек на то, что причина, по которой Штормовое Море не особо любят, гораздо серьезнее, чем мне могло бы показаться. — Шторма там практически постоянно. Попасть в тихую погоду можно лишь пару раз за год, да и то волнение некислое получается. Море еще опасно тем, что там проживают морские твари, вроде левиафанов или кракенов. Встреча с такими чудищами посреди Моря — верная смерть. Потому мореплаватели из Хейма и Аура предпочитают либо доставлять товары через северные порты напрямик — северная часть Штормового Моря не столь опасна, либо южным курсом, с остановками на Теневых Островах. Есть, конечно, смельчаки, и их немало, кто идут напрямик, но тут уж зависит от мастерства команды и крепости корабля. Пара-тройка смытых за борт моряков за один рейс — это вполне себе обыденная практика. Но, торговле это особо не мешает — желающих наняться на корабли немало. Отчаянные головы, которых не пугают ни шторма, ни гады морские, ни пираты...

После того, что Фратер рассказал про этот мир, морские пираты казались меньшим из зол.

— А что на юге Аура? — спросил я. — Про Восток, Север и Запад ты рассказал хоть немного. А юг? Или Юг — это королевские земли?

— Юг... — со стороны Фратера послышался тяжелый вздох. — Юг, это территория степняков. Кочевые племена людей, независимые друг от друга, но объединяющиеся ради того, чтобы напасть на Королевство людей или отразить их вторжение. Вообще их называют Каганата Агай, но это слишком общее наименование. Единства между ними особо нет, каждый хан правит на своей части Великой Южной Равнины. У них есть несколько городов, даже парочка портов. Также торгуют с другими, но, в основном промышляют пиратством и

набегами. Люди с ними воевали долгое время, но больших успехов не добились. Граница со степняками — это огромные мертвые земли, отравленные во время того или иного похода. Там ничего не живет, кроме различных тварей. Сухопутных путей туда практически нет, кроме Большого Тракта, но, чтобы там путешествовать, нужно иметь небольшое войско. Иначе, однажды можно не проснуться во время ночевки.

О, этот прекрасный дивный новый мир.

Поскорее бы отсюда свалить.

— Примерно через день мы доберемся до ближайшего замка, — сказал вдруг Фратер. — Если кто-то за нами и следует, то они попробуют напасть на нас во время следующего привала. По сути, это их последний шанс до самого Мунназа, чтобы от нас избавиться. Дальше начнутся поля, много глаз, практически негде спрятаться — никаких лесов и холмов. Ну, это я говорю исходя из мысли, что за нами все-таки гонятся эльфы.

— Ты всегда самые «веселые» новости оставляешь напоследок? — поинтересовался я.

— Веселого в этом мало, — возразил Фратер, не уловив в моих речах сарказма. — Мы уязвимы, потому что у нас в отряде всего четыре человека. И один из них даже не умеет обращаться с мечом.

— Ну, одного амбала в трактире я все-таки убил...

— В таверне, — поправил меня Паладин. — И, давай будем честны друг с другом — тебе просто повезло. А вот в сражении с подготовленным бойцом, тебе явно придется худо. А я очень сомневаюсь, что если нас и преследуют эльфы, то они изъявят желание кого-то из нас пощадить.

И тут даже нечего возразить.

Не нравится мне то, с какой спокойной обреченностью Паладин воспринимает то, что нас будущей ночью могут прирезать.

Но, как показали дальнейшие события, он не зря опасался.

Только получилось все куда как хуже, чем предполагалось.

Наверное, в этом есть логика.

Беспощадная она мать ее.

Раз я бесполезен в сражении, которое неминуемо нас настигнет, то хотя бы подежурить несколько часов могу, чтобы дать выспаться тем, кому предстояло охранять наш лагерь от нападения.

Обсуждение последнего стало настолько обыденным делом, что начало казаться, будто в этом нет ничего страшного.

Примерно с теми же интонациями обсуждают поход за хлебом или помочиться в кустики.

Последнего я отчего-то стал побаиваться.

Хитрожопые змеи так и норовят отметиться на моем теле, невзирая на мое возражение по данному вопросу.

Мои спутники прикончили парочку перед тем, как мы обосновались окончательно на месте ночлега.

А кроме того наша бодрая компания изрядно потрудилась, обеспечивая безопасность стоянки.

В чем суть приготовлений, заключающихся в том, что Лаврик промчалась по лесу со скоростью, равной той, что развивает понтовая молодежь, услышав про появление нового айфона, я так и не понял.

Фратер обошел поляну по периметру, немного повоевал с кустами, наиболее близко прилегающими к месту стоянки.

Интересно, если гномы узнают для какого важного и сложного дела он использовал их боевой топор, его распнут или утопят?

Слуга демонстративно зарядил арбалеты (ага, их у него аж два оказалось), и положил рядом с собой.

Парень, очевидно так преисполнился верой в то, что не ворочается во сне и случайно не выстрелит из этих дьявольских машинок.

Ну или у него и Фратера, спящего рядом, стальные бубенцы.

Тот тоже в обнимку со своей саблей спит.

Еще и кинжал под рукой.

Лаврик, укрывшись плащом, лежала так, чтобы лук с натянутой тетивой видно не было, как и колчан со стрелами.

У нее тоже кинжал под рукой.

Выглядит как грозное приготовление к бою, вот только есть пара моментов, которые я подметил.

Первое.

Готовили они оружие уже после того, как Лаврик побегала по местным кущам, проверяя ближайшую к нам округу.

То есть, если бы за нами кто-то наблюдал после возвращения лучницы, то он точно в курсе где и откуда его ждет «сюрприз».

Второе.

Мне интересно, Паладин в самом деле полагает, будто я не понимаю что к чему тут

происходит?

Или решил, что мне слишком больно думать на тему того, что меня собираются использовать в качестве наживки?

Но и спрашивать его об этом не стал.

Достаточно и того, что у меня есть полная уверенность в том, что здесь организована засада.

И что она явно провалилась в глазах местных, потому как не заметить как «бегают» под веками Лаврика ее глаза, может только конченный имбецил.

Или же мои сотоварищи не знают о том, что у спящего человека сон неоднороден и постоянно глаза двигаться не могут, как это происходит в фазу быстрого сна?

Наверное, так нужно.

Это ж они тут «местные», а я так, «залетный».

Предположим, что в этом есть какой-то потаенный смысл.

И вот, как там у классика?

Ночь, улица, фонарь, аптека...

С моей реальностью совпадает только наличие темного времени суток.

В остальном: злобучий непроглядный лес, небольшой костерок, три сопящих тела, четыре лошади и я, словно сыч сидящий у костра.

Страшно?

Да нет, конечно.

Кому может быть страшно сидеть у костра одному в непроглядной чаще в ожидании нападения, которое может закончиться смертоубийством?

Да никому, конечно.

Так себе шуточка, конечно.

Сколько я уже так сижу?

Да хрен его знает.

А информация вообще-то нужная.

Потому как мне нужно разбудить Слугу к тому моменту времени, когда над нами взойдет местная луна.

Или как ее называют «ночное светило».

Луна, как луна.

Разве что грязно-оранжевая, как заветревший сыр.

Какое-то время я просто сидел напротив костра, лениво ворочая палочкой прогоревшие или почти ставшие таковыми сухие ветки, которых в лесу оказалось не так уж и мало.

Что там Шовель говорил про «санитарные» рубки?

Вслушиваясь в тишину ночного леса, изредка прерываемую криками то ли птички, то ли насилуемой местным Буратино залетной Мальвины, я периодически позевывал, борясь со сном.

Почему-то вспомнилось, что зевок служит непосредственно для снятия дремоты с организма.

А никак не символ желания уснуть.

Лезет вот подобное в голову, а сам не знаешь когда и где ты это прочитал или услышал.

Пару раз, чтобы не заснуть лицом в костер, поднимался, разминал ноги и делал обход по периметру разбитого на небольшой полянке лагеря.

Несколько раз из кустов доносилось какое-то шевеление, но, как и предсказывал

Фратер, давая указания на ночь, дикие животные огня не любят, поэтому, из любопытства приближаться-то будут, но, стоит ими заинтересоваться, да еще факелом помахать — тут же сбегут.

Так произошло и в этот раз.

Похоже что один саблезубый пантеро-тигр решил было проверить что происходит, но увидев, что я подсвечиваю себе путь горячей веткой, взятой из костра, тут же убрался в ночь, практически не оставляя после себя хруста сухих веток.

Которые, как я подозреваю, и разбрасывала вокруг лагеря Лаврик, когда «осматривалась».

Вернувшись к костру, вернул на место ветку.

Сладко потянулся, довольно зевнув.

Оглядываясь больше для проформы, посмотрел на мирно пощипывающих траву расседланных лошадей в паре метров от меня.

Потов вернулся взглядом к лагерю.

Глаза зацепились за «Пожиратель Душ», который, как и оба переделанных кинжала, находился недалеко от меня.

Эльфийские ножички — на поясе, а меч, вот он, всего в метре, поставлен у седельных сумок.

Поблескивает своим металлом в свете огня, так и манит вынуть себя из ножен и начать убивать.

Брать в руки эту дрянь с магическим отсосом и стажем в несколько тысяч лет совершенно не хотелось.

Интересно, многих эта тварь «выпила» за время, что прошло с момента Последней Войны?

Помер кто-нибудь пока его доставляли из Гиблых Земель до деревушки на Востоке?

Ведь наверняка его кто-то трогал, просто из интереса ради.

А сам, как представляю, что придется им сражаться или просто в руки взять, аж в дрожь бросает.

Нет, в случае необходимости конечно же, придется его применять, поскольку других мечей, которые бы не выскальзывали у меня из рук, в группе нет.

Слуга орудует по большей части арбалетами и «принеси-подай» в руках Паладина.

Сам Фратер орудует саблей, и, почему-то запасного оружия не имеет, словно не допускает самой мысли, что его кривая железяка может сломаться.

У Лаврика «эльфийский наборчик», который она, кстати, умело скрывает под плащом.

А у меня — только два переделанных клинка и «Пожиратель Душ».

Паладин заверил, что по возможности мы прикупим мне что-нибудь по дороге, какой-нибудь простецкий меч.

Был еще вариант с топорами гномов-берсерков, но пользоваться ими я не умел совершенно.

Пару раз себе чуть не отрубил ногу, когда тренировался и понял, что это явно не мое.

Бросить его у меня далеко не получалось — с пяток метров.

При этом сделать так, чтобы он воткнулся куда-нибудь, тоже не выходило.

У Паладина — да, у него получалось.

А мне, максимум, что удалось разрезать своим топором, так это травяной покров, когда топор падал.

Да и то случайно получилось.

С кинжалами тоже нужно учиться обращаться, мне Лаврик провела небольшой ликбез.

Получилось неплохо на мой взгляд.

Ну, по крайней мере хотя бы себя не проткнул нигде.

Но со словами моей «рабыни» вынужден согласиться — кинжал это крайнее средство в открытом бою.

Путешествие явно не будет коротким, а телепортироваться куда-то, где раньше не бывал, я не умею.

Кстати, это же обстоятельство подтверждало тот факт, что Геката раньше бывала в этом мире.

И даже — в Великом Лесу, так как портал она мне открыла именно туда.

Почему не в другую часть Аурхейма — не знаю.

Так что, подводя мои размышления, случись чего, вариантов у меня всего три.

Первый — размахивать ножами и надеяться, что у противника нет копья или меча.

Второй — взяться за эльфийский меч, который лежит рядом же с «Пожирателем».

Третий — сжать зубы по крепче и махать магоотсосом.

Конечно, при том условии, что других вариантов не будет.

Даром что ли, пока Слуга готовил ужин, Паладин показал мне несколько приемов владения мечом.

Ну, как приемы...

Поднимай выше, бей сильнее.

Не знаю, так ли на самом деле учат сражаться мечом, или нет, но у меня сложилось впечатление, что этот средневековый метросексуал надо мной прикалывается.

Или же демонстрирует нашим возможным наблюдателям то, что я в сражении совершенный неуч.

Тренировался я, естественно эльфийским оружием, потому как брать надолго в руки «Пожирателя» ради тренировки — значит гарантированно потерять тот запас магии, который у меня имеется.

Ее, к слову не густо, но на парочку простеньких заклинаний должно хватить, если приспичит.

Есть еще надежда на эльфийскую кольчугу, которую я на себя напялил с помощью лучницы, выпив вдобавок укрепляющее зелье.

Если предстоит сражаться, то я буду использовать все доступные мне ресурсы, начиная от снаряжения, в которое я едва втиснулся, и заканчивая магией, сцеженной перстнем.

Уж кое-что я все-таки помню из программы подготовки молодых надирателей ангельских задниц.

Конечно, это не тот приемчик, которым я покروшил эльфов в Великом лесу, много слабее, из числа выученных мной у Гекаты.

Адские колдунства из перстня призывать не хочется хотя бы по той причине, что для начала они берут магию из накоплений, а потом уже тянут из души своего носителя.

И это не есть хорошо.

Хотя бы по той причине, что это здорово укорачивает жизнь, что в мои планы не входит.

Гораздо хуже другое.

Если в перстне иссякнет вся магия, то «Пожиратель Душ» начнет уже жрать меня

любимого.

Чтобы побороться с навалившейся дремотой, принялся разминать шею в надежде, что к голове прильет больше крови.

Ну, такое себе.

Снова поднялся, походил...

Как же хочется спать...

Да что ж такое-то?

Глаза начали закрываться сами собой...

Несмотря на то, что я стою вообще-то.

Сознание затуманивается...

Так хорошо, так приятно падать...

Спать...

Магия из кольца испарилась за считанные секунды.

И в сознание меня привела боль, с которой «Пожиратель Душ» принялся вытягивать из меня кусочки драгоценной сути.

Ощущение было сродни с тем, как если бы я снова отдирал примерзший язык от металлической качели в Новогоднюю ночь.

Чувствуя на лице, которым я упал на «Пожиратель Душ», холод загробного мира, я мгновенно вскочил на ноги.

Перстень Гекаты отозвался ледяной пустотой.

От проклятого меча исходили знакомые колебания голодающего бомжа, рассматривающего через стеклянную витрину ресторана лопающих омаров и стейки посетителей.

Озираясь по сторонам в поисках того, кто пытался меня усыпить, я понял, что вокруг нет ни одного звука.

Только три могучих богатырских храпа и сладкие причмокивания, которые издавала гарантированно уснувшая Лаврик.

Это я понял потому, что попытался ее растолкать, но девица в зеленых трико даже не отреагировала, продолжая храпеть.

На пинок по заднице Фратер продемонстрировал мне ту же реакцию, что и лучница.

Слугу даже будить не стану, только зря время потеряю.

Меня больше заинтересовал его арбалет, к которому я сделал один из пяти необходимых шагов, разделяющих спящих мужчин.

Сдавлив до боли ножны «Пожирателя», я переставил ногу, чувствуя как снова наваливается усталость, но ледяная сталь клинка не давала мне свалиться с ног и отправиться в страну грез.

Еще шажочек.

Осталось всего два.

Давай, нога, ну что ты еле двигаешься...

Прямо передо мной в землю воткнулись сразу две стрелы, а из подлеска подал голос внезапно заскуливший пантеро-тигр.

И что-то мне подсказывает, что он явно сообщал о своем предсмертном состоянии.

Я готовился уже проигнорировать предупреждение, чтобы завладеть арбалетом, но в следующую секунду за спиной раздалось ржание лошадей, перерастающее в конвульсионное хрипение одной из них, сопровождаемое звуками ломающихся костей.

Повернув голову, увидел как огромная когтистая лапа ломает позвоночник второй лошади, а громадное чудовище отбрасывает ее в сторону, словно пушинку.

Трех или четырехметровая мохнатая клыкастая и когтистая срань, проревев на всю округу так, что ей позавидовал бы и пароход, бросилась на меня.

Адреналин вместе с болью нахлынул с головой, отгоняя сонливость.

Едва только пальцы коснулись неудобной рукояти «Пожирателя Душ», как дышать и действовать сразу стало легче.

Появилось ощущение сосредоточенности.

И желание убивать.

Я чувствовал что древнее оружие высасывает из меня магию, насилая темную душонку с ощущениями, словно медсестра решила взять из вены кровушки при помощи здорового шприца.

Но мне было уже плевать.

Потому что здоровенная срань, убив двух лошадей, и оттолкнув от себя с легкостью оставшихся, оказалась в одном шаге от Лаврика.

Ублюдок занес над мирно спящей девушкой свою когтистую лапу, склонившись над ней и с шумом втянув воздух.

Его глаза смотрели прямо на меня.

Желтые, звериные, едва ли не светящиеся в ночи.

На его морде и туше плясали отблески костра.

И до меня, наконец-то, дошло.

— Это же ебанный медведь, — прошептал я.

Обычный, мать его, бурый медведь, весом с полтонны или около того, склонился над эльфийкой, капая слюной из пасти на лицо лучницы и в любой момент готовый одним ударом когтей располосовать ей лицо или горло.

В пляске бликов костра почудилось, что на его шее что-то блеснуло.

Приглядевшись, я понял, что не ошибся.

— Ты из какого цирка сбежал, косолапый? — спросил я, не отводя от него взгляд и не разжимая хватку на мече.

На этой дряни — ошейник.

Это не дикий зверь.

Морда медведя скривилась в презрительной гримасе, а из пасти послышалось недовольное рычание.

От которого бы даже мертвый проснулся.

Но не Лаврик.

И никто другой из нашей братии.

Нет сомнений — нас околдовали.

И не сработало лишь на мне.

Благодаря тому, что я ударился мордой об «Пожирателя Душ».

Клинок, меж тем, высасывая из меня силы, начал набирать яркость высеченных на нем глифов.

Медведь с осторожным любопытством посмотрел на меня, словно опасался нападать.

Трусливая животинка?

Да плевать, надо пользоваться моментом!

— Ты же, сука, ни разу не зверь, да? — спросил я. — Верно, не зверь. Будь так, сука, добр, отойти от моей подруги.

«Медведь» рыкнул что-то в ответ.

Да блять!?

У этой хтонической срани мускулов больше, чем у всей нашей компании вместе взятой!?

Как я вообще принял его за животное?!

Вон, бицуха такая, что говнюка побрить, автозагаром облить до ровной корочки, да на Мистер Вселенная отправляй.

Что там Фратер говорил?

Оборотни тут есть?

Ну, допустим, что они не только в волков обращаются.

Медведь-оборотень.

— Да убей ты ее уже! — раздался голос за моей спиной.

Каким-то шестым чувством я понял, что главная угроза отнюдь не передо мной, а готовится надрать мне задницу прямо сейчас.

Возможно, что даже в прямом смысле.

Времени продумать все красиво у меня как-то не образовалось, поэтому я просто рухнул на колени, одновременно с этим разворачиваясь, удерживая клинок обеими руками и нанося

рассекающий удар.

Зазвенела сталь — мое оружие натолкнулось на аналогичное.

И перерубило его так легко, как если бы хирургический скальпель применялся против натянутой нитки.

На мгновение от подобного сюрприза и надругательства над физикой охренел и я, и мой противник.

Это же дало мне возможность разглядеть того, кто подкрался ко мне сзади.

Ростом чуть выше меня, крепко сбитая, волосатая, человекоподобная хуемразь с мордой тигра, телом человека и конечностями, никогда не знавшими слова «эпиляция».

В одной руке она держала остатки своего меча, жутко похожего на сабельку одного модника, только с рукоятью подлиннее.

Это что, раньше катана была?!

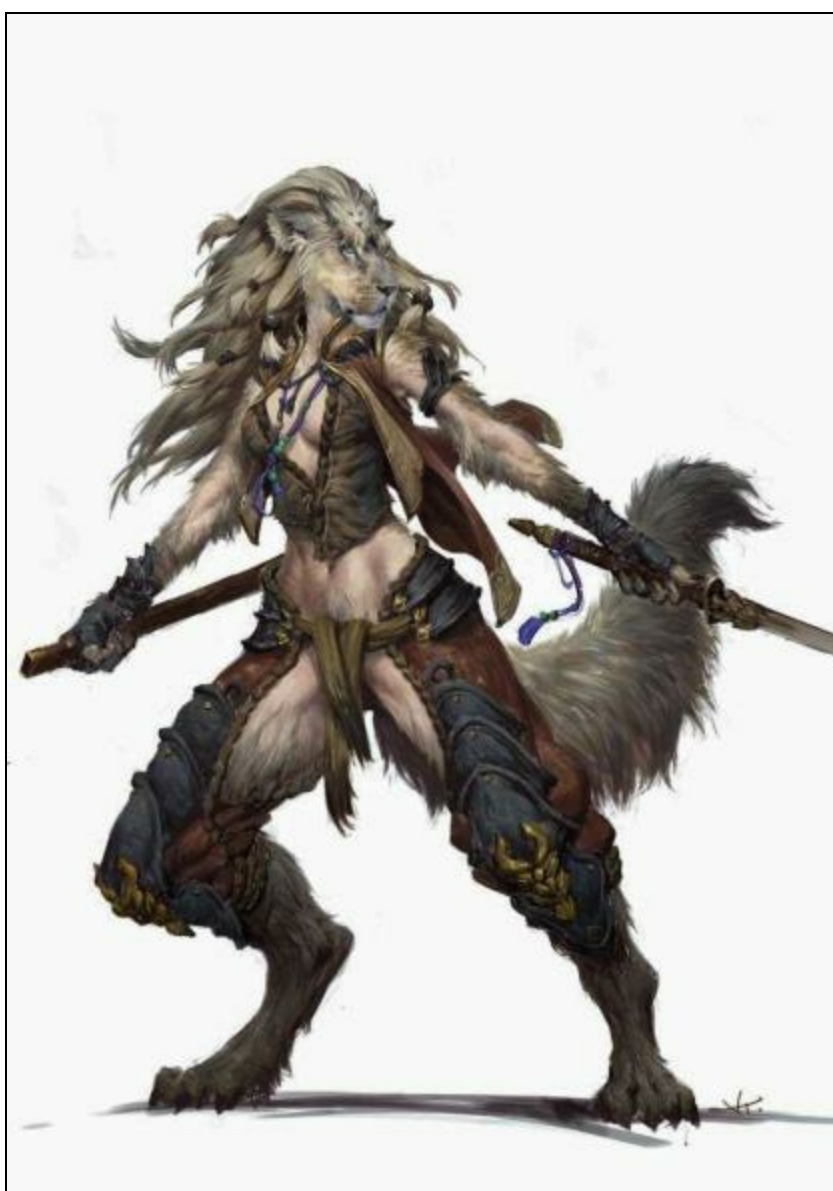
Во второй руке противница (а по половым призракам и декольте это явно не мужик) сжимались ножны.

Никакого снаряжения при себе, кроме короткой одежды, мечта кошкоеба не имела в принципе.

Как и обуви.

Зато имелся пушистый хвост, стоящий дыбом.

И ощущение, что одним из родителей этого кошмара генетики был сибирский кошак, пойманный сектой зоофилов-евгеников.

Ага, об этой няшке речь идет.

На ногах я увидел элементы доспехов.

И, собственно, на этом момент созерцания закончился сам собой.

Рывок ебанной фуррии я смог разглядеть и вовремя среагировать, отпрыгнув назад и уйдя от удара остатками меча.

Едва мои ноги коснулись земли в метре от нее, из леса вылетела стрела, с тихим завыванием направляясь мне куда-то пониже пояса.

Почти замороженный тем, как медленно она все же приближается, словно двигается сквозь сгустившийся воздух, я повторил подвиг противника царя скорпионов, отбив стрелу.

И тут же рядом оказалась та мечта зоофила, попытавшаяся ударить меня ножнами с одной стороны, забив мой кадык подальше к позвоночнику, а второй, все еще сжимающей остатки катаны, полоснула по рукам.

И пусть я заставил ее отпрыгнуть назад, ее инициатива познакомиться со мной поближе закончилась длинной раной на моем левом предплечье.

На коже ощущалось что-то теплое.

Следом прилетели еще две стрелы, с которыми я поступил точно так же, как и с предыдущим намерением проткнуть меня издалека.

Нет, так дело не пойдет.

Я уже чувствую, как меня подташнивает и начинает болеть в голове так, словно кто-то

пытается через соломинку выпить мои мозги.

Бросившись вперед, я размахнулся, чтобы срубить голову решившей прикончить Слугу плода кошачьего блудняка в человеческой бани, наполненной анимешниками.

Лёво-баба лишилась вместилища своего оружия, которые я перерубил вместе с поправкой ее прически, отсекая верхнюю часть гривы.

Женщина (я надеюсь хоть в этом не ошибаюсь) кинулась на меня, избавив руки от ненужных теперь кусков металла.

Удар по корпусу.

Увожу меч в сторону, чтобы отразить выпад с другой стороны.

Чувствую как лицо взрывается от боли, когда по нему проходятся когти.

С криком отскакиваю, спасая глаза, но она продолжает наступать.

Еще удар.

Еще.

Еще...

Не прошло и половины минуты, как я был весь покрыт длинными кровоточащими царапинами на лице и руках.

Я прекрасно ощущал, что мне пытались разорвать живот и грудь, но, судя по тому, как морщится моя обидчица, часть ее маникюра пострадала.

Ба!

Да ведь точно — два когтя с ее рук застряли в мифриле!

Вот только ей вообще плевать на это.

Пошипела и уже тянет нож из-за пояса.

— Олегус! — неожиданно крикнула она, смотря ко мне за спину. — Убей длинноухую суку и помоги!

Мать твою!

Медведь-оборотень!

Я и забыл про него.

Сделав шаг назад, поворачиваюсь так, чтобы видеть первого монстра на этой полянке.

«Медведь» продолжает стоять над Лавриком, пуская слюни и смотря то на нее, то на меня, то на командующую им кошкобабищу.

С чего это он замешкался?

— Ты что творишь? — завопила зверолодка.

Оборотень, у которого в мозгах что-то замкнуло, не нашел ничего лучше, чем сесть рядом с Лаурель.

— Хороший миша, — похвалил его я, с натяжкой улыбнувшись. — Правильно. Не стоит обижать спящую девочку. Особенно, когда это моя девочка. Сам не ебу и другим убать не дам. Ты тут не трогай ничего, а я с тебя ошейник потом сниму, договорились?

Медведь посмотрел на меня как на дебила.

Собственно я и говорил как дебил.

А еще мне очень хотелось блевать.

По спине ползут мурашки, осуществляя маневры с десантированием куда-то в безжизненное пространство.

«Пожиратель Душ» не прекращал свою работу.

Сука такая.

Медведь довольно прищурился и посмотрел на меня даже с какой-то нежностью и

любовью.

Стоило только пообещать зверюшке снять с нее ненавистное украшение.

— Это же рабская приبلуда? — выдохнул я, пытаюсь унять бешено бьющееся сердце и скрученный в узел желудок. — Кто надел? Эта патлатая?

Оборотень натурально отрицательно покачал головой.

— Та хуйня, которая из леса стреляет? — уточнил я.

Медведь оскалился и... кивнул!

— Ну, тогда понятно, — выдавил я из себя улыбку, поворачиваясь к медведю спиной.

Плевать, даже если нападет все-таки.

Судя по всему, жить мне не долго осталось.

— Сейчас тебе пиздец будет, — пообещал я зверюшке, без страха посмотрев ей в глаза. — Я тебе сейчас таких катышков в глотку насую...

Бравада на нее не подействовала.

Как и сделанный мной шаг вперед.

Она просто стояла и смотрела на меня, нагло скалясь.

Когда я оказался в паре метров от нее, она сделала едва уловимое движение правой рукой и в следующую секунду в тело Слуги впились сразу две стрелы.

Причем обе в крохотное пространство между коленями и нижней частью его кольчужной рубахи.

Вот снайпер-сука!

Раб выгнулся дугой, замычал от боли, но не проснулся.

— Сдавайся, — сказала мне зверюшка. — И мы не убьем твоих товарищей!

— Сдается мне ты знатно пиздишь, кошка драная, — произнес я, вкладывая все свои силы в один прыжок.

Она с лентой сделала шаг в сторону, поднимая ногу для удара по моей спине для опрокидывания.

Легко и фривольно решается вопрос с противником, который еле стоит на ногах, но пытается играть в героя.

Но не в этот раз.

Я не намеревался ее разрубить ударом сверху.

Или же полоснуть поперек тела, развалив от печени до селезенки.

Я держал «Пожиратель Душ» перед собой, прекрасно понимая, что мой единственный шанс — это колющий удар.

И я его выполнил.

В тот самый момент, когда почувствовал как моей спины коснулось что-то, напоминающее по ощущениям деревянное лодочное весло, обе мои руки выбросились вперед, втыкая проклятый клинок в незащищенный живот влажной мечты кошкособа-зоофила.

— Ох! — вырвалось из ее груди.

Наши взгляды пересеклись.

Я почувствовал колебания магии и бодрящую энергию, которая пронеслась по моему телу от рук к пяткам и макушке.

Словно дыхание свежего воздуха, наполнившее меня эйфорией и неукротимой силой.

В следующее мгновение стоящая передо мной волосатая убийца взорвалась океаном черного пепла, сопровождающегося засветившимся рунами «Пожирателя Душ».

С громким звоном от моей груди отскочила пара стрел, не сумевших пробить

мифриловую кольчугу.

Дрожь в теле унялась.

Мурашки прошли.

Болезненные ощущения как рукой сняло.

В одночасье чернота передо мной, разгоняемая лишь отблесками костра, развеялась, окрасив мир в оттенки зеленого.

Душа убитой звероловки, крохотная капелька Магии Теней, вернула мне силы для продолжения смертельной трапезы моего клинка.

Со стороны деревьев донеслась тихая ругань — реакция на отсутствие результата со стрелами.

В меня полетел сгусток огня, который без малейшего вреда для меня был отклонен в сторону магическим оружием.

— А теперь, тебе пиздец, — с улыбкой произнес я, бросаясь в подлесок вслед за убегающей от меня искорки жизни.

Крошечный огонек магического дара Создателя, который сегодня ночью будет погашен моим мечом.

— Что ты, черт возьми, такое?

Фраза, ставшая легендарной при встрече Алана «Датча» Шеффера, известно так же в некоторых переводах, как «Голландец» с Хищником, прозванным как «Охотник Джунглей».

Наша ситуация имела мало схожего.

По крайней мере я надеялся, что загнанный в угол противник не начнет нажимать клавиши на своем левом предплечье.

Потому как прыгать с ущелья в горную реку я не хочу.

Я устал гоняться за этой тварью.

Сколько мы отмотали по лесу?

В километрах не знаю, но стоянка моего отряда явно прилично отдалена от этой местности.

Потому как даже ночью, когда звуки распространяются довольно далеко, мы не слышали плеска воды.

А здесь, мать его, настоящий маленький водопад!

Горная река, имеющая в ширину никак не меньше метров двадцати-тридцати, с бурным течением, из тела которой, словно зубы из пасти всплывающего бегемота, торчали многочисленные зализанные течением камни.

И обрыв, на край которого я загнал своего противника.

В отсутствие лесной растительности, в свете луны, все еще переполненный магией души убитого зверолода, я мог разглядеть своего противника во всей, что называется, «красе».

Как и предыдущая убийца, эта принадлежала к расе зверолодей.

И опять же, походила на продукт озорства надсмотрщика за крупными кошачьими в зоопарке.

Метра два ростом.

Тяжелая черная грива, собранная в массивный высокий хвост на затылке, украшенная ожерельями из когтей.

При этом кожа (или это все-таки шерсть?) золотистого окраса с белизной на брюхе и груди.

Думаю это все-таки, как и предыдущая моя жертва, женщина с хвостом, который больше похож на тот, что есть у львиц или пантер.

Наличие женственной и гибкой фигуры об этом намекало.

А присутствие подобия лифчика прямо говорило мне: «братан, ты не ошибся. Это сука. Во всех смыслах!»

На конце каждой лапы — когти, одного вида которых хватает для того, чтобы расхотеть знакомиться с ней ближе.

Горящие расплавленным золотом глаза и пульсирующий магический кристалл, украшающий верхнюю часть сжимаемого ей в правой руке замысловатого деревянного посоха.

Могу побиться об заклад, что это не просто ветка какого-нибудь дерева, подобранная по случаю и обработанная наждачкой.

Она изменена, чтобы стать вместилищем магии.

Локальный источник, которым эта сука пользуется против меня.

Не так давно у нее был лук, который я перерубил, как только догнал ее в прошлый раз.

Это мне стоило порванного уха, обожженной правой руки и рваной раны на шее.

Нас разделяло метров десять, и я сокращал это расстояние с каждым шагом.

Противница, тяжело дыша, смотрела на меня своими звериными глазами, ничего не говоря.

Странно это.

Она вроде бы маг — я ощущаю колебания магии, исходящие от нее и от ее посоха — но выдохлась она довольно быстро.

Быстрее меня.

Не говоря уже о том, что сейчас она даже не пытается бросить в меня каким-нибудь заклинанием, как это было до сих пор.

Даже говорить что-то не пыталась.

Просто дышала и смотрела на то, как я приближаюсь.

Стояла она так, будто готова к прыжку.

Напряженная, собранная, сосредоточенная.

Не сводящая с меня взгляда.

И, честно говоря, я не понимаю причины, по которой она до сих пор не сиганула с обрыва.

Она же же кошкодевка?

Кошкодевка.

Кошки любят безумные прыжки?

Любят.

Ночной «тыгыдым-тыгыдым» у нас уже был, так что почему не сигает с обрыва, коли умеет и готова к этому?

— Чего ждешь-то? — поинтересовался я, замирая в пяти-шести шагах от своей будущей жертвы.

«Пожиратель Душ» буквально терзался от желания впиться в ее плоть и как следует подпитаться ее магией.

Судя по всему, на этот раз есть возможность «подзарядиться» как следует, потому как я буквально чувствую, что если воткну в нее свой дьявольский клинок, то насытится он куда как больше, нежели чем от предыдущей жертвы.

Что довольно логично — магической составляющей в душах магов естественно больше, чем в тех, в ком ее нет.

Хотя, еще вопрос — а была ли предыдущая патлатая простым существом, не умеющим направлять магию?

Мою кожу что эта, что предыдущая зверолодка, вскрыли своими когтями и оружием без особых проблем.

А она, вообще-то укреплена магическим зельем.

— Сделка! — выкрикнул мой противник.

Голос сильный, требовательный, но в то же время с женскими интонациями, что явно указывает в ней «слабый пол».

Одной этой мысли хватило, чтобы «Пожиратель Душ» затрепетал, просясь познать богатый внутренний мир этой патлатой магички.

Кстати говоря, приблизившись, должен отметить, что я все же ошибся.

Шерсти на теле у нее нет.

Коричневато-белый оттенок принадлежал простой коже.

Которая, к тому же еще была покрыта пятнами, навроде тех, которыми изобилует шкура...

Ба-а-а-атюшки!

Так она же гепард!

Та самая «киска».

То-то я думаю, она по лесу бежала, словно в задницу ужаленная.

Если б «Пожиратель Душ» не подпитывал меня магией плененной сущности предыдущей убийцы, то я хрена б с два сумел подобный спринтерский марафон провернуть.

Ну, теперь понятно, почему она без сил.

Как-то смотрел я передачу про мир животных.

И там указывалось, почему гепарды не могут быть постоянно такими быстрыми и бежать сколько им вздумается.

Их скорость — это средней продолжительности рывок за добычей, или от опасности.

Длительным он быть не может, иначе гепард банально перегреется, «закипит», словно автомобильный радиатор.

Это предположение мгновенно придало мне чуть больше уверенности.

Но проклятое оружие я в ножны убирать не стал.

— Да что ты говоришь? — поинтересовался я. — А может с утеса прыгнешь? Или е

речку бросишься? Или что же это, получается, киска не любит прыжки и большую воду?

— Сделка! — повторила она снова.

На этот раз — тоном более просящим.

Она в самом деле в отчаянии, или хочет сделать вид, чтобы нанести решающий удар?

Из опыта столкновения мы оба понимаем, что против «Пожирателя Душ» и эльфийской кольчуги у нее нет ничего в арсенале.

Не спорю, заклятьями она разбрасывается, как печатная машинка США доллорами.

Но все они слабенькие.

Уверен, что у меня после попадания одного из ее «файерболов» даже рука не отвалится.

Хотя явно будет больно.

— С чего ты взяла, что мне нужна твоя сделка, кошка ты драная? — спросил я, подходя к ней уже на три метра.

Кошачья сделала пару шагов назад и тут же, едва из под ее пяток посыпались камешки рефлекторно шагнула вперед.

— Сделка! — повторила она практически плачущим голосом. — Я не хотеть убивать. Хотеть ранить. Хотеть плен и получить деньга.

Это что еще за акцент?

И что еще за «деньга»?

А, впрочем, кажется, я начинаю догадываться.

— Вы — наемники?

Кошка пятнистая, подумав, закивала головой.

— И вам заказали меня убить?

Отрицательное мотание башкой.

— Ранить. Плен. Деньга получать.

Пропущенные слова следует вставлять самому в нужных склонениях и падежах.

— Кто нанял? — спросил я.

— Сделка!

— Честно говоря, имечко такое себе, — каламбур хреновый, но мне нужно время поразмыслить.

Девушка явно на своем ломанном и богатом на красноречие языке хочет дать понять, что хочет договориться.

Вероятнее всего условия будут из серии: «Ты мне — жизнь, я тебе имя заказчика!»

Подозреваю, что это кто-то из числа тех, что были завязаны с контрабандой в таверне, которую мы посетили.

Вот только вопрос: а люди ли их наняли, или же эльфы?

Кого именно бояться-то нужно?

Что-то мне подсказывает, что явно местные.

Эльфам ничего не стоило разделаться с нами собственными силами — достаточно было бы просто обстреливать нас из леса с помощью столь любимых ими луков и стрел.

Подстрелили бы сперва Лаврика, как нашего командного скорострела, потом Слугу и все, мы легкие мишени, не способные атаковать на большой дистанции.

Уверен, что эльфы прекрасно понимают как обращаться с противниками, подобными нам.

Уж очень они беспокоятся за свою тайну.

Вон, первым же ударом попытались прикончить одного из нас и толстяка.

Чтобы уничтожить сразу опытного бойца, который мог им создать проблемы в случае конфликта в помещении, а так же источник информации на тот случай, если не смогут избавиться от всех сразу.

Но, зато и гарантия, что никто ничего не сможет узнать от мертвого держателя таверны.

Попахивает наличием мозгов у противника.

Даже этот отряд из трех мутантов, действует не нахрапом, а с тактикой.

Явно наблюдали за нами.

Явно поняли, что готовится ловушка.

Поэтому-то и ударили сперва сонным заклинанием, чтобы взять без «шуму и пыли».

А вот убитые лошади, это уже побочный эффект того, что я оказался способен не уснуть.

Пусть это и не совсем логично, но хотелось бы понять уровень угрозы, который на нашу голову свалился.

— Ну, сделка, так сделка, — хмыкнул я, поднимая меч и упирая его край в грудь зверолодки. — Знаешь, что это у меня в руках?

Магичка бросила быстрый взгляд на «Пожирателя Душ».

Утвердительно кивнула.

— Плохая железка, — сказала она. — Сильная железка. Магия дедов.

Ну да, дедов...

Деды они вообще, молодцы, воевали здесь на совесть.

До сих пор «эхо войны» популярностью пользуется, судя по контрабанде.

— Значит понимаешь, что я могу распылить тебя и запросто поглотить твою душу? — уточнил я.

Судя по тому, как расширились глаза зверолодки, сказанное для нее являлось откровением.

Уверен, что лишь в части поглощения души.

Несомненно, она видела во что я превратил ее боевую подругу и исхода из опасности именно этого плана.

— Сделка?

— На моих условиях, — улыбнулся я.

В голове созрел план.

Не бог весть какой, но все же лучше, чем ничего.

Зачем распылять засранку и довольствоваться ее душой, если есть вариант получше?

— Сделка, — зверолодка явно расслабилась.

А зря.

Снова становилось дурно.

Но, факт остается фактом.

Пусть и не самый лучший, но у меня появился источник магии.

— Положи свой посох и ходи моя сторона, сука ты хвостатая, — приказал я, внимательно следя за тем, как зверобаба послушно выполняет приказы.

А сразу после этого, как она перестала представлять для меня повышенную опасность, обратился к тому заряду магии, который во мне еще оставался.

И уже через мгновение на горле зверолодки-магички появились руны рабского заклинания.

Та, осознав произошедшее, попыталась было ударить меня когтями, подумав о том, что

раз я убрал меч в ножны, то угроза пропала.

Но так и замерла с поднятой рукой, задыхаясь от сдавления шеи магией и рухнув на колени.

— Даже не пытайся, — посоветовал я, покровительственно погладив ее по волосам, пока зверолодка царапала себе шею в надежде сорвать невидимую удавку с горла. — Сама же попросила сделку. Вот и заключила ее. Не с дьяволом, конечно, но уж точно не с добряком.

Женщина-зверь, наконец, приняв очевидное, посмотрела на меня исподлобья, сверкнув своими желтыми глазищами.

На мгновение у нее на лице проступило подозрение, которое превратилось в уверенность, когда я протянул ей рукоятью вперед «Пожиратель Душ».

— И ветку свою прихвати, — я изобразил на лице самую добрую из улыбок, которые имел в своем арсенале доброжелательности. — В ближайшее время тебе потребуется вся магия, какая только есть.

А у меня, раз уж так вышло, теперь есть не только батарейка магического происхождения, и рабыня, сведущая в заказных убийствах, но и прислужница, которая может дать мне ответы на вопросы, связанные с магической составляющей этого мира.

Возвращение в лагерь заняло довольно много времени.

Над верхушками деревьев появились первые проблески света, когда я и зверолодка по имени Лео, шагнули на поляну, где минувшей ночью остановились на ночлег.

Наша встреча на утесе произошла примерно в полночь, когда луна застыла едва ли не перпендикулярно над поверхностью земли.

И, надо сказать, что без поддержки «Пожирателя Душ», далась она мне не легко.

Без поддержки магии, которой со мной делился дьявольский клинок, не имелось возможности видеть дорогу на сотни метров вперед.

Зверолодка, силы которой пожирал все тот же магиюзагрещающий клинок, несколько раз падала без сил, и тогда я прекращал отток магии, возвращая оружие в ножны.

Если я правильно предполагаю, то «Пожиратель Душ» не то что не нажрался принесенными ему в жертву магическими существами сегодня ночью, но и даже не думал хоть чуток притупить свой магоотсос.

Складывалось мнение, что эта тварь вообще бездонная, как глотка моей бывшей.

И от этого слегка страшновато становилось.

Как и от понимания того факта, что в моей шевелюре появилась седина — оружие, хоть и создано такими как я для таких как я, за своего меня не принимало, а потому вытягивало магию с задором и огоньком.

Теперь уже идея того, чтобы пользоваться им в критических ситуациях не казалась мне вынужденно хорошей.

Скорее — смертельно опасной и требующей приложить голову к тому, чтобы придумать как сделать так, чтобы вообще не прикасаться к нему.

А значит, придется согласиться со словами Шовеля о том, что мне просто необходимо оружие, которым я могу орудовать, но не буду при этом находиться одной ногой в могиле при его применении.

Радость от обнаружения древнего артефакта блекла по сравнению с той угрозой, которую меч представляет для меня.

Примерно с такими мыслями я в сопровождении своей рабыни вернулся в лагерь.

Обстановка примерно соответствовала той, которую я оставил, бросившись в погоню.

Два трупа разорванных медведем-оборотнем лошадей.

Лежащие в тех же позах, что и ранее трое моих спутников.

И сам оборотень, сидящий возле Лаврика.

Там, где я приказал ему находиться перед отходом.

Интересно.

Если на нем рабский ошейник, физический аналог моего заклинания, то почему тогда он меня послушался и не стал убивать Лаурель?

Из изменений можно отнести то, что две оставшиеся коняжки, очевидно не разделив удовольствие находиться рядом с оборотнем, оборвали свои поводья и испарились в неизвестном направлении.

Костер практически затух, что меня особо не устраивало.

— Разберись с этим, — приказал я зверолюдке, указывая на едва теплящиеся угли в центре лагеря.

Лео, посмотрев на вырытое под костер углубление, на небольшое количество оставшихся рядом веток, исполнявших роль дров, с недоверием покосилась на меня, взявшись обеими руками за свой посох.

Последнюю часть пути после своего крайнего падения от бессилия, она проделала без того, чтобы нести в руках клинок.

В ножнах, так сказать «фоновом режиме», он не так уж и сильно отбирает магию вокруг.

По крайней мере у меня за это путешествие в кольце Гекаты появилось немного магии.

И, что любопытно — побольше того, что я за аналогичный период накапливал в Великом Лесу.

Либо на территории эльфов вытягивающее магию заклинание в разы сильнее, либо же, наличие у меня сразу двух рабынь, одна из которых — магичка — позволяло мне быстрее восполнять потенциал, который я в состоянии использовать.

Но, все равно, недостаточно для того, чтобы творить бардак с помощью Магии Теней.

На данный момент того, что у меня имеется в кольце, хватило бы, чтобы сотворить простенькое заклинание, вроде разведения огня с помощью все того же файерболо, может быть двух, которыми меня атаковала зверолюдка в ходе погони в лесу ночью.

Но, зачем этим заниматься самому, если имеется магичка, которая связана со мной, пусть и не совершенным, но все же рабским заклинанием?

Были бы в нем пробелы и недоработки слишком серьезные, то Лаврик несомненно воткнула бы мне нож в спину.

— Делай-делай, — сказал я, видя, что зверолюдка мнетя рядом с ямой для кострища.

— Делать, — пробурчала та, закрыв глаза и протянув вперед руку. — Я делать! Нужно центр сделать.

Думаю, она имеет ввиду концентрацию — необходимость мобилизации внутренних устремлений для направления воли в реализацию конкретного заклинания.

Спустя пару секунд после ее слов, тлевшие на остатках импровизированных дров угли разгорелись с новой силой.

Я ощутил колебания магии, исходящие от зверолюдки, безошибочно определив, что их источником является ее изрядно ослабевший после ночного путешествия к лагерю посох.

А значит, магия исходит не напрямую от нее, а от накопителя, роль которого выполняет эта деревья.

Что наводит на мысли о слабости моей новой знакомой как мага.

Сильные волшебники не нуждаются в источниках, они черпают энергию из собственной души.

Так было в моем мире.

И так должно быть в этом, потому как природа магии одинакова для все сущего — Создатель любит шаблоны.

По крайней мере мне так объясняла Геката.

Я вот, тоже черпаю магию из перстня, как из источника.

Артефакт обладает возможностью сбора магии Теней из окружающего пространства, но не из моей духовной составляющей.

Что относит кольцо к категории «новоделов», потому как в прошлом, опять же, судя по тому, что мне объясняли, каких-то ограничений на эту тему не существовало в принципе.

Думаю, что «новоделы» созданы специально для того, чтобы привлекать как можно меньше внимания сильных мира сего.

В моем случае на Земле — длинноухих пернатых ублюдков.

Магический клинок же, напротив, не имеет никаких предрассудков относительно того, откуда черпать энергию для своего функционирования.

Удовлетворенный тем, что костер вернулся к жизни, я обратил свое внимание на невозмутимо сидящего рядом медведя.

Оборотень, так и не сменив места своего «приземления», угрюмо смотрел за тем, как я общаюсь со зверолюдкой.

Перед тем, как я кинулся за ней в лес, он дал понять, что именно она нацепила на него рабский ошейник.

И я обещал его снять.

— Твоих рук дело? — спросил я у магички, указав на оборотня.

— Перевертыш сам родиться так, — отрицательно замотала головой она. — Старый. Дикий. Большой. Убивать много. Я контроль. Больше не убивать много.

— Я тебя тоже контроль, — усмешка заставила зверолюдку поджать губы. — Насколько он опасен?

— Большой опасность, — предупредила она. — Много убить. Потом я контроль. Убить теперь по приказу.

В переводе на понимающий язык, оборотень представляется мне словами зверолюдки как дикое животное, которое убивает всех без разбора.

И только она такая хорошая, заключив его в рабский ошейник, смогла остановить засранца.

Не без выгоды для себя, конечно же.

Очевидно, в их отряде он исполнял роль грубой физической силы.

Вот только, возникает вопрос.

Если это парень настолько силен и безумен, то почему он не подчинился приказу и не убил Лаурель, когда ему это прямо указывали делать?

Почему он меня послушался в таком случае?

— Он может принять человеческую форму? — спросил я.

— Сделать, если я разрешить и дать магия, — кивнула зверолюдка. — Я слаб, чтобы он

перевоплотиться.

То есть у моей рабыни есть свой раб.

Который может вернуть себе человеческое обличье только лишь по желанию зверолодки.

И с ее помощью.

Ну, и так понимаю, служить он будет тоже только ей.

Как-то это не слишком по-рабовладельчески, если речь идет обо мне как о хозяине.

— Почему он не убил мою спутницу сразу? — спросил я.

— Приказ быть напугать, — пояснила зверолодка, избегая взгляда с оборотнем. —

Угрожать. Чтобы ты спать.

Оборотень тянул время, чтобы меня взяло сонное заклятье.

Хм...

Изобретательно, ничего не скажешь.

Я сел рядом с оборотнем, посмотрев на медвежью морду.

Косолапый смотрел мне в глаза.

— Я обещал тебя отпустить, — медведь качнул своей мордой вверх-вниз. — Она говорит, что ты убиваешь всех без разбора. Если сниму ошейник — ты начнешь убивать моих товарищей?

Оборотень со злобой посмотрел на зверолодку.

Потом посмотрел на меня.

Помотал головой из стороны в сторону.

— Не будешь, значит, — проговорил я вслух значение его движений. — Видел, что я сделал с первой зверолодкой?

Снова утвердительное кивание головой.

— С тобой будет тоже самое, если попробуешь напасть на меня или кого-то, кто на этой поляне находится, — предупредил я.

Хотя не был уверен в том, что смогу подобный экспромт с «Пожирателем Душ» вытворить еще раз.

Медведь обиженно зарычал.

— Вот и молодец, — похвалил я, протягивая руки к его ошейнику.

Обычный простенький ошейник.

Не имеющий ни замка, ни места склейки.

Гладкий, где не посмотри.

Только лишь металлическая блестяшка с изображением стоящей за моей спиной зверолодки присутствует.

Так понимаю, это нечто вроде клейма хозяина, только выбитого на жетоне.

А вот причину, по которой нет замка, я узнал от самой обладательницы опасного существа.

— Снять нет. — заверила она. — Ошейник один раз. Резать — нет ошейник. Дикий свободный. Много смерть.

А значит снять его с шеи медведя и применить к кому-то еще невозможно.

Печально.

Такие артефакты, пусть и не этичные в моем представлении, но все же нужны в хозяйстве.

Вдруг еще кто-то захочет меня прикончить?

А у меня есть приспособление, чтобы держать его под контролем для последующего допроса или служения.

Обращать в рабство тех, кто мне ничего не сделал, как по мне, идея глупая и мерзкая.

А вот заставить служить своего врага, который помышлял тебя прикончить...

Собственно, почему бы и нет?

Медведь довольно стоически отнесся к мифриловому кинжалу, которым я попытался срезать ошейник.

Вот только на материале, из которого изготовлен символ рабства, не осталось и следа.

Интересно получается.

— Сними ошейник, — потребовал я у зверолодки.

— Я снять, — ответила она. — Позже. Слабый я. Сила много нужно. Много отдыха нужно.

Вот тебе и новость.

Следовательно, мне необходимо дать зверолодке отдохнуть, чтобы она могла снять ошейник?

В моих планах она должна вкладывать свою магию в меч, чтобы имелась возможность ее использовать уже мной.

Не зверолодку использовать в смысле, а магию в мече.

Судя по всему, то, что он с легкостью противостоит магическим атакам, напрямую зависит от того, есть в нем магия или же нет.

И, уверен, это не единственное его свойство.

Итак уже довольно немало бонусов дает это оружие.

Крушит вражеские клинки.

Помогает сопротивляться сонной магии.

Вытягивает магию.

Уничтожает тела, которые пронзил.

А возможно это касается не только неодушевленных объектов.

Неразрушим как минимум от некоторых магических атак, вроде файерболов, которыми в меня бросалась зверолодка во время лесного вояжа.

Хотя, возможно, это связано с тем, что она сама достаточно слаба, и если я буду противостоять магу более опытному и сильному, то мне не поможет уже просто закрыться клинком.

Уверен, что чем больше в нем окажется магии Теней в будущем, тем полезнее он станет.

Жаль, что инструкции по эксплуатации к нему не прилагается.

Я бы с радостью почитал.

Впрочем, сейчас у меня есть возможность проверить как он взаимодействует с магическими артефактами.

Вот только для начала, в целях эксперимента, стоит снять с себя перстень Гекаты.

Ведь не иссушивает же оружие мгновенно всех, кто находится рядом с ним, даже если он вынут из ножен?

Я бы почувствовал это ночью.

Не опустошает резерв кольца, пока я не беру его в руку.

Значит, чтобы поглотить магические накопители со всей доступной ему скоростью, демоническому клинку необходим прямой тактильный контакт с источником.

А, что еще более любопытно, так это то, как зверолодка будет пополнять запас магии в

своём посохе.

Очень интересно.

Думаю, мой меч сейчас работает по тому же принципу, что и ее посох — сперва накапливает магию, а затем отдает ее.

Вот только, в отличие от деревяшки, демоническое изобретение, даже когда я пользуюсь его накоплениями, продолжает высасывать магию.

Но уже из меня.

Предположу, что это как-то связано с тем, что я не его владелец.

Возможно, что используй его кто другой, он бы даже не позволил зачерпнуть из себя магию, а мне позволяет это делать, потому что я Практик.

Ну, почти.

Нужно будет при возможности поэкспериментировать с этим.

Увидев, как я вынимаю «Пожиратель Душ» из ножен, скривившись при этом от болезненных ощущений, оборотень взревел и поднялся на задние лапы, угрожающе продемонстрировав мне свои клыки и когти на массивных ручищах.

— Злой! — крикнула мне зверолодка. — Хотеть убить! Надо убить он! Чтобы пух и разлетелся!

Ну да, конечно.

Что-то есть в этом оборотне, раз ей так не терпится видеть его приконченным.

А, раз она так хочет, чтобы он был убит, значит тем больше у меня желания освободить его и поговорить по душам.

— Рот закрой, — приказал я, чувствуя, как холодеет внутри от действия клинка. — Эй, оборотень!

Медведь посмотрел на меня с недоверием.

— Я не собираюсь тебя убивать, — пришлось процедить это сквозь зубы, так как уж очень больно держать это оружие в руках.

И адреналин, почему-то не приходит все это заглушить.

— Этот меч может снять с тебя ошейник, чтобы не ждать, пока она накопит силы, — пояснил я, приближаясь к спящей Лаврику и переступая через нее. — Уверен, что ты тоже не хочешь ждать, пока она будет готова. Верно?

Оборотень проворчал, посмотрев недобрым взглядом на зверолодку, а затем согласно кивнул.

Ну, вот и отлично, что согласился.

Тем более, что есть у меня предположение, что без рабского ошейника оборотень сможет сам обратиться в человека.

И у нас будет возможность пообщаться по-человечески.

Что ж...

В список способностей «Пожирателя Душ» можно добавить и то, что он обращает в пепел не только лишь пронзенных им бедолаг.

Но и магические артефакты.

Судя по ощущениям — так же поглощая их запасы магии.

Прекрасно!

Превосходно!

Вот бы еще получалось блокировать магоотсос клинка, как это у меня сработало всего один раз, тогда, в подвале таверны.

Но, почему-то больше не получалось.

Сколько бы не пыжился, сколько бы не представлял себе, как тогда, что запрещаю клинку забирать из меня магию — не срабатывало.

То ли клинок тогда был слаб и не мог мне противиться, а потому послушался, то ли не разобрался в том, кто им командует после вынужденного магического голодания, прописанного ему самим временем.

В любом случае, наблюдая за тем, как с шеи медведя падает черный пепел магического ошейника, а с тихим звоном исчезает медальон владельца, я запихнул оружие в ножны.

Сделав шаг назад, едва не наступив на спящую Лаурель, посмотрел на медведя-оборотня.

Тот, словно не веря в то, что с ним произошло, погладил когтистой лапой по шее.

Потом повторил это же, но уже обеими.

А затем...

Взревев, оборотень встал на задние лапы, словно Кинг-Конг, дубася себя лапами по грудным мышцам.

— Дикий! — услышал я истеричный вопль зверолодки. — Он хотеть убивать! Убить! Надо убить!

Оборотень, закончив свое рычание, с нескрываемой злобой посмотрел на свою недавнюю хозяйку.

Недвусмысленно сделал шаг вперед, по направлению к ней, демонстрируя свои когти и обнажив клыки в угрожающем рычании.

— Не смей! — приказал я, держась у рукояти меча. — Только попробуй — и я превращу тебя в прах!

Оборотень, не снижая градуса своей агрессии, посмотрел на меня, потом снова на зверолодку.

Словно решал, сумеет ли расправиться с нами обоими.

Я его нерешительность разделял.

Потому как тело болело, а ощущение сосущей пустоты никуда не прошло, несмотря на разрыв тактильного контакта с демоническим оружием.

— Я освободил тебя, как и обещал, — пришлось напомнить ему. — Ты же давал слово, что не причинишь никому вреда. Помнишь?

Так себе попытка надавить на жалость.

Этому гиганту, который мне фактически в лицо ревет, ничего не стоит одной лапой

приложить меня и отправить в нокаут.

А потом — прикончить зверолодку.

Не буду тешить себя мыслью, что у меня получится с ним справиться, или, хотя бы выхватить меч.

Сейчас складывалась весьма опасная ситуация, о которой я заблаговременно не продумал.

Но и сокрушаться по этому поводу точно не собирался.

— Как насчет того, чтобы поговорить? — предложил я, смотря на оборотня. — Превращайся в человека, сядем, обсудим...

Медведь-бодибилдер, смерив меня злым и недоверчивым взглядом, после чего, еще раз как следует рыкнув, с шумом и прытью, которые никак не ожидаешь от подобной туши, пересек полянку и скрылся в лесу.

Какое-то время я молча стоял, прислушиваясь к тому, как трещат деревья, а потом, махнув рукой, вернулся к зверолодке.

— Надо догнать! — дернула она меня за рукав, внимательно посмотрев в глаза. — Охота! Убить! Сейчас!

— В задницу пошла, — посоветовал я направление дальнейших действий своей рабыне, усаживаясь у костра.

Мне было холодно.

Колотила мелкая дрожь.

Не только от зябкого утра, но и от осознания того, что за прошедшую ночь и утро я несколько раз был на волосок от смерти.

Иронично, учитывая тот факт, что Практики умеют повелевать нежитью и воскрешать мертвых.

Но, что-то мне подсказывало, что на себя никто из нас свою магию в этом плане распространить не сможет.

Подкинув в костер несколько поломанных об колена веток, я с сожалением посмотрел на свою исполосованную, местами прожженную и изорванную в ходе ночных приключений водолазку.

Не говоря уже о том, что надевать ее поверх эльфийской кольчуги было чревато пресловутой «разношенностью».

Впрочем, свое дело она сделала — скрыла наличие у меня брони под одеждой.

Да и к тому же, уже не раз меня попрекали тем, что я выделяюсь «одеждами нездешнего кроя».

Нужно с этим что-то делать.

Вздыхнув, стянул водолазку через голову, смочил ее водой из фляги и принялся стирать с себя запекшуюся кровь.

Зверолодка, стоя посреди лагеря, наблюдала за моими действиями, даже не шелохнувшись.

— Чего встала, хвостатая? Тащи сюда свою задницу, будем знакомиться более детально.

Лаурель проснулась, зябко поежившись от утренней прохлады.

Девушка, сладко зевнув, почувствовала бодрость во всем теле.

Давненько ей не удавалось выспаться, пусть и в полевых условиях.

В такие минуты даже далекое щебетание птиц и пока еще не такие теплые, как в

полдень лучи света радуют.

Девушка потянулась, любуясь синевой неба над головой.

А в следующую же секунду уже подскочила на ноги, наложив стрелу на лук и обернувшись в поисках опасности.

Утро?!

Уже утро!

Как так?!

Ее должны были разбудить перед рассветом для самой тяжелой вахты, которую она легко несла благодаря превосходству эльфийского тела над человеческим.

Что произошло?

Девушка практически сразу же натолкнулась на сидящего у костра Глеба, который помешивал тоненькой веточкой что-то в кипящем на огне котелке.

Одет он был, почему-то в эльфийскую кольчугу, не тая ее от возможных наблюдателей, как это было задумано согласно плану.

Да и плаща на нем нет...

Что произошло, и почему он решил озаботиться приготовлением завтрака?

Судя по запаху — там что-то в самом деле вкусное варится.

— У меня для тебя новость, Лаврик — даже не посмотрев на нее, произнес Практик. — И она тебе понравится.

— Что произошло? — спросила девушка, отметив наличие двух разорванных на куски лошадей и отсутствие еще двух.

Явно не к добру такие утренние знаки.

— У меня появились аргументы в пользу своего нежелания использовать тебя в качестве ночного обогревателя, — как ни в чем ни бывало продолжал человек. — Первое — ты храпишь, как пьяный тракторист, подражающий своему рабочему инструменту. Второе... Камон, мать, ты во сне слюни пускаешь?

Лаурель, смутившись, только сейчас ощутила некоторое стягивание в уголках рта, после чего быстро утерла остатки слюны с лица.

— Не понимаю, — произнесла она. — Я... Я никогда себя так ночью не веду.

— Поверю на слово, — хмыкнул Глеб. — Жаль нет телефона, записал бы компромат, потом бы тебе на свадьбу подкинул.

— Чего?! — опешила девушка. — Какая еще свадьба?

Практик искоса посмотрел на нее с удивлением.

— Ну там, знаешь, союз мужчины и женщины... Или у эльфов союзы только с деревьями?

Девушка фыркнула, убирая стрелу в колчан и снимая тетиву с лука.

И так оружие всю ночь было в напряжении.

Кстати об этом.

— Почему меня не разбудили ночью? — спросила она.

— У подруги своей новой спроси, — посоветовал Глеб.

— Ты о ком? — не поняла Лаврик.

— Он имеет меня, — услышала девушка голос, доносящийся со стороны лежащего за костром Слуги.

«Да нет, ну не может быть...»

Подозрения девушки разлетелись в прах, когда она увидела, что кроме помощника

Паладина, там находится еще и...

В руке машинально оказался кинжал.

— Кто это такая? — спросила девушка, приближаясь к Глебу и не сводя взгляда со зверолоудки, которая занималась тем, что держала руку на теле Слуги.

Судя по желтоватому сиянию, которое лилось из-под места прикосновения, явно лечила.

— Лео, — сказал Глеб.

Словно это все объясняло.

— И?

— Что «И»?

— Больше ничего сказать не хочешь?

— Ну-у-у-у, — задумался Глеб, посмотрев на нее. И только сейчас, присмотревшись, девушка увидела, что на лице и руках мужчины видны многочисленные ссадины и порезы.

Даже следы ожогов.

Одно из ушей так и вовсе было в крови, словно его кто-то пытался оторвать, а затем с помощью магии исцелил.

Да, если присмотреться повнимательнее, то он весь в размазанной крови по рукам и лицу.

Видно пытался стереть, но почему-то прервал этот процесс.

— Лео — часть отряда, который наняли, чтобы нас прикончить и вернуть контрабанду, что мы прихватили в таверне, — разродился, наконец-то, объяснениями Практик.

— И она просто рассказала тебе это? — не поверила лучница.

— Да, — согласился тот. — Но, сперва я ее хорошенечко отмудохал, она и ее бешенная подружка меня отмудохали и вот, сидим мы у костра, ждем когда кончится действие усыпляющей магии, которую Лео на нас наслала, чтобы потихоньку перебить. Варим супчик на завтрак, мило болтаем. Все такие дружелюбные и отмудоханные.

Лаврик секунду постояла с обнаженным оружием, после чего, вздохнув, подошла и села рядом с Практиком.

— Нас хотели ночью убить? И ты всех победил?!

Молодой мужчина невесело усмехнулся.

— Где-то в лесу бегает медведь-оборотень из их же компании, которого я освободил, — сказал Глеб.

— Олегус хотеть убить эльф! — сказала Лео, отрываясь от Слуги. — Хозяин не дать ему убивать. Хозяин иметь меня и отпустить Олегус. Эльф, — она ткнула пальцем в Лаурель, — остаться жить. Лео готовить похлебка.

Лаурель переварила сказанное, после чего по-новому посмотрела на сидящего рядом с ней мужчину.

— Ты не дал оборотню меня убить?

Несколько секунд Глеб молчал, после чего неожиданно рассмеялся.

— Лаврик, у тебя всегда позднее зажигание?

— Ничего я не зажигаю поздно, — смутилась девушка. — Просто... Ты спас мне жизнь, выходит...

— Да ладно, чего уж там, — махнул рукой мужчина. — Воды вот только почти не осталось, разошелся я как-то с отмываниями...

Мужчина небрежно указал в сторону кучки окровавленных тряпок, в которых Лаурель

едва смогла опознать плащ и фуфайку с воротом, которую Глеб как-то назвал водолазкой.

Сообразив объем крови, который впитали в себя тряпки, эльфийка молча сглотнула подступивший к горлу ком.

— Спасибо, — тихо прошептала она, только сейчас в полной мере сообразив насколько близко был к провалу план выманивания убийц «на живца».

Девушка инстинктивно прижалась телом к мужчине, подрагивая от холода и понимания того, как близка она и другие были к смерти.

— Эм... — сбитый с толку Глеб посмотрел на нее, втершуясь к правому боку так, чтобы его рука словно обнимала ее. — Да... не за что... Наверное.

Девушка с этим была не согласна.

Потому как среди прописных военных истин эльфов есть простая мудрость, которую вдалбливают каждому рейнджеру-новобранцу.

«В случае непреодолимой опасности, спасайся сам. Обреченным товарищам уже ничего не поможет».

Правда, не было в Великом Лесу таких опасностей, с которыми бы патрули не справились...

А здесь же...

— Лаврик, — позвал ее Глеб.

— Да, господин?

— Ты шить умеешь? В этой кольчуге пиздец как холодно, а другой одежды у меня точно нет.

Девушка промолчала, не желая признаваться в своем неумении.

Еще сутки назад она бы с гордостью напомнила, что вообще-то ее зовут Лаурель, и она эльф-рейнджер, почти воительница, а не какая-то там рукодельница.

Сейчас же ей казалось лучшим вариантом просто заткнуться и подумать, как исправить ситуацию.

Фратер выслушал историю Глеба с мрачным молчанием.

Сидящий рядом Слуга, которого продолжала лечить зверолодка, периодически морщился от болезненных ощущений.

Все же вырезанные из ляшек наконечники стрел никому не добавляют здоровья и оптимизма.

Когда Практик закончил свой рассказ, пояснив, что отпустил оборотня, потому что пообещал ему свободу в обмен на сохранение жизни всем спящим в лагере, Паладин помассировал виски.

— Надо признать, ловушка не удалась, — подытожил он.

— А ведь сколько стараний в нее было вложено, да? — усмехнулся Глеб. — Показное обучение фехтованию, чтобы наблюдатели поняли какой из меня хреновый вояка. Демонстративный лошара в качестве часового. Трое бойцов, спящих в обнимку с оружием и готовых в любой момент кинуться на врага...

— Когда бой неминуем, его следует принимать на своих условиях, — огласил прописную истину Шовель. — Да, мы не справились. Но, откуда нам было знать, что у противника будет маг, умеющий накладывать сонные чары? Я рассчитывал на то, что за нами погонится какой-нибудь людской патруль, или эльфы-контрабандисты. А маги последних вообще не выбираются из Великого Леса. Ну, по крайней мере я об этом ничего

не знаю.

— А о том, что у людей могут быть маги ты тоже не подумал? — поинтересовался Глеб.

— Один маг — это мощь целого отряда воинов, — пояснил Фратер. — Его бы ни за что не послали за нами в погоню. Потому что не было следов магического воздействия и применения магии для убийства. Скорее всего подельники хозяина таверны решили, что артефакты утащили я и Слуга, поэтому должны были быть простые воины. А не наемники, — он посмотрел на Лео. — Ты молодец, что одну из них взял в плен. Возможно, что так мы узнаем кто их нанял. Да и нести вещи теперь тоже придется нам самим. Жаль, что упустил оборотня, тот более выносливый...

— Не пешком же они сюда пришли, — возразила Лаврик. — Наверняка где-то поблизости стреножены их кони.

— У них повозка, — пояснил Глеб. — И одна сильная лошадь, чтобы ее возить. Оставили недалеко от съезда с дороги, которым мы воспользовались. Загнали в лес, замаскировали ветками и пошли по наши следам.

— Так чего ты ждал тут все это время? — удивился Фратер. — Повозку уже наверняка разграбили!

— Кто?

— Да тот же оборотень наверняка ее увел! А нам теперь тащиться со всем грузом на своих двоих до ближайшего поселения, где купим лошадей! — объяснял Паладин Бога Виноделия. — Пешком мы много не пройдем за день, так что наш путь теперь еще больше растягивается!

— Ну, простите, — развел руками Глеб. — Я отчего-то подумал, что лучше остаться со спящими, чем рисковать вас оставить. Оборотень не особо словоохотливый, так что хрен знает что ему могло в голову взбрести. Я не для того тут ночью в героя меча и магии играл, чтобы вернуться и найти вас всех обглоданными или разорванными на части.

— Твоя правда, — нехотя признал Фратер. — Да и не прошла бы сюда телега, слишком густой подлесок. Ладно, что сделано, то сделано. Надо собираться. Возьмем то, что сможем унести, остальное бросим здесь.

— Может стоит попробовать отловить лошадей? — поинтересовалась Лаврик. — Они явно просто испугались и где-то в лесу.

— Думаю, их уже сожрали звери или тот же оборотень, — со вздохом сказал Фратер, посмотрев на небрежно валяющееся рядом с переметными сумками свое копьё. — Жаль, конечно оставлять, но, ничего не поделаешь. Значит, собираемся, — хлопнув по ляжкам, он поднялся на ноги. — Воды у нас тоже, так понимаю, нет?

— Последняя была в похлебке, — признался Глеб. — Здесь уж мой косяк — совсем забыл о том, что водопровод в вашем мире еще не придумали.

— Мы дикари, что ли, какие-то? — обиделся за Аурхейм Паладин. — Водопровод есть. И даже горячая вода сама подается. Но это в крупных городах только встречается, да в крепостях. Нужно придумать что-нибудь, так как без воды мы долго не протянем в лесу. А соваться на дорогу в надежде, что нас кто-то подберет, глупо — скорее найдут другие наемники.

Он посмотрел на Лео.

— Я правильно понимаю, что вы не единственная банда, которая взялась за это дело?

— Мы — первый, — с оттенками гордости произнесла зверолодка. — Если мы не доложим об успех через два дня, быть другие.

— Эльфийку вам тоже приказали убить? — неожиданно спросил Практик.

— Да, — закивала зверолоудка. — Голова резать. Принести назад.

— Понятно.

Мысли Глеба Шовеля интересовали мало.

Есть проблемы и по-серьезней.

Жаркие нынче стоят дни.

Не хватало, чтобы кто-то отрубился от недостатка воды в теле.

Последний раз Фратер испытывал подобную напасть, оказавшись в пустыне в Хейме.

Повторять не хотелось.

— В нескольких километрах отсюда есть горная река, — неожиданно произнес Практик. — Мы с Лео там и закончили свой ночной моцион. Думаю, воду можно там набрать.

— Ты не рассказывал про реку, — оживился Фратер, припомнив детали повести от Глеба. — Только про утес.

— Да как-то к слову не пришлось, — пожал плечами тот. — Предлагаю выдвинуться туда, набрать воды и путешествовать вдоль реки. Должны же быть на берегу какие-нибудь поселения или что-то в этом роде?

— Не обязательно, — возразил Фратер. — Если река уходит далеко в лес, то маловероятно, что кто-то рискнул рядом с ней поселиться.

— Нет река, — неожиданно произнесла Лео.

— Пиздит как дышит, — изрек Практик. — Я ее своими глазами видел. Река, утес, водопад.

— Река дальше нет, — упрямо повторила зверолоудка. — Вода падать вниз. Пробить земля. Вода под земля. На земля только камни — острые, большие. И лес дальше. Много лес.

— Так вот чего ты не сиганула, — присвистнул Практик. — А я думал кошкам любые высоты по плечу.

— Не придумывай, — посоветовал Фратер, бросив взгляд на новую рабыню Практика. — Эта Лео — из клана Тигрисов, далеко с северо-востока Аура, как мне помнится. Они ловкие, быстрые, но высота и для них смертельна. Девка просто решила, что не стоит жертвовать собой за деньги, когда все уже мертвы. Дрянь, а не наемник.

— Да хрен с ней с речкой, — поднялся и Глеб. — Идем за водой, после чего возвращаемся и прем до места, где купим лошадей и...

— Ты воду потратил на отмывания, ты и иди, — сурово произнес Фратер. — Я и Слуга будем перебирать сумки, чтобы выбросить лишнее. Заодно и со зверолоудкой потолкую насчет обстоятельств ее найма. Слишком уж быстро все как-то завертелось.

— Ну, класс, — вздохнул молодой мужчина. — Сперва жопы ваши спасаешь, а потом в одиночку через лес, полный каких-нибудь тварей за водой ходишь. И где ваша благодарность?

— Ну, можешь заодно там помыться, — хмыкнул Фратер, подходя к одной из своих сумок.

Покопавшись внутри, памятуя слова Практика, вынул оттуда ворох одежды, который бросил в собеседника.

— На, переоденься, раз больше нечего носить, — сказал он. — И не кривись, обычные штаны и рубаха. Радуйся, что не цветов Бога Виноделия.

Темные штаны, серая рубаха.

Обувь, судя по всему, у Практика еще своя нормальная.

Интересные колоши, конечно, но непрактичные.

Впрочем, наверное их хватит до первой же торговой лавки.

Деньги у него есть, приоденется по местным меркам.

— И на том спасибо, — кивнул в знак благодарности Практик. — Зверолоудку не насиловать, не убивать, не пытаться. Моя рабыня. Кто тронет — глаз на жопу натяну. Проверено — умею это делать.

— Ну, вообще-то за ее дела положена компенсация, — заявил Фратер, хмыкнув от того, как вздрогнула зверолоудка, сжав свой посох. — Опять же, четыре лошади немало стоят. Отработает, от нее не убудет. Девка она складная, молодая. Грубыми мы точно не будем...

Зверолоудка недвусмысленно зашипела на звериный манер, встав рядом с Практиком.

И тем самым переводя все стрелки в общении на него.

— А теперь без шуток, Паладин, — в голосе Практика появился звон металла. — Пока эти женщины мои рабыни, — он кивнул в сторону зверолоудки и эльфа, — ты их даже пальцем не тронешь. В противном случае я тебе уже обещал — в нежить превращу. Сдохнуть не сдохнешь, даже что-то из старой жизни будешь помнить. И будет тебе досадно и горько, от того, что я тебя пристрою в какой-нибудь бордель в качестве пассива. Насчет компенсации даже не заикайся. Твой план был говно, нас всех едва не прикончили. Считай, что за доставленные неудобства тебе вернули твою же жизнь.

Звучало оскорбительно и грозно.

Впрочем, Фратеру было достаточно услышать и простое «нет».

— Расслабься, Практик, — посоветовал он серьезным тоном. — Не разрешаешь, значит ничего и не будет. Даю слово Паладина — не трону твоих рабынь. Ну, — он подмигнул зверолоудке, прекрасно понимая, что Лаврика такими шуточками не пронять, — если только они сами не захотят.

— Я лучше себе горло перережу, — ответила эльфийка.

— Моя иметь хозяин! — заявила зверолоудка. — Я — только хозяин!

— Так блять, шолошовка блохастая, ты тут не намекай на зоофилию! — отстранился от нее Глеб. — У меня тут вообще-то миссия великая, а не извращения всякие. Я, конечно, кошатник, но не до такой же степени.

— Моя ждаться сколько сказать Хозяин! — упрямо повторила зверолоудка, призывно покачивая своими полуголыми бедрами.

— Пшла нахрен, — отмахнулся тот. — Ебливое средневековье! Давайте сюда свои фляги! Пошел лучше воды наберу, чем слушать эти мартовские завывания блохастых шпюхолоудок! Пиздец, какой-то! Думал мага в рабство взял, а оказалось потаскуху с хвостом. Чтоб к моему возвращению как на духу рассказала Шовелю все, что знаешь! А, будет приставать — сожги его нахуй. Заебали меня со своей благодарностью всякие обмудки! Все, я ушел!

Подхватив валяющуюся связку фляг, Практик направился в сторону леса, продолжая возмущаться.

— Я с ним! — тут же сдуло с места эльфийку.

Зверолоудка, оскалившись, зашипела, стиснув посох так, что аж дерево скрипнуло.

Фратер тяжело вздохнул.

— Чего встал? — прикрикнул он на Слугу. — Разбирайся с вещами! Что не унесем — прикопай незаметно, да ориентир выбери. Может заберем потом. А я пока, — он махнул

рукой зверолодке, возвращаясь к костру и наливая теплую похлебку в чашку, — поговорю с нашей несостоявшейся убийцей.

Естественно он не собирался сам возиться с вещами.

Паладин он, или кто?

Похоже в этом мире есть чувство вселенской справедливости.

Потому как после ночных приключений и сцены в лагере, где о мое благородство едва ли не подтерлись, я ожидал какого-нибудь дерьма в лесу, в виде стаи бешенных собак или еще какой дряни.

Но в то же время, не столкнувшись ни с одной опасностью, раздраженный и полный решимости пустить в ход «пожиратель Душ», болтающийся на поясе и периодически прикладывающий меня по ногам и заднице, до обозначенной реки я добрался довольно быстро и без происшествий.

Ну, как быстро...

Час-полтора это точно заняло по времени.

Несколько раз мелькали мысли, что я заблудился, но Лаврик каким-то сверхъестественным чутьем находила дорогу и направление.

Судя по следам копоти и стрелы, впившиеся в деревья, мы двигаемся верным путем.

Уже на берегу, набрав все имеющиеся у нас фляжки (нет, ни разу не из металла выполненные), складировали кожаные бурдюки с пробками, на берегу с мелкой галькой.

Убедившись в том, что новая рабыня честна, и с обрыва открывался потрясающий вид на груды камней внизу утеса, а так же на необъятный лес, окружающий нас со всех сторон, пару минут наблюдал за несколькими черными провалами в камнях, куда с ревом падала вода.

— Не соврала, — заметила Лаурель.

— Не будь она под действием рабского заклинания, может быть бы и обманула, — выдал я. — Впрочем, плевать. Как насчет того, чтобы помыться?

Девушка, моргнув своими глазищами, цвета лазурита, поежилась при одном виде на бурную реку.

— Холодно же, — у нее аж зубы застучали друг об друга.

— Вонять тоже не лучший из вариантов, — заключил я, глазами обыскивая окрестности. — Не знаю как ты, а я лучше в ледяной воде помоюсь, чем тряпками с себя корку крови буду стирать. Не думаю, что мы в ближайшем городе сможем остановиться и отдохнуть. А у берега явно вода не так сильно протекает, как на середине реки.

— Звучит верно, — девушка указала на заросли кустарника вдоль нашего берега реки. — Возможно там есть заводи, где нет хотя бы течения.

На том и порешили.

Выбрав для себя местечко для купания, демонстративно повернулся спиной к эльфийке, чтобы не смущать недотрогу, сбросил с себя старую одежду, помучавшись с кольчугой.

Она мне почти как раз, облегает тело, вот только по моим представлениям должна быть свободной.

То ли эльфы все худые как зарплата сантехника, то ли мне надо подбросить пару килограмм.

Может даже десяток.

В любом случае, воспоминания о том, что Лео не смогла меня пробить своими

стрелами, свежи как никогда.

И, есть понимание того, что кольчужку эльфийскую я при себе оставляю.

У Лаврика есть своя — такая же, которую она носит под легкими доспехами, которые сейчас громыхают в процессе снятия.

Может помощь предложить?

Насколько знаю, средневековые доспехи нельзя было ни одеть, ни снять рыцарю в одиночку.

Но, не лезть же мне с такими предложениями к девице длинноухой?

Нужна была бы помощь — позвала.

Вода обжигала ледяной прохладой, на мгновение заставив подумать о том, а надо ли мне вообще мыться?

Но, справедливо рассудив, что от меня скоро вонять будет так, что все зверье в округе замертво падать будет, продолжил свое вхождение в воду.

Заводь, выбранная для купания порадовала чистотой воды, прозрачной, словно слеза алкоголика.

Потребовалось время, чтобы под дрожь и клацанье своих зубов смыть с себя засохшую кровь и грязь, вымыть везде где можно.

Даже стертые ляшки и те отозвались благодарностью за водные процедуры.

Шампуня или мыла, понятно, под рукой не было, так что, пришлось воспользоваться травой, чтобы убить запах.

Ну, или я так думал.

В какой-то момент понял, что не слышу ни плеска по соседству, ни вообще каких-либо звуков.

Без колебаний на тему того, а не сочтут ли меня извращенцем, подошел к зарослям и принялся сквозь них вглядываться в то, что происходит по соседству.

Не удовлетворения пошлых намерений подглядывания ради (в такой холодрыге чирика потом неделю искать придется), а чтобы справиться о судьбе своей рабыни-телохранителя.

Я ее что, просто так спасал, что ли?

Пришлось слегка раздвинуть кущи, чтобы хоть что-то увидеть сквозь них свою спутницу и...

Гладкая ровная кожа, слегка бледная и гармонирующая с цветом волос, в меру подтянутое тело, стройная фигура и налитая, словно два хороших таких крепких яблочка, девичья грудь с торчащими толи от возбуждения, толи от холода розовыми сосками.

Поразили меня сразу две вещи.

Первая.

То, что несмотря на довольно развитые мышцы и плечевой пояс (очевидно из-за ее «профессии» лучника), телосложение девушки не выглядело отталкивающим.

Я ее и тогда, в комнате в таверне видел почти без одежды, но было темновато, да и не особо присматривался.

Надо отдать должное, девушка в самом деле... интересная.

Вторым открытием для меня являлся тонкий полупрозрачный комплект белья, в котором она стояла по колени в воде, проворно зачерпывая в ладошку воду и поливая грязные места тела.

Кроткие шортики, удлиненный бюстгалтер, поддерживающий то, чем ее наградила матушка-природа.

Копна желтовато-оранжевых волос сведена назад и удерживается длинными заостренными ушками, которые ей даже идут.

Судя по длине волос, которые опускались ниже поясицы, девушка явно что-то мудрила с прической, потому как до сих пор они болтались явно не так низко.

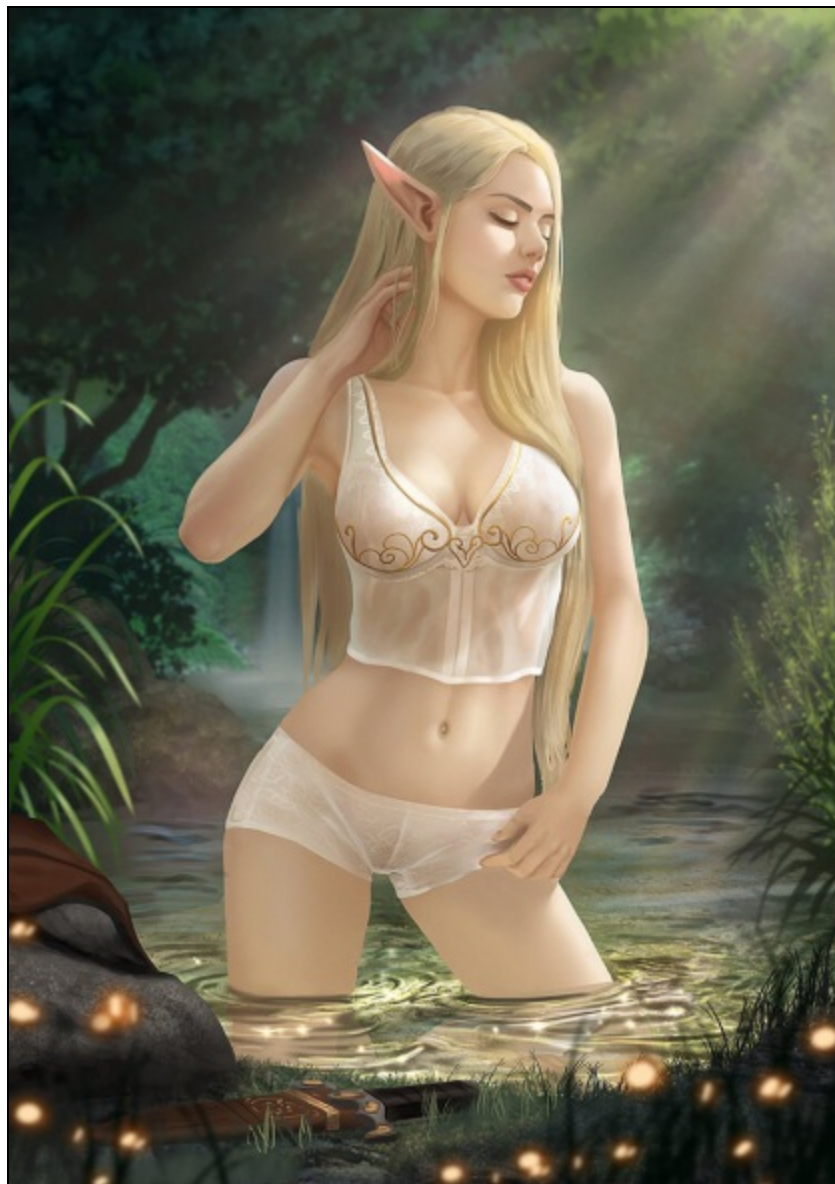
Ну, я же не слепой, я бы заметил!

Девушки с длинными волосами это вообще врожденная мужская слабость, прописанная Создателем с какого-то хрена.

Ну, по крайней мере мне прописанная.

И, почему-то эта картина даже не вызывает отторжения.

Куда-то делось все моей пренебрежение и презрение к длинноухим, основанное на опыте прошлого мира.

Лаврик плещется.

Девушка, замерев, быстро повернулась ко мне.

Словно японский дрочер в школьном туалете, я предпочел ретировать свою моську, не дожидаясь комментариев относительно моих действий.

Ладно, жива и то хлеб.

Больше мне нет необходимости подглядывать... тьфу, блять, убеждаться в ее безопасности.

Все, теперь надо смыть с себя налипшие травинки, и можно заканчивать с водными

процедурами.

Оботрись старыми брюками, да и все...

Сзади раздался тихий плеск, словно в воду бросили камешек.

Обернувшись, я увидел входящую в мою заводь Лаурель.

Зеленые глаза немигающими и практически гипнотическим взглядом смотрели мне прямо в душу.

А шла она походкой грациозной лани, зачем-то передвинув свой поток золотистых волос со спины на грудь.

Моргнув, я сообразил, что девушка уже по пояс в воде и всего в одном метре от меня.

— У тебя спина грязная, — тихо сказала она, обняв себя за плечи. — Самому не справиться...

Ну, хоть не белая.

Или сейчас не апрель?

Я, чувствуя себя как отжатая майнерами видеокарта, лишь тупо стоял и откровенно пялился на нее.

Ровно две секунды.

С какого хрена у меня на спине грязь?

Там же никто следов побоища не оставлял, так что...

— Помочь? — девушка посмотрела мне прямо в глаза.

Я смотрел ей прямо в душу, и размышлял над тем, что русский иссекайнувшийся ояш — это уже за гранью добра и зла.

От такого даже Создатель окончательно охует.

— Буду не против, — кашлянув для прочистки горла, ответил я. — Причем отодрать я хочу уже не только траву со спины.

Девушка опустила глаза вниз, и я заметил у нее на губах легкую улыбку.

Такую простую, такую легкую, что мигом куда-то улетучились мои предрассудки.

А вот воспитание...

Точнее его остатки.

Все же мама с папой говорили хорошие вещи, которые я порой даже слушал.

Жаль, что услышал только сейчас.

Или не жаль?

Кольцо Гекаты откликнулось на мой призыв.

Девушка на мгновение охнула, подняв руки вверх и обхватив шею.

Одновременно с этим взметнув часть волос и подтвердив мои предположения относительно ее белья.

— Заклятье, — рассеяно произнесла эльфийский рейнджер. — Оно... Пропало? Насовсем?

Я утвердительно кивнул.

И мысленно приготовился к тому, что до меня сейчас донесут суть правосудия по-эльфийски.

Рейнджер все-таки она или кто?

— А... Зачем? — спросила бывшая рабыня.

Да блять, ты что, издеваешься надо мной?

Я вообще не ебу зачем я это сделал.

Просто решил, что так будет правильно.

Потому что такая ситуация, когда один из вас раб, ну...

Да в рот оно ебись, я не говна кусок, какой-то, чтобы вести себя как конченный мудень!

Если она не против, я тоже, и шелуха предрассудков убежала к херам, то почему мы не можем сделать это как нормальные люди?

И в рот их наоборот эти условности расовой принадлежности.

— Я так захотел, — чижик, сука, ну как так-то, а?!

Кровь, вернись на место!

Что за жалкое оправдание?

— Понятно, — девушка скромно улыбнулась. — А я... Можно я тоже захочу?

Девушка шагнула вперед, упершись в меня грудью.

Синие, словно воды озера, глаза буквально прожигали меня насквозь, словно я злобучий Альдераан, а передо мной «Звезда Смерти».

Но, конкретно в этой ситуации я не имею ничего против шаров.

Без лишних слов, я подхватил ее, чувствуя, как за спиной сплетаются натренированные ножки, и побрел к берегу, на ходу ловя ее губы своими.

А потом...

Как и полагается по закону жанра темного фэнтези, Зло поимело Добро.

Трижды.

Возвращение в лагерь сопровождалось бурными комментариями.

— Хозяин, я делать как ты сказал! Я говорить, Паладин приставать. Приставать вопрос, а не своя штука штаны! Я дать понять, что делать ему секир-башка, когда он штука показывать! Он сказать что понял, но штука все равно достал! Зад стоять, я терпеть, он штука пользоваться! Я хотеть ему секир-башка делать, но он кончить, штука убрать! Я облизнуться и ждать вас!

Хорошее настроение улетучилось со скоростью сходящего с путей состава, везущего сильнодействующую химию.

Так вот, после слов этой магички-зверолюдки-наемницы-батарейки я почувствовал себя как раз той самой матушкой-природой, на которую цистерный с дрянью и прилетели.

Что, сука, произошло тут в мое отсутствие?

Внешне ничего особо не изменилось.

Ну, разве что часть грузов исчезла.

Вероятнее всего ее перепрятали, отобрав то, что сейчас никого больше не интересовало, для дальнейшей переноски.

Но, что за хуйню я сейчас услышал от Лео?

Что еще за пляски со «штуками»?

И что еще за «секир-башка»?

Погоди!

Эта хуйня мне известная!

Брякнула она мне это едва я и Лаврик выбрались на край полянки, скороговоркой ввернула в ухо, отчего мозги впали в ступор, а фантазия нарисовала себе настолько нелицеприятные картинки, что...

Нахрен.

Сомневаюсь, что она хочет сказать именно то, о чем я подумал, но все равно стоит уточнить.

За спрос в лоб не бьют, а вот за насилие в отряде...

Нет, уверен, что это не так.

Ну, Шовель, конечно, тот еще мудила, но какие-то понятия о чести у него имеются, да и к тому же он слово дал.

И, если он его нарушил, то, можно будет смело слать этого хуя в прекрасное далеко, где тентаки будут к нему жестоки, да простят меня создатели прекрасной детской песни за неуместный каламбур.

— Что у вас тут произошло? — спросил я.

Поинтересовался, разумеется, у непосредственного и возможного виновника того словарного потока, который влез мне в уши.

И, что уже подозрительно, вел он себя настороженно, даже слегка дёргано, что заставляло подумать о нехорошем.

Например, о том. Смогу ли я его прикончить с помощью «Пожирателя Душ», если потребуется это сделать.

И, не когда-нибудь в обозримом будущем, а здесь и сейчас.

Терзают меня смутные сомнения.

А потому лучше перебдеть и прояснить ситуацию.

Не нужен мне в спутниках тот, кто посягает на мое.

И плевать, рабыня это, до которой мне самом нет дела, или металлическая ложка, которой я спину почесываю.

— Вас что, только за Создателем посылать? — проворчал Фратер, закончив начищать свою саблю у остатков костра. — Пять часов на то, чтобы воды набрать в реке?

— Полтора часа до нее, два от нее, — машинально ответил я.

— А остальное? — продолжал допытываться Паладин, пристальным взглядом смотря на меня. — Чем вы там таким занимались оставшееся время?

«А ты бы нахуй не пошел со своими каверзными вопросами, личинка товарища-майора?»

Не нравится мне то, что Паладин проявляет интерес к тому, что его по факту и касаться-то не должно.

— Вряд ли это твоего ума дела, — огрызнулся я.

Фратер фыркнул, усмехнувшись от одного взгляда на Лаврика, у которой покраснели кончики ушей.

— Ясно, чего уж тут, — сказал он. — Решил все же не морочить себе и девке голову, да воспользоваться преимуществом рабовладельца?

— Да как ты смеешь?! — мгновенно разъярилась эльфийская лучница, поджав губки.

Шовель лишь многозначительно заулыбался, продолжая полировать тряпкой свою саблю.

Вопрос девушки он так и оставил без ответа, но с глубокомысленным молчанием давал понять, что он как минимум догадывается, что засосы у меня на шее и несколько царапин там же появились отнюдь не от любвеобильности местных деревьев и кустарников.

— Так, всем расслабиться, — сказал я. — Пошли за водой? Пошли. Принесли? Принесли. Какие еще могут быть вопросы?

— Да никаких, — продолжал щериться Паладин. — Я уж думал вы вдвоем с ума сошли и решили бросить нас и свалить подальше.

— И зачем нам это делать?

— Чтобы побыстрее скинуть нас с хвоста и поморочить голову всем желающим нас прикончить.

Звучит как начало очень интересной (нет) истории.

Вот только печенкой чую, что «эта ж-ж-ж-ж неспроста».

— Есть что-то полезное? — поинтересовался я, присаживаясь напротив Паладина Бога Виноделия.

— О, — только и усмехнулся тот. — И немало.

— Так может перестанешь терзать удава и расскажешь о том, чего я не знаю? — поинтересовался я.

Нет, всегда можно спросить Лео и самому, но что-то побаиваюсь я, как бы не вытекли мои мозги через уши от того, как весело и задорно она объясняет происходящее.

Кстати об этом.

— Так вот, по ее словам...

— Погоди, — тормознул я спешащего поделиться новостями Паладина. — Сперва кое-что прояснить надо.

Мужчина, сидящий напротив меня вопросительно поднял бровь, явно не понимая

происходящего.

— Батарейка моя хвостатая, иди-ка сюда, — поманил я пальчиком зверолюдку к себе.

Та, виляя бедрами и облизываясь, отчего у меня начал подергиваться глаз, приблизилась.

Лаврик бросила на нее явно неодобрительный взгляд и с полной решимостью оккупировать мой правый бок, уселась рядышком со мной.

Фратер, ради разнообразия, похабно улыбнулся, прикрыв рот рукой.

Но по глазам уж точно видно что к чему...

Ай, да и хрен с ним.

— Мой господин хотеть меня иметь?

От этого вопроса у меня аж волосы дыбом на спине встали, спешно перерубая все, что связывает их с волосяными луковицами и поспешили убраться прочь, дабы больше не становиться свидетелями крайней степени моего охуевания в принципе и в данный момент в частности.

— Расслабь свои вибриссы, хвостатая, — посоветовал я, чувствуя горячее желание спрятаться меж грудей Лаурель. — Иметь я тебя не буду. Столько я не выпью, чтобы кошке присовывать.

— Пить? — оживилась Лео. — Я умею делать отличный вино. Голова бьет, нога валиться.

Сейчас еще больше стремно стало.

Паладин едва ли не в голос ржал.

Лаврик свела вместе бровки, дополнительно поджав губки и пытаясь прикончить зверолюдку тяжелым взглядом.

А ведь до нашего похода за водичкой, она так себя не вела.

Это что, ревность?

Да нет, херня какая.

Она же эльф, а я для ее народа вселенское зло, ну или представитель такового, как она может проявлять собственничество в моем отношении?

Глупость какая.

А то, что было...

Ну, было и было.

У нас не лес пошлых эльфиек, чтобы придавать этому особо много внимания и чести.

— Обойдемся без этой херни, — поморщился я. — Что ты мне там плела насчет того, что Шовель к тебе приставал, штукой своей махал и так далее?

— Да-да, так и было! — закивала головой она. — Вы говорить: говори, Лео. Я говорить Паладин приставать. Много приставать, я вся взмочь, течь и лечь. Он слушать, потом достать свой штука. Я хотеть его огонь секир-башка, чтоб все гореть, сказать ему. Он понять, но штука не убрать, действовать начать. Он зад стоять, штука работать, я смотреть и терпеть. Я убивать хотеть, но он кончить быстро и штука убрать. Я полизать и ждать вас, чтобы все рассказать и похвала получить. Я хороший тигрис, да, хозяин?

Почему у меня такое ощущение, что меня сейчас второй раз у ухо поймали раскаленной кочергой.

Если так ее послушать, то получается, что когда я и Лаврик ушли, то во время ее допроса Шовель начал ее домогаться с демонстрацией природного орудия мужчины во всей красе. Она ему угрожала, она на это поклял, несмотря на ее предупреждение о «секир-

башка», но ему было плевать. Он действовал, она терпела. Когда все закончилось, она вылиз...

ДА БЛЯТЬ, ЧТО ЗА ХУЙНЯ?!

Почему я еще и разбирать по косточкам должен то, что тут произошло, рисуя у себя в голове картину этого преступления?

Шовель, не скрывая заинтересованного выражения лица, откровенно посмеивался.

Смешно ему.

Шутник хуев.

Ну-ну, посмотрим, как ты запоешь после.

Правда, есть еще вероятность того, что мне прилетит по голове от его Бога, ссыкливо прячущего свое имя.

Навряд ли ему понравится смерть своего адепта и почитателя.

Так и до разборок уровня войны с ангелами недалеко.

Нет, спасибо.

Внутренностями чую, что ну вот нихрена все не так, как мне кажется.

Есть подозрение, что либо я зверолодку неправильно понимаю, либо она мне слегка припиздывает.

Потому то, что она сказала мне у края поляны и сейчас, пусть немного, но различается.

Приукрасила сейчас, или недоговорила сразу?

— Ты что, трахнул мою рабыню, когда я ушел? — Паладин выразил на лице всю смесь терзающих его эмоций в контексте заданного вопроса.

— Глупостей не говори, — посоветовал он. — Я дал слово Паладина и даже пальцем ее не тронул, не говоря про свои чресла.

— Тогда, как ты можешь объяснить то, что она говорила только что? — полюбопытствовал я.

Как раз именно для того, чтобы он слышал ее слова, я и подозвал Лео, попросив ее повторить уже сказанное.

Не люблю, когда в спину высказывают что-то.

Если в самом деле произошло что-то «нехорошее» (а недовольной зверолодка не выглядит, как и потрепанной процедурой, которую она не заказывала у местного сервиса бога Виноделия), то пусть говорит это в глаза «обидчику».

Кажется, это называется «очная ставка».

— Я расспрашивал ее о том, как она и ее отряд получили заказ на нашу поимку и убийство, — пояснил Паладин, поковырявшись ногтем мизинца промеж зубов.

Культура, ничего не скажешь!

— Говорить она особо не хотела, так что пришлось задавать много вопросов. Так как лагерь пора бы и сворачивать, а угли еще не прогорели полностью, то я затушил их, — и теперь я даже понимаю как.

— Членом, что ли? — уточнил я.

— Я что, идиот тратить на такое драгоценную воду, не зная, вернетесь ли вы с запасами или вернетесь вообще? — ответил вопросом на вопрос Паладин Бога Виноделия. — Конечно я помочился в костер. У нее от этого чуть глаза не вылезли на лоб. Что-то там бормотала про то, что хозяин запретил и все такое, но глазами пожирала так, что у меня аж вста...

— Без подробностей! — хором заявили я и Лаврик.

Паладин усмехнулся.

— Да, собственно и все, — лаконично заявил он. — И нет, я не показывал ей свои чресла. Как Паладин, знающий что такое честь, я естественно повернулся к ней спиной. Это она у тебя какая-то недотрах...

Я кашлянул в кулак.

— Чуть задницу мне своими когтями не располосовала.

— Я хотеть помять! — проскулила зверолюдка. — Красивый зад. Мягкий. Крепкий. Я хотеть иметь.

Твою мать, куда я попал?

— А как закончил костер тушить, то поворачиваюсь, смотрю, а она аж прямо облизывается, — закончил свою версию истории Паладин. — Знаешь, я много женщин познал, но эта твоя тигрис... Голодная, что ли. Ты бы ее «накормил», а то того и гляди, кидаться начнет. А когти у нее будь здоров и...

Вот в эту историю я верил больше, чем в ту, что нарисовал себе в голове на основании рассказа зверолюдки.

— А почему тигрис? — заинтересовался я.

— Так ее подвид звероловцов так называется, — словно само собой разумеющееся, сказал Паладин. — Это ж все знают...

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза.

Паладин, крикнув, легонько ударил себя ладошкой по лбу.

— Да, забываю постоянно, что ты у нас не отсюда. В общем, «звероловцы» — это общее название всех созданий, которые сочетают в себе черты как людей, так и зверей. Тигрисы, например, — кивну он в сторону Лео, — тавры, «ушастики», ламии, арахны...

Пиздец.

Тут без поллитры и бестиария не разобраться.

Впрочем, а стоит ли?

— Ладно, — замахал руками я. — Оставим этот бестиарийный ликбез на потом, — то есть ну его нахрен, я тут не собираюсь задерживаться. — Лео, то, что сказал Паладин, это правда?

— Хозяин, да, правда, — зверолюдка вида тигрис смущенно отвела глазки в сторону, но при этом переступив ногами, расставив их так, чтобы получше было видно пятнистые бедра, прикрытые двумя тряпочками-повязками спереди и сзади. — Я так и сказать.

Да еще и грудь (которой практически нет, как и гор в Сахаре) выпятила, буквально выгибаясь дугой.

Ой бля...

— Сейчас не март месяц, случаем? — поинтересовался я у Паладина.

— Март? — удивился тот.

— Название месяца на моей родине, когда кошки начинают сходиться с ума от желания размножаться, — пришлось пояснить.

— Странный у тебя мир, — ой, блять, да кто бы говорил? У нас хотя бы ебанутые от людей не отличимы, а здесь куда не плюнь, срань такая, что волосы в подмышках седеют. — Нет, не март. Тигрисы всегда такие, когда не охотятся. Они малочисленны, поэтому самки всеми путями пытаются заполучить как можно больше котят. Правда хотят они почти всегда, а рожают редко. Мужчин у них так и вовсе маловато, так что, сам понимаешь...

Ебанные фурии.

Теперь что, получается, что батарейка с хвостом еще и нимфоманка недотраханная?

И, судя по всему, у сучки течка...

Все бы ничего, но, ну нахрен такие заебы.

Надо найти себе другую батарейку.

Желательно сурового брутального маскулинного мужика, который не будет вытворять такую дичь.

Впрочем, это не отменяет того факта, что новая батарейка будет подбивать клинья к моей Лаурель, и тогда...

Стоп.

Какого хрена?!

Это что еще за новости такие?!

Приключение, мать его, на двадцать минут, которое превращается в гребанную иссекайную стори с соплями и семейством?

Нет-нет-нет, я на такое не подписывался.

Но насчет дополнительной батарейки стоит подумать, ага.

— Демография ебанных фурри меня не интересует, — обозначил я приоритеты. — Вы уж тут как-то сами разбирайтесь с этой проблемой. Слушай сюда, — посмотрел я на озабоченную обладательницу ушей, лап и хвоста, а так же блядской натуры. Интересно, а если ей дать валерьянки? Жаль нет для проверки. — Чтобы больше даже не приставала ко мне с таким вопросом. Если горит, вон, — я указал на Паладина, — этот извращенец к твоим услугам. Он явно не против был...

— Наглая и абсолютная, ничем не подкрепленная ложь, — спокойно произнес Паладин.

— Ты ж сам ее поймать хотел за ночное нападение, — удивился я реакции «пижона».

— А, — заулыбался тот.

Тигрис тоже заулыбалась.

Лаврик тяжело вздохнула.

Слуга прикидывался шлангом.

— Это да, это я завсегда, — обрадованно сообщил Шовель. — Ты, кстати, зря. У них такая узкая...

— Без подробностей! — на этот раз точно с Лавриком мы кон... высказались вместе.

Так.

Это уже начинает казаться стремной херней.

Да, я не святоша, но не много ли я начал себе позволять после ночного происшествия?

Наглость, мат-перемат, пошлые шуточки...

Мои глаза скосились в сторону рукояти «Пожирателя Душ».

Сука металлическая, а ты случаем не ковыряешься в моих мозгах, разлагая меня как солнце перегной?

Не то, чтобы я образец воспитанности или чего-то еще, нет.

Надо отдавать себе отчет в том, что я мудила еще тот.

Когда полжизни, особенно подростковый возраст и юность, живешь на широкую ногу и ведешь себя как уебень пиздаголовый в соответствии с самыми мерзотными клише о представителях «золотой молодежи», ты не особо-то и задумываешься о том, насколько конченный.

А вот выйдя из зоны комфорта, если голова дана не только для того, чтобы в нее есть...

В общем и целом, нездоровая тенденция, что мой характер грубияна и насмешника вновь начинает прорываться наружу.

Я и до этого-то, с момента появления здесь, особо не отличался благозвучием речи, но сейчас это уже что-то за гранью добра и зла.

— Ну, ладно, — усмехнулся Фратер. — Подумать только... Я раньше думал, что только лучница ханжа и стесняшка, а оказалось, что и Практик какой-то неправильный. То матом покроет, то уши краснеют. Ты бы определился уже, в какую сторону ты плывешь.

Хороший совет.

Насрать на стороны — я плыву на Север.

— Так что там насчет наемников? — любопытствовал я.

— А все просто, друг мой, — разом утратил веселье Фратер. — Нас решил прикончить кто-то из местной аристократии. И, судя по тому, что рассказала твоя рабынька, — этот хуев ловелас подмигнул тигрис, а она облизнулась так, что, будь у нее сопля в носу, то закусил бы ими, — это не только желание одного человека. Хотят разделаться с тобой, мной, даже Слугу не собираются жалеть. Твою подружку, — теперь уже кивок в сторону Лаврика, — тоже прикончить хотят. Причем. Если нас достаточно просто заколоть и прикопать, вернув забранное в таверне, то ей велено отсечь голову и доставить для опознания.

Девушка поежилась, прижавшись ко мне бочком.

Впрочем, смысл дистанцироваться, если тут каждому второму, не считая первого, все понятно.

«Хорошо бродить по свету,

С секси-эльфийкой под руко-о-о-ою,

А еще одну для дру-у-у-га...»

Нет, последнее явно лишнее.

Пусть тигрисам помогает, у них мужиков не хватает.

Сам сказал.

Впрочем, ирония делу не поможет.

— Раз убить хотят не только нас, но и Лаурель, то дело дрянь, — произнес я. — Значит нас всех четверых видели в таверне.

— И уж точно это не кто-то из местных, — произнес Фратер. — Я бы заметил, если б за нами кто-то приглядывал, когда уходили.

— Значит вариант только один, — подытожил я.

— Эльфы хотят нашей смерти, — шумно сглотнув, тихо прошептала Лаурель, побледнев так, что даже зверолодка перестала корчить из себя бульварную проститутку.

Нет, мы знали, что добром это не кончится, но вот так...

— Пиздец, — подытожил я.

Дело пахнет керосином.

Ну, как пахнет... Видно, что к нам бежит огненная дорожка, как в западных боевиках.

Только там для красочности и насрать на логику.

А вот у нас — фигурально.

Но от этого не менее страшновато.

Лео знала лишь общую информацию.

Несмотря на том, что вообще-то являлась лидером их маленького наемного отряда.

Но, о моральном облике моей рабыни (ну да, чего это я, какая в задницу мораль) рассуждать буду позже.

Факты говорят о том, что мы слегка недооценили скорость реакции местного населения на то, что оставили за собой в таверне.

И суток не прошло с того момента, как мы оттуда убрались, а с Лео уже связался уже ее обычный наниматель — нечто вроде координатора наемников — и дал четкое задание.

Найти и уничтожить группу из трех человек и эльфа.

Забрать оружие, артефакты и все-все-все, что у нас есть.

Доставить координатору.

Оплата — по десять золотых за каждого, артефакты выкупаются по договоренности, то снаряжение, которое координатор не затребует ему сдать, отдается группировке в качестве премиальных.

Неплохие условия — даже у Фратера челюсть подвисла.

Сорок золотых, плюс бонусы...

Да, такие деньги на дороге не валяются.

Потому как это стоимость хорошей такой зажиточной агрофермы с матушки Земли размером с неплохое село, да еще с полным комплектом сопутствующих атрибутов в придачу.

Кошки, собаки, свинки, курочки, коровки, быки, кони, телеги, десяток рабов для работы на полях, сами поля, ну и так далее.

Что называется — от бинта, до ваты.

Но, скорее всего, я сильно приуменьшаю возможность «разгуляться» на эти деньги в Аурхейме.

Судя по взгляду Паладина, он сам начал раздумывать над вопросом, а вообще тем ли он занимается по жизни.

При этом, даны не только весьма подробные словесные описания нашего внешнего вида, и, что еще более интересно, не только Фратера и Слуги, которых местные видели при свете дня.

Но и мои.

Лаврика.

И всего того, что мы забрали в подполе.

И того орудия, что при нас было.

Натурально — всего.

То есть, Паладина и его раба-«заряжающего» могли еще местные притянуть за уши к тому, что происходило, потому что они их видели до, но не видели после погрома.

Об этом предполагалось сразу.

И к последствиям были готовы.

Но то, что целями еще стали я и Лаврик...

Тут явно надо призадуматься и последовательно, шаг за шагом пройти по цепочке, чтобы понять, верны ли мои предположения относительно причастности эльфов к «заказу».

Нас явно не могли видеть во время того, как мы пробрались в деревню — по крайней мере не имели возможности рассмотреть как следует.

В самой харчевне, как мы туда ввалились, тоже особо лицами не светили, да и одеждой тоже, кутаясь в плащи.

Фратер и Слуга подтвердили, что особо сильно разглядеть нас в помещении харчевни даже у них не получилось, несмотря на наличие хорошего обзора и какого-никакого освещения.

Это при том, что они были трезвы.

Крестьяне, находившиеся на попойке, были к тому моменту пьяны настолько, что перед тем, как наведаться к нам, Фратер, приказал Слуге повыбрасывать их из харчевни на улицу.

И никто даже не пикнул.

О каком запоминании можно тогда говорить?

Но важнее всего другое.

Индивидуальных особенностей, которые могли бы выдать Лаврика как эльфа, не было видно.

А значит нас опознали не в харчевне.

Далее, нас во всей красе ушей и морды-лица видели: хозяин таверны, два амбала, любитель переделанных ножей...

Все они так или иначе мертвы.

Значит, все же эльфы...

Одного мы «замочили» (жаль, что не в сортире, было бы эпичнее) в харчевне, другой ушел.

А вместе с ними и его подельники.

Именно у того, сбежавшего эльфа, имелась возможность нас разглядеть «во всей красе».

— Значит, все-таки длинноухие, — подытожил я.

Лаврик деликатно кашлянула в кулачок.

— Плохие длинноухие, — уточнил я.

Девушка еще раз кашлянула.

Я похлопал ее по спине.

— Не придуривайся, — совет, который она восприняла со сведенными воедино над переносицей бровками. — Не так уж глубоко я и вставлял.

На этот раз закашлялись все — от Лаврика, до Фратера со Слугой.

Одна лишь батарейка-нимфоманка с энтузиазмом начала хлестать по своим ногам хвостом.

Блядина с вибриссами аж слюну пустила, глядя на меня.

А может и того, пустить в мир парочку котят?

Да нет, херня идея.

— Наиболее очевидно, что именно эльфы решили от нас избавиться, и наняли Лео с ее подельниками, — сказал я.

— Для тебя — да, очевидно, — хмыкнул Паладин. — Но все не так, как кажется. Это

Аурхейм. Здесь так просто не бывает.

Да это я уже заметил.

Пораскинув мозгами, озвучил вывод, к которому пришел:

— А могли ли эльфы знать что хранится у хозяина таверны в подполе? — спросил я.

— Вот, — улыбнулся Фратер, — это правильный вопрос. Я думаю, что нет.

— Они могли видеть найденное, пока мы разговаривали с тем толстым человеком, — подала голос Лаврик.

— Конечно могли, — согласился Паладин. — Вот только вопрос: а откуда они узнали про кинжалы с переделанными рукоятками? Почему нет ни слова о том грузе, который вы притащили в номер?

— Потому что его уже уперли к тому времени, — почесал затылок я.

Как-то хитровыебанно все получается.

Наниматель знает о нас все, а мы сидим тут, посреди леса, и думаем что делать дальше.

У Лео всего полтора-два дня на то, чтобы доложить о нашей смерти, иначе подключат других наемников.

Кстати...

— Подруга дней моих суровых, — обратился я к тигрис, — а как вы вообще получили на нас заказ так быстро?

Зверолюдка непонимающе посмотрела на меня.

— Я иметь связи артефакт, — пояснила она. — Все наемник их иметь.

Переведя взгляд на Фратера, задал немой вопрос.

— Довольно известные, но редкие штуки, которыми активно пользуются в Хейме, — пояснил он. — Накладываются чары на что-нибудь самое обыденное, вроде заколки или фляжки. В нужный момент маг может связаться с кем угодно, у кого есть такой же артефакт. Мысленно общаются.

Ну пиздец!

Вот тебе и средневековье.

У них тут что, магический скайп есть?!

Может у них еще тут самолеты на артефактах летаю, и линкоры на магии огня рассекают пространство?

Не хватало еще с каким-нибудь местным аналогом терминатора, заряженного магией, а не реактором, встретиться.

Куда я попал, вообще?!

— В Ауре, — продолжал меж тем Фратель, — это не особо распространено среди обывателей, но аристократия активно этим пользуется. Потому что значительная часть магов это или сами представители знатных родов, либо те, кто им служит. Про наемников слышу о таком впервые.

— Недавно начать, — поддакнула Лео. — На Восток много, другой часть королевства — немного. Есть у крестьян даже.

Это называется «редкие штуки»?

Или местные работники плуга и сеялки настолько состоятельные, чтобы иметь у себя распоряжении подобное?

— Скорее всего у старост, — пояснил Фратер. — Тогда бы это объяснило причину такого быстрого оповещения о нас...

— Твой координатор стал бы принимать заказы от эльфов? — поинтересовался я у

зверолюдки.

— Коорди... А! — воскликнула она. — Понять, понять. Нет, Гильдия наемников Востока не работать с ушастые. Ушастый не любить. Наемники знать ушастый плохо. Не любить. Не работать. Средник не братья.

— Тогда я вообще ни черта не понимаю, — признался Паладин. — Видели нас эльфы, но они оформить заказ не могли.

— Нашли кого-нибудь, кто сделал заказ за них? — предположил я.

— Значит, у них больше чем один контакт в приграничье, — резюмировал Паладин. — Похоже, что тот толстяк был не единственным, кто контактировал с эльфами-контрабандистами...

— Люди, — неожиданно произнесла Лаурель.

— Ну да, эльфы контактируют с людьми, обмениваются...

— Контрабандисты связались с людьми, которые ведут дела по эту сторону от Великого Леса. — разъяснила свою риторику эльфийка. — И те наняли наемников по описаниям, которые дали эльфы.

— Звучит логично, — развел руками Паладин. — Но, правды нам точно не узнать. Она, — мужчина указал на Лео, — личность заказчика точно не знает. Для того и используются такие посредники. Он наверняка сидит где-то в безопасности и занимается лишь выдачей заданий. Так понимаю, возможности отказаться от них нет у групп?

— Можно отказ, — замотала головой тигрис. — Но штраф быть. Никто не отказываться.

— Скорее всего посредник поручает задания тем, кто в состоянии их выполнить, или тем кто ближе других, — задумчиво произнес Фратер. — Не думаю, что у них так много наемников, которые могут выполнить любую задачу.

— Логично, — вздохнул я. — В любом случае нам это лишь добавляет проблем. Кто бы не являлся заказчиком, от нас они явно не отстанут. Кстати, — эльфийка вздрогнула, когда поняла, что на нее устремлен мой взгляд, — есть соображения, почему тебя хотят убить? Если заказчики твои братья-эльфы, то должны были подумать, что ты с нами не по своей воле. Тебя-то уж они точно должны были схватить и допросить, чтобы узнать что к чему...

Лаврик поежилась под моим взглядом, бросив быстрый взгляд на сидящего напротив нас Фратера.

Та-а-а-а-к...

— Думаю контрабандистам вообще не нужны никакие свидетели, — с чего это Паладин решил и здесь показать свою галантность и выручить эльфийку в таком простом вопросе?

Я ведь даже особо на ответ-то не надеялся.

Ну, ей-то откуда знать, за что ее хотят убить?

Пока со мной не связалась, она вроде бы была эльфийской пай-девочкой, которая...

Стоп.

Выстраиваем тараканов в голове строем фронта.

Нет, лучше шеренгой.

А, ну их в задницу, в линейчку пусть становятся.

Получаем логическую цепочку.

Из чего имеем.

Была Лаурель, рейнджер-эльф.

В магии не сильна (это я чувствую), людей не знала (по ее словам), не убивала (вроде бы), и вообще средненький такой вояка (практика показала).

Потом встретилась со мной, стала рабыней, покинула Великий Лес, поучаствовала в резне сбытчиков эльфийской контрабанды совсем уже не на той стороне, где проходят интересы ее братьев по ушам...

И ее видел эльф, который приходил за контрабандой.

— Тебя посчитали предателем, из-за того, что ты была со мной? — спросил я для подтверждения своего умозаключения.

Лаврик согласно кивнула.

— Они своровали мои вещи, — произнесла девушка.

— Не только твои, — напомнил я.

— Наши вещи, — поправилась воительница. — По экипировке можно понять кому она принадлежит и...

Рука-лицо.

— Что «и»? — заинтересовался Фратель.

Что-что?

Жопа, чего уж тут говорить.

Наверняка же эльфы обнаружили место, где я разобрался с помощью перстня Гекаты.

И, раз даже Лаврик сообразила что к чему, а она не самая старая из ее народа и явно не участвовала в Последней Войне (не участвовала же, не врала же?!), то уж более опытные товарищи точно поняли о том, что произошло.

Меня внезапно бросило в жар.

Что.

Если.

Мои.

Следы.

Остались на месте, где прикончили их принцессу?!

Прежде я об этом как-то не задумывался.

Успела ли рассеяться магия портала после того, как я оттуда свалил, порубив гоблинов?

Остались ли какие-нибудь следы магии Теней там?

— Лаврик, — тихо обратился я к девушке, когда в мою пустую голову добралась мысль,двигающаяся к конечной станции моих синапсов со скоростью эсто-о-о-онского экспресса с того самого момента, как мы встретились друг с другом, — а как твой отряд меня выследил в Великом Лесу?

Фратер выругался.

— У вас вообще мозги есть? — прошипел он. — Какого хрена вы забыли на территории эльфов?! Мать твою, Практик, я думал ты умнее. Там же верная смерть для любого!

В голове что-то переклинило.

Рука потянулась к «Пожирателю Душ».

— Даже не смей поминать моих мать и отца, — не своим голосом пригрозил я, ощущая ледяную рукоять своими пальцами. — Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Усек?

Как-то я упустил из виду, поминал ли он их раньше.

Но сейчас эстонский экспресс второго маршрута тоже прибыл на конечную.

Паладин смерил меня оценивающим взглядом, после чего утвердительно кивнул.

Молча.

— Был не прав, — спокойно добавил он. — Прошу прощения.

Ну, почти молча.

Пальцы едва разжались с рукояти демонического клинка; последний буквально вопил у меня в голове невербальным желанием устроить кровопролитие.

Краем взгляда заметил, как расслабились эльфийка и зверолодка, видя, что короткая ссора подошла к концу.

Этот меч мне явно плавит крышу.

Почему ее товарищи решили, что я убийца их принцессы, я уже слышал — потому что при мне были вещи с места расправы.

Но, как они нашли меня в этих ебучих однотипных гектарах стройных блядских секвой?

— Я не знаю, — развела руками девушка, отвечая на мой последний вопрос. — Твой след взял командир отряда. Как он это сделал — мне не сообщали.

— Он маг? — поинтересовался я.

— Слабый, — сказала Лаврик. — Был магом.

Блять-блять-блять!

Какова вероятность того, что меня можно отследить по использованию или следам моей магии?

Вероятность в сто процентов!

Я уже не надеюсь на какую-то поблажку от этого мира.

А даже если нельзя найти, не удивлюсь, если эльфийская Богиня явно решила меня выследить на своей территории.

Возможно, что и сейчас наблюдает.

Твою мать...

Одни вопросы, никаких ответов.

Да что за хуйня-то такая?

— Батарейка, — Лео снова призывно выгнулась. — Пизда с хвостом, хватит строить из себя шлюху-провокаторшу! Как вы выследили наш отряд?

— Магия, — информативность ответа на уровне «Пиздец, дайте два». Чтоб я так жил. Впрочем, спасибо, не нужно. — Средник сказать, что от вас идет темный магия. Я настроиться. Следить. Выждать. Напасть, когда понять, что вы слаб и спать. Видеть ловушка, наложить сонные чары.

— Эта магия? — усилием воли я заставил Тени проявиться простым выбросом крупицы энергии на ладони.

Получилось нечто вроде фейерверка салатного цвета.

— Темный магия, — закивала Лео. — Власть мертвый. По ней следить.

Паладин длинно и нецензурно выругался.

Лаурель уронила голову в ладони.

Даже Слуга, который последнее время сидел на одном месте и полировал доспехи Фратера (он эту хуйню с собой что ли взять захотел?!), и тот притих, затравленно вжав голову в плечи.

Девятый круг ада...

Что за пиздец.

Мало того, что у врагов есть наше подробное описание, так еще и я фоню как радиоактивный изотоп.

И по мне могут найти весь отряд.

Бросить их не могу, потому что потеряюсь тут нахрен.

Впрочем, здравый рассудок напомнил о себе.

А зачем бросать?

Все они повязаны с тобой одним недоразумением. Каждому от тебя что-то нужно.

Лео — рабыня и пойдет всюду, куда скажу.

Богу Виноделия от меня что-то нужно, поэтому Фратер точно не отстанет, пока не выполнит задание или не сдохнет.

Слуга — раб Шовеля, поэтому пойдет за ним хоть на край света, а если понадобится — и дальше.

Лаврик...

Раньше я думал, что доберусь до Гиблых Земель и спроважу ее к своим.

Ведь там уже будет похер, придут ли по моему следу длинноухие — я свалю из этого мира.

Теперь же все усложнилось.

Я взял ее в плен и жестко подставил перед своими.

Наверняка они считают ее моей подельницей, оттого и есть заказ на ее светлую голову.

Теперь-то мне понятно к чему была ее инициатива на берегу речки.

Она теперь одна.

Брошу ее — прикончат.

Сбежит — прикончат.

Рано или поздно.

А со мной рядом она думает, будто бы есть шанс на выживание.

Вот только, что-то я сомневаюсь.

Посмотрев на Лаурель, нашел на ее лице и в глазах подтверждение своим догадкам о ее мыслях.

Девочка, ну еб твою мать...

Ну нельзя же так.

Я же не приспособлен для того, чтобы заботиться о ком-то.

Я вас всех собрал лишь для того, чтобы мне никто по дороге не наcostылял по шее, а то и чего хуже.

А тут еще выясняется, что я едва ли не магнит для всех охотников за головами в ближайшем будущем.

— Будет не просто добраться до Гиблых Земель, — многозначительно произнес Фратер, разглядывая меня и Лаврика.

— Гиблая Земля? — опешила зверолодка, у которой, похоже, тараканы в голове добираются тем же транспортом, что и у меня. — Там смерть! Туда не идти! Больно очень! Много больно!

— Наверяд ли хуже, чем здесь, — вздохнул я. — В любом случае, если мы туда доберемся, глядишь, наемники бзднут последовать...

— Уверен, что в таком случае самые упоротые попытаются поднять цену за твою голову, — пробормотал Паладин Бога Виноделия. — Я встречал тех, кто за большую награду и в драконье гнездо ползет...

Оптимизмом тут и не пахнет. Печально, чего уж тут скажешь.

А с другой стороны...

— Наверняка есть кто-то или что-то, способное скрыть ауру моей магии, — в прошлом мире подобные артефакты и заклинания имелись.

Возможно, что и в Аурхейме тоже есть.

— Были бы мы в Хейме, я бы постарался поднять связи, — сказал Паладин, — а в Ауре же... У меня маловато знакомых. Таких, кто мог бы подобное проверить — точно нет.

— А твой Бог? — без особой надежды поинтересовался я.

Фратер сжал крошечную чашу, болтающуюся у него на груди, закрыл глаза...

Некоторое время он просто сидел, не шевелясь.

После чего распахнул веки и молча покачал головой.

С отрицательным подтекстом.

Знали бы мы имя этого мудака, то могли бы поговорить даже когда он не хочет этого.

Уж универсальный круг призыва я мог бы по памяти начертить, однако обстоятельства складываются не лучшим образом.

По моему «следу» нас могут найти (и обязательно найдут) любые наемники, которые только есть в округе.

И, насколько я понимаю Лео, ее отряд вообще не был самым боеспособным и талантливым.

Они банально оказались ближе остальных.

Подозреваю, что не высока была и надежда на то, что они смогут справиться с нашей группой.

А раз так, то посредник наверняка уже подрядил другие отряды, не дожидаясь сообщений от Лео.

Ситуация...

— Мунназ, — неожиданно произнесла наша хвостатая нимфоманка, заискивающе посмотрев на меня.

Ну, хотя бы не выгибается сейчас, так что...

Лео, сука ты такая, я начал было думать, что хоть в ответственные моменты ты думаешь головой, а не яичниками.

Не сдерживаясь, от всей души зарядил фурри поджопник рукой.

— Говори, блять, — бросил я. — Что «Мунназ»?

Кошкодевка, мелко подрагивая от того, что только что произошло, едва не упала, но удержалась на ногах, схватившись за свой посох.

На ее кошачьей морде появилось блаженное выражение лица.

— Хозяин, — голос буквально лучился от обожания, а глаза такие добрые-добрые, зазывающие-зазывающие...

С тихим звоном металла Лаврик вынула из ножен кинжал (которому бы позавидовал и сам Джон Рембо), крутанула его в руке, после чего с демонстративным видом принялась строгать первую попавшуюся ветку.

— Мунназ есть колдун, — произнесла зверолодка, тут же отбросив в сторону шлюшьемазахистское поведение. — Работать на аристократ. Работать и тайно. Мочь помочь?

Надеюсь я правильно ее понял.

— В Мунназе есть волшебник, который под крылом аристократа, но «левачит» в тайне от него, и он может нам помочь?

Надеюсь я выдаю не желаемое за действительное.

Кошкоблядь энергично закивала головой.

— Он прятать меня как-то раз. Недолго хватить, но я много не просить. Мочь помочь?

— Этот волшебник спрятал твою ауру? — уточнил я.

Зверолодка закивала так, словно делала могучему африканскому воину горло...

Нахуй такие мысли!

— Да, — ответила зверолюдка. — Мочь прятать.

Сжавшиеся в ожидании, когда же их поимеют, полужопия, облегченно выдохнули.

Быть может не все так хреново, как я думал, так что...

Где-то позади меня из леса раздались звуки ломаемых сухих веток, которые никто, естественно не убрал после ночевки.

Вскочив на ноги, мы приготовились к бою.

Первым же желанием было схватиться за «Пожиратель Душ», но едва-едва я смог перебороть себя.

Пальцы сомкнулись на теплых деревянных рукоятях измененных эльфийских кинжалов.

Рядом с тугим звуком Лаврик натянула тетиву и приготовилась стрелять в кусты.

Как-то неуместна шутка про ее «залипание», которыми я баловался ранее.

Потому что только через секунду до меня дошло, что эльфийка сумела за короткое время не просто подготовиться к бою.

Но и достать тетиву, натянуть ее на свою деревяшку и достать стрелу!

Не автомат Калашникова, конечно, разобрать-собрать, но быстро.

Я бы даже сказал молниеносно.

Рядом с нами Слуга и Паладин подготовились к сражению своим излюбленным оружием.

Арбалет и сабля соответственно.

Тигрис заняла позицию за нами, зашипев и сформировав в своей когтистой лапе файербол.

С треском и шумом из подлеска на край поляны выбрался среднего роста полуголый мужик крепкого телосложения, удерживающий поводья двух хорошо знакомых нам коняжек.

Замерев, видя наше настроение, он какое-то время сверлил нас глазами, после чего, сосредоточив свой взгляд на мне, чинно кивнул.

Бросив поводья. Он припал на одно колено, слонив перед нами голову и зычным голосом произнес:

— Господин, капитан армии демона Лилит, Олегус, готов служить и защищать вас.

Мгновение, и на поляне замерла тишина.

Лишь треск пламени огненного шарика Лео нарушал молчание.

А потом меня прорвало:

— Да что тут происходит и с какого ху...?

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net